

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

1-й московский государственный педагогический институт
иностранных языков имени Мориса Тореза

Посвящается
50-летию Советской власти

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Выпуск IV

594682

МОСКВА — 1967

*Печатается по решению редакционно-издательского Совета
1-го Московского государственного педагогического института
иностранных языков имени Мориса Тореза*

Ответственный редактор
доктор филолог. наук
проф. *Г. В. Колшанский*

Редакционная коллегия

*М. Д. Степанови, Л. С. Бархударов, И. И. Чернышева, А. А. Санкин,
Л. И. Базилевич, Л. И. Илия, Н. И. Гез, Н. К. Гончаров*

М. Д. Степанова

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Отношение к семантике, как известно, претерпело существенную эволюцию на протяжении последних десятилетий. Если традиционное языкознание имплицитно исходило из значимой стороны языковых явлений во всех случаях их изучения и описания, то для большинства нелингвистических направлений характерно стремление выдвинуть на первый план структуру языка и его формальный анализ. Безусловно оправдана (хотя и при учете известного преувеличения) констатация С. Ульмана: «Семантика осталась совсем в стороне от общего направления в развитии современной лингвистики»¹. Однако ни одно из наиболее формальных лингвистических направлений фактически не смогло отказаться от семантики, выступающей как бы «фоном» той или иной структуры. Ср., напр., определение морфемы у Глисона: «Морфема — наименьший элемент выражения, непосредственно связанный с какой-либо точкой в системе *содержания*»², или его же пояснение алломорфы: «Два элемента можно считать алломорфами только в том случае, если оба они находятся в одинаковых отношениях к одной и той же структуре *содержания*»³ (слово «содержание» в обоих случаях выделено мною — М. С.). Поэтому закономерным следует считать то, что семантика снова стала привлекать внимание исследователей, при этом, с привнесением известной доли эксплицитности. В частности, характерной для нелингвистики является тенденция к

¹ С. Ульман. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. Сб. «Новое в лингвистике». Выпуск II. М., 1962, стр. 17.

² Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. Русский перевод. М., 1959, стр. 124.

³ Там же, стр. 124.

формализации области семантики, переносу на план содержания приемов описания плана выражения. Интерес представляет и то обстоятельство, что в большинстве современных грамматических работ ведущее место занимает синтаксис, как область непосредственного выражения коммуникации. Поворот к изучению семантики, при значительной степени ее «модернизации», с привлечением объективно-формальных приемов анализа, ощущается все более отчетливо. Однако, несмотря на отмеченное выше стремление к эксплицитности, в отношении категорий семантики до сих пор нет ни достаточной ясности, ни единообразия. Если в свое время Ф. де Соссюр сетовал на то, что «...в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными»¹, то это положение, оставаясь в силе в настоящее время для ряда лингвистических фактов, прежде всего касается категорий семантики, где нет даже единой установившейся терминологии, ср. «значение», «обозначение», «смысл», «план содержания», «сигнификат», «десигнат» и т. п.

Не имея возможности в рамках данной статьи остановиться сколько-нибудь детально на анализе современных зарубежных семантических теорий, отметим, что они в общем и целом характеризуются двумя особенностями, тормозящими плодотворное изучение семантики. Первая особенность — это установление релятивности собственного значения языкового знака: оно расплывается в «отношениях» между знаками. Эта точка зрения, характерная для Ф. де Соссюра, получила широкое развитие в таких далеких друг от друга школах, как, напр., глоссематика и неогумбольдтианство, и достигла своего апогея в крайних теориях «семантических» или «словесных» полей. Другая особенность заключается в стремлении провести резкую грань между лингвистическим значением и предметами и явлениями действительности, а также между выражающим значением знаком и обозначаемым им предметом: она воплощается в понятии «семасиологического треугольника», в трактовке отношений между его вершинами, проявляется же особенно ярко в доктрине неогумбольдтианства, в постулируемом им законе «промежуточного мира языка».

Согласно ленинской теории отражения, предметы и явления реального мира отображаются в нашем сознании в виде понятий, обладающих разной степенью абстракции и обобщения. Понятия как «...высший продукт мозга, высшего продукта

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Русский перевод. М., 1933, стр. 111.

материи»¹ представляют собой форму отражения природы в познании человека². Поскольку же понятия реализуются в единицах языка, последние, как и понятия, не могут быть оторваны от объективно существующих вещей. «Чувства показывают реальность; мысль и слово общее»³. Выражая понятия как обобщенные отражения факторов действительности, языковые единицы называют факторы — предметы и явления, — существующие в реальности. Именно в таком направлении (хотя и в разных его преломлениях) развивается теория семантики в работах большинства советских ученых, занимающихся проблемой языка⁴. Следует отметить, что соотношение языковых знаков и экстралингвистических факторов не смогли фактически обойти и представители названных выше направлений зарубежной лингвистики, вольно или невольно обращаясь к нему в ходе фактического анализа языковых явлений.

* *
*

В данной статье рассматриваются два типа значений: лексическое, т. е. значение лексических единиц — слов и грамматическое, т. е. значение грамматических форм слов и словосоединений. В большинстве семантических исследований уделено внимание именно лексическим значениям, как относительно легче выявляемым. Между тем, поскольку языковое общение осуществляется словами в грамматических формах и в грамматической сочетаемости, семантика не может быть приравнена к семаснологии, т. е. к учению о значениях самих слов, а должна рассматриваться в более широком лексико-грамматическом плане. Именно эти два уровня языка находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении, без которых не могла бы осуществляться коммуникация: слово же является основной единицей и того, и другого уровня. Значимы и единицы, более мелкие,

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1965, стр. 149.

² Там же, стр. 163—164.

³ Там же, стр. 246.

⁴ См. В. В. Виноградов. О формах слова. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. III, 1944; Основные типы лексических значений слова, «Вопросы языкознания», 1953, № 5 и др.; Е. М. Галгина-Федорук. Слово и понятие. М., 1956; Л. О. Резников. Понятие и слово. Л., 1958. Из числа последних работ следует назвать: Г. В. Колшанский. К проблеме понятия и значения слова. «Иностранные языки в высшей школе». Выпуск 1.1 МГПИИЯ, 1962; Его же. Логика и структура языка. М., 1965; С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965; К. А. Аллендорф. Значение и изменение значений слов. Ученые записки, т. 32. I МГПИИЯ, 1965; Его же одноименная докторская диссертация, М., 1966.

чем слово, — морфемы и фонемы, но они функционируют лишь в составе слова, составляя элементы его структуры и его значения.

Значение всякого языкового знака понимается нами как его экстралингвистическая направленность, как его соотнесенность с фактором внеязыковой действительности. При этом оно может рассматриваться в узком смысле как значение синтагматическое, проявляемое в конкретном контексте, и в широком смысле как значение парадигматическое, охватывающее все связанные между собой общим инвариантом синтагматические значения, которые могут быть реализованы данным знаком¹. Как известно, отождествление значения и предметной соотнесенности знака вызывает возражения. Сравн., напр., высказывание А. В. Исаченко: «Десигнат знака, его значение, т. е. то, что выражается десигнатором, ни в коем случае нельзя смешивать с тем, что обозначается языковым знаком, взятым как целое»², или утверждение Б. В. Горнунга, что «значение» знака не следует смешивать с его «предметной соотнесенностью»³. Как представляется, вопрос здесь заключается не в том, что «лингвисты путают» эти два понятия⁴, а именно в необходимости различать синтагматическое и парадигматическое значение знака. То обстоятельство, что, согласно пояснению А. В. Исаченко, знак «дядя» — это и брат отца, и брат матери, но также и муж двоюродной сестры отца или матери и т. д.⁵, свидетельствует лишь о широте понятия, выражаемого словом «дядя», и о соответственной многозначности этого слова. Синтагматическое значение знака «дядя» (его значение в узком понимании) входит в качестве составной части в общий комплекс парадигматического значения того же знака. Каждое синтагматическое, непосредственно реализованное значение соответствует определенной предметной соотнесенности знака, в то время как парадигматическое значение охватывает весь комплекс его возможных предметных соотнесенностей.

В состав парадигматического значения входят, независимо от одно- или многозначности знака, значения, соответствующие

¹ Оба термина мы употребляем до известной степени условно, исходя из понимания парадигматики как ассоциативного плана и синтагматики как линейной реализации его элементов.

² А. В. Исаченко. О грамматическом значении. «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 32.

³ Б. В. Горнунг. О характере языковой структуры. «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 40.

⁴ Там же.

⁵ А. В. Исаченко. Указанное произведение.

щие полному объему понятий, обобщающих признаки, свойственные всем соответствующим предметам или явлениям, и значение суженное, конкретизированное, ограниченное направленностью только на данный предмет или данное явление, ср.:

Собака — домашнее животное и
это — моя *собака*¹

* * *

*

В чем же заключается общая основа и в чем выражается различие между лексическим и грамматическим значением?

Лексическое значение — это направленность знака на предмет или явление реальности. Грамматическое значение направлено на отношения между предметами и явлениями, оно реляционно. Оба вида направленности имеют общую гносеологическую основу соотносительности с действительностью; оба типа значений могут характеризоваться и как синтагматические, и как парадигматические. Грамматическая форма может быть многозначной, как и лексическая основа слова — сравн. значение мгновенности, продолжения, повторения действия, присущие, напр., презенсу в немецком языке; значение принадлежности, признака, носителя признака и т. д., объединяемые формой родительного падежа как в русском, так и в немецком языке и т. д.² К существенным различиям лексического и грамматического значения относится, прежде всего, способ их выражения. Носителем лексического значения — как бы разнообразно оно ни было — является лексическая основа слова, которая и служит соответствующим языковым знаком. Грамматическое значение выражается формами, конституируемыми морфемами, внутренней флексией, служебными глаголами, порядком слов, ритмико-интонационным рисунком словосочетания и предложения, даже элементами лексики, при условии их системной организации. Далее, как лексическое, так и грамматическое значение может члениться на разные типы, но эта неоднотипность различна внутри каждого из них. Так, лексическое зна-

¹ См. М. Д. Степанова и И. И. Чернышева. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962, § 8. Оба типа значения определены там как «общий» и как «частный» аспекты значения, которые могут характеризовать любой оттенок полисемичного слова.

² См. статью G. Meier. Ein Beispiel der Monosemierung durch poetische Textanalyse. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1965, N 1.

В ней излагается теория «семем» — отдельных значений одного и того же знака, относящаяся как к лексике, так и к грамматике.

чение характеризуется разной степенью отвлеченности в зависимости от направленности слова на тот или иной вид предмета, признака, действия и т. д.: обычно лексическое значение связывают с категориальным значением части речи и лексического разряда внутри нее. Что касается грамматического значения, то выделение его типов связано с большими трудностями. Следует отметить, что в истории грамматики не раз делались попытки пояснить и классифицировать типы грамматических значений. Одно из наиболее принятых делений основано на выявлении объективного и субъективного отношения (последнее иногда называют субъективно-объективным), т. е. отношения между реалиями и отношения к ним человека¹. В. Г. Адмони, характеризуя грамматические категории, делит их, согласно выявляемым ими значениям, на логико-грамматические, т. е. выражающие отношения действительности, напр., винительный падеж как обозначение объекта действия, грамматическое число), и коммуникативно-грамматические, т. е. понятные только с точки зрения говорящего лица (1-е лицо — говорящий, 2-е — его партнер, 3-е — все остальные лица или предметы; различие между наклонениями, основанное на том, как говорящий оценивает реальность высказывания и др.); 3-й тип грамматических категорий характеризуется как структурно-грамматический, служащий для формальной организации единиц сообщения (напр., рамочная конструкция как средство связывания предложения)².

Наряду с грамматическими значениями, основанными на «объективных» и на «субъективных» отношениях (см. выше), иногда выделяется «внутриязыковое» значение, связанное с разными функциональными показателями непосредственно внутри языковых форм, как, напр., значение грамматического рода существительных, грамматических категорий прилагательных и т. д.³ (ср. с понятием «структурно-грамматической категории» у В. Г. Адмони). Сепир определяет данные типы значений как «чисто реляционные» в отличие от «конкретно-реляционных»⁴.

Рассмотренные выше подразделения грамматических значений интересны как попытка выявить их гносеологический

¹ См. А. Н. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 8; Е. И. Шендельс. О грамматическом значении в плане содержания. Сб. «Принципы научного анализа языка». М., 1959, стр. 51 и далее.

² W. Admoni. Die deutsche Sprachbau. M.—L., 1966, S. 11—13.

³ Е. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1952, стр. 40—41; Е. И. Шендельс. Указанное произведение, стр. 59.

⁴ Э. Сепир. Язык, Русский перевод.

характер, но спорны. В. Г. Адмони справедливо указывает, напр., на то, что выделенные им «логико-грамматические» и «коммуникативно-грамматические» категории не всегда четко отграничены друг от друга, имеют много общих черт¹. Как представляется, любое грамматическое значение — будь то отношение числа, падежа, времени, лица и т. п. — выявляет объективные отношения действительности. «Очевидно, — утверждает А. В. Исаченко, — что и денотатами категориальных показателей (таких, как, напр., вид, грамматическое время, грамматическое число, лицо и т. п.) будут связи или отношения внеязыковой действительности»². Возникает вопрос, не отражает ли, напр., наиболее «субъективная» из всех грамматических категорий — категория модальности, содержанием которой служит отношение высказывания к действительности, устанавливаемое говорящим, в конечном счете, такие же объективные связи действительности, как и остальные грамматические категории? Ведь и данное значение реляционно, отражает и событие действительности и то, как его оценивает говорящий. Вряд ли бесспорно и выделение «чисто внутриязыкового» грамматического значения, как не отражающего отношений действительности. Наличие реликтовых явлений в языке общеизвестно: к ним относится и грамматический род существительного. Но, утратив свои прежние денотативные связи, он выступает с новой функцией — средства синтаксического согласования, определяя отношение признака к его носителю, т. е. в конечном счете — экстралингвистическое отношение — ср. *ein großes Haus, eine große Stadt, ein großer Staat* — и т. д. То же можно сказать и о грамматических показателях прилагательного, выявляющих, помимо отношения признака к его носителю, отношение падежа и числа — ср. *N. heiße Milch — G. heißer Milch; Sing. ein kleines Kind — Pl. kleine Kinder* и т. д. Таким образом, все грамматические значения, выявляемые через категориальные показатели, имеют общий характер реляционности, отличающий их от предметно-признакового характера лексических значений, с которыми их объединяет общая гносеологическая основа соотношения с действительностью. Другой вопрос — это разнообразие грамматических, как и лексических, значений. Если лексические значения нелегко поддаются классификации, то это не в меньшей степени относится к значениям грамматическим. Их тип зависит и от способа выражения, и от того, выявляют ли они чисто морфологические, чисто синтаксические или морфолого-синтаксические связи и отношения, и от объе-

¹ W. Admoni. Op. cit., S. 12.

² А. В. Исаченко. Указанное произведение, стр. 33.

ма охватываемой ими лексики и т. п. Это разнообразие типов грамматических значений, с одной стороны, не укладывается в деление на две или на три категории (см. выше) и подлжит значительно более детальному разграничению и, с другой стороны, охватывается общей семантической чертой отражения отношений действительности.

* * *

*

Лексические и грамматические значения обладают и рядом менее принципиальных черт различия и сходства, чем рассмотренные выше. К первым относятся, напр.: исчислимость грамматических и неисчислимость лексических значений благодаря «закрытому» характеру грамматики и «открытой» системе лексики, не поддающейся точному учету и точной регистрации; значительно бо́льшая устойчивость грамматических значений по сравнению с постоянными изменениями семантики лексем; наличие четких грамматических оппозиций (ср. альтернативы: единственное — множественное число; активность — пассивность; реальность — ирреальность и т. д.), в то время как в лексике оппозиция свойственна в основном системам антонимов. В качестве общих черт следует назвать: склонность к обобщению и абстрагированию, хотя и различно характеризующих грамматические значения, где степень обобщения максимальна, и лексические значения, где она колеблется в зависимости от семантической категории, к которой относится слово, его контекстуального употребления и т. п.; возможность многозначности и омонимии, с одной стороны, и синонимии — с другой и некоторые другие. Специально должны быть названы случаи настолько тесного переплетения грамматических и лексических значений, что они не всегда могут быть отделены друг от друга. В качестве примеров приведем два вида таких лексико-грамматических «смешений». К первому можно отнести категории, которые нередко называют «лексико-грамматическими». Таковы части речи (классы слов), т. е. группировки, объединенные лексико-грамматическими признаками, т. е. обобщенно-категориальными лексическими значениями (предметность, процессуальность, признак и т. п.) и морфолого-синтаксическими показателями, и — в еще большей степени — дальнейшие членения внутри каждой части речи. В. Г. Адмони подчеркивает возможность отнесения таких семантических групп внутри класса существительных, как абстрактные и конкретные, нарицательные, вещественные, собственные, к «грамматическим категориям», хотя и с оговоркой, что это грамматические категории «совсем особого типа». Эти категории альтернативны: существитель-

ное может быть либо абстрактным, либо конкретным и т. д. (ср. с альтернативностью грамматических значений, о чем речь была выше — М. С.). Но носителем категориальных различий являются не словоформы, а сами слова¹. Можно с этой точки зрения рассматривать и аспектные классы глаголов в немецком языке (курсивные — терминативные), лексико-категориальным показателем которых служит отношение процесса к пределу, включенное в их лексическое значение, или объектные — субъектные глаголы, характеризующиеся направленностью — ненаправленностью действия на объект; семантические группы наречий, лексико-категориальное значение которых (времени, места и т. д.) совпадает с выполняемой ими синтаксической функцией и т. п.

Иной вид лексико-грамматического «смещения» наблюдается в таких случаях, когда при наличии выкристаллизовавшихся в языке грамматических категорий, объединяющих грамматическое значение и грамматическую форму, то же отношение выражается непосредственно самим словом, а не его формой. Таковы, напр., категория числа и категория лица. Категория числа находит свое выражение в грамматических формах имен и глаголов — ср. в немецком языке

das Buch — die Bücher ich lese — wir lesen

В то же время количественные числительные в разных языках обозначают число своим собственным лексическим значением, а не грамматической формой (грамматической категории числа они не имеют). Иное соотношение единственности — множественности мы имеем в противопоставлениях: отец и мать — родители; день и ночь — сутки; немецкое Bruder und Schwester — Geschwister и т. д. Такие «обобщающие» лексемы по-разному объясняются в грамматике: как Pluraletantum особого типа, как «лексические формы» множественного числа, как принадлежность особых «бинарных понятийных полей»². По существу же мы имеем здесь тесное переплетение лексических и грамматических значений. Категория лица выражается в большинстве языков грамматической формой глагола — ср. нем. ich gehe — du gehst — er geht, но вряд ли можно рассматривать как грамматические формы соответствующие личные местоимения, обозначающие лицо своим лексическим значением (ср. с тем же характером выражения числа личными местоимениями в разных языках).

* *
*

¹ W. Admoni. Op. cit., S. 92.

² О последних, ссылаясь на Р. Якобсона, пишет С. Д. Кашпельсон (Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965, стр. 77).

В данной статье характер и соотношение лексических и грамматических значений как основных видов лингвистического значения затронуты в самом общем плане. В частности, отдельные случаи переплетения обоих видов значений, представляющего большой интерес в плане изучения лексики и грамматики, раскрыты не полностью, иногда лишь упомянуты, многие не затронуты совсем, как, напр., функции служебных слов, явления фразеологизации в синтаксисе при различной степени стирания грамматических отношений внутри словосоединений, особый характер словообразовательных категорий и др. Основной целью статьи служило выявление общей гносеологической основы лексической и грамматической разновидности лингвистического значения; сближающих их факторов; как принципиальных, так и более частных расхождений, не нарушающих единства гносеологической основы. Эта цель непосредственно связана с проблемой семантики, изучение которой с марксистских позиций является первоочередной задачей современной науки о языке.

Е. В. Гулыга

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЕЙ

(языковые макро- и микрополя)

Целью данной статьи является попытка выделения языковых полей, предполагающих открытый характер как уровня грамматики, так и уровня лексики и тесное их взаимодействие. Прежде чем перейти к принципам построения этих полей, мы хотим высказать некоторые соображения относительно лингвистических единиц — составляющих поле или его конститuentов.

Таковыми конститuentами на грамматическом уровне являются словоформы и синтаксические структуры, в которых находят свое выражение грамматические категории морфологии и синтаксиса. Мы отказываемся от изложения разнообразных точек зрения по поводу грамматических категорий; мы придерживаемся понимания грамматических категорий как обобщенных понятий, выражающих грамматическое значение и облеченных в грамматическую форму. Это распространенная дефиниция носит весьма общий характер и является уязвимой: одно неизвестное раскрывается при помощи двух других. Однако это определение имеет то преимущество, что вскрывается сама сущность грамматической категории — ее двуликость. Делается понятной, как справедливо замечает П. С. Кузнецов, двузначность самого термина «грамматическая категория», который употребляется иногда вместо термина «грамматическое значение», а иногда вместо термина «грамматическая форма»¹.

Под грамматическим значением понимается выражение отношений как между явлениями объективной действительности

¹ П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 40.

сти, так и между явлениями объективной действительности, самим высказыванием и точкой зрения говорящего. Грамматическая форма — это материальная оболочка, в которую облекается то или иное грамматическое значение при помощи грамматических средств, которые становятся постоянными признаками грамматической формы. К грамматическим средствам относятся аффиксы, флексии, а также аналитические средства: вспомогательные глаголы, артикль.

Обычно грамматическая форма обладает не одним, а несколькими значениями. Наименьшее грамматическое значение или, вернее, грамматическое значение, которое не членится на частные значения, в работах последних лет называется *семой*¹.

Более сложным оказывается выяснение природы синтаксического значения. Представляется правильным путь, намеченный В. Г. Адмони в ряде работ. Подчеркивая, что компоненты предложения оказываются связанными грамматическими значениями, «которые надстраиваются над... лексическим значением и образуют целую вертикальную систему значений, одновременно «передающихся» от говорящего к слушающему»², В. Г. Адмони наглядно показывает многолинейность речевой цепи, разрабатывая партитурную схему грамматических значений в предложении³. Всего им насчитывается до 15 грамматических значений. Однако не все устанавливаемые им значения оказываются релевантными для выявления доминантного значения той или иной модели предложения. Некоторые грамматические значения присутствуют в предложении лишь потенциально, они как бы «погашены», в то время как другие «включены» и во взаимодействии с определенной структурой предложения образуют его синтаксическое значение. Следовательно, грамматическое значение предложения определяется суммой грамматических значений, актуализованных в определенной структуре.

Так, в предложении *Kein Mädchen wird mir nachweinen, denkt er, das ist selten. Das ist traurig. Wenn irgendwo eine an mich denken würde!* (Н. Böll. *Der Zug war pünktlich*) ирреальное желание образуется временной формой конъюнктива (в данном конкретном случае кондиционалиса I) в сочетании с союзом *wenn* и особым порядком слов. Остальные грам-

¹ Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке). Докт. дисс. М., 1964.

² В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 41; Его же. О многоаспектно-доминативном подходе к грамматическому строю. «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

³ В. Г. Адмони. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. НДВШ, Филологические науки, 1961, № 3.

матические значения лица, числа и т. д. оказываются «погашенными».

Не во всех работах проводится разграничение грамматического значения и функции. Допуская в отдельных случаях совпадение грамматического значения и функции, мы все же настаиваем на их разделении. Функция понимается нами как задача¹, как роль, присущая данному знаку в речевом процессе². В ряде случаев функция оказывается шире грамматического значения. Например, имя существительное, глагол, имя прилагательное выполняют функцию называния, назывную функцию, у каждой из названных частей речи имеется свое грамматическое значение; например, значение предметности, качества. Вряд ли можно говорить о грамматическом значении междометия, многие из них лишены лексического значения, вернее, их лексическое значение вытекает из контекста и ситуации, а вместе с тем совершенно очевидно, что все междометия выполняют эмоциональную функцию. Не вызывает сомнения существование указательной функции, выполняемой всеми компонентами так называемого указательного поля (см. дальше). Современная функциональная грамматика (Эрбен³, Шмидт⁴), исходит в основном из функций грамматических единиц, понимая под функцией грамматическое значение. Как было указано выше, это справедливо лишь в отдельных случаях.

* * *

Двуликий характер грамматических категорий предопределяет двойкий подход к изучению грамматического строя. Исходной может быть форма. Исследователь приводит инвентарь форм, объединяет их в парадигмы — совокупности словоформ и выявляет их значения путем обобщения. Даже при самом поверхностном наблюдении подтверждается мысль С. Карцевского о том, что знак и значение не покрываются, их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак выполняет несколько функций, одно и то же значение выражается разными формами. Это заставило С. Карцевского сделать еще один интересный вывод о том, что каждый знак в потенции одновременно омонимичен и синонимичен (*“Tout signe est virtuellement ‘homonyme’ et ‘synonyme’, à la fois,*

¹ И. Вахек. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964, стр. 250.

² А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 60.

³ J. Erben. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1964.

⁴ W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, 1965.

c'est-à-dire, qu'il est constitué par le croisement de ces deux séries de faites pensés" ¹).

Так, исходной при исследовании может быть грамматическая форма футурума I, образованная при помощи вспомогательного глагола werden и инфинитива, для которой устанавливаются три значения: 1) значение будущего времени; 2) значение предположения в настоящем времени; 3) значение приказания (для второго лица).

Если рассматривать каждое из этих значений изолированно, то можно прийти к выводу о том, что формы werden + инфинитив I и II, выражающие предположение, отпочковались от футурума и образовали новое наклонение ². В. Г. Адмони ³ и Х. Бринкманн ⁴ показывают, что эти значения связаны между собой и присущи одной форме.

Изучение грамматики возможно и в ином плане; исходным может стать значение; например, грамматическое значение будущего или приказания. Будущее время может быть выражено не только футурумом (доминантой), но и его контекстуальными синонимами ⁵ — презенсом, а также претеригом в несобственно-прямой речи. При выражении побуждения соотношение меняется: доминантой оказывается императив, наиболее нейтральная и всеобъемлющая форма, а футурум I, так же как и презенс, выражает приписание только в сопровождении интонации. Если же обратиться к значению предположения, то, действительно, грамматической формой для его обозначения оказываются футурум I и футурум II, которые, совпадая по модальному значению, отличаются по семе времени. Однако эти две грамматические формы не в состоянии передать всех оттенков, всех степеней достоверности и вероятности; для их передачи существует целая шкала, на которой располагаются по степени убывания (или же возрастания) модальные глаголы, модальные слова, некоторые части речи, выполняющие модально-оценочную функцию и др. ⁶.

* * *

*

¹ S. Karcevski. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. Travaux du Cercle Linguistique de Prague, I. Prague, 1929, p. 88.

² Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 150.

³ W. Admoni. Der deutsche Sprachbau. М.—Л., 1966, S. 191—193.

⁴ H. Brinkmann. Die deutsche Sprache, Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962, S. 327—328.

⁵ Е. И. Шендельс. Указанное сочинение. Ее же. Понятие грамматической синонимии. НДВШ, Филологические науки, 1959, № 1.

⁶ Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон. Грамматика немецкого языка. М., 1957; Е. В. Гулыга. Система средств выражения предположения в немецком языке и перевод на русский язык. Fremdsprachen, 1965, N 3.

Открытый характер лексического и грамматического уровней создает предпосылку для их взаимодействия и для проникновения лексических элементов в грамматический строй. Пристальный анализ грамматических значений показывает, что наряду с грамматическими формами существуют другие выразительные возможности, истоки которых надо искать в лексике.

Это, во-первых, словосочетания — особого рода лексико-грамматические конструкции; во-вторых, модальные слова, слова указательного поля, служебные слова, в меньшей степени слова-названия.

Представляется вполне справедливым мнение В. М. Жирмунского о том, что «только полный и широкий учет всех целиком или лишь частично грамматизованных сложных форм, существующих в языке, рассматриваемом в его развитии, может дать правильное и исчерпывающее понятие о системе языка как о явлении по природе своей динамическом»¹. Лексико-грамматические конструкции, удачно названные О. И. Москальской устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью², по оформлению напоминают глагольные аналитические формы, отличаясь от последних меньшей степенью грамматического идиоматизма³ и соответственно меньшей спаянностью компонентов. Не случайно в работе Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой конструкции с модальными глаголами *wollen* и *sollen* + инфинитив I, II, глаголами *haben* и *sein* + *zu* + инфинитив относятся к новым наклонениям⁴. Можно не соглашаться с подобным широким пониманием аналитических форм⁵, но нельзя не признать, что модальные глаголы *wollen* и *sollen* обнаруживают определенную тенденцию к грамматизации при выражении будущего времени (являясь синонимами футурума) и большую ее степень при выражении чужого суждения, на которое факультативно накладывается сема сомнения в истинности этого высказывания. Можно не признавать за конструкцией *haben* или *sein* + *zu* + инфинитив грамматического значения наклонения, но нельзя не видеть, что эти конструкции грамматизировались в

¹ В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. Сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 36.

² О. И. Москальская. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. «Вопросы языкознания», 1961, № 5.

³ М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале немецкого языка). Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.

⁴ Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 149—150.

⁵ Критику этой концепции см. О. И. Москальская. Указанное сочинение.

большей степени, чем модальные глаголы *müssen* (sollen) и *können* + инфинитив при обозначении необходимости или возможности действия, выраженного инфинитивом, причем при наличии переходного глагола на эту функцию, именуемую внутренней модальностью¹, накладывается значение активности и пассивности².

Большая степень грамматизации конструкций *haben* и *sein* + инфинитив доказывается тем, что *haben* и *sein* утрачивают свое лексическое значение, а модальные глаголы значения необходимости, желания и долженствования выражают своими лексемами.

Интересным оказывается, что лексико-грамматические конструкции могут выступать синонимом грамматических категорий; например, модальные глаголы при выражении будущего времени, когда грамматическая форма является доминантой. Они могут быть равноправными; этот случай можно наблюдать при выражении модальности предположения, когда на шкале располагаются в качестве равноправных партнеров (но не синонимов) футурум I и II, а также конструкция с *müssen*, выражающая высшую степень предположения, граничащую с действительностью и конструкции с *können*, *mögen* и *dürfen* (*dürfte*) со значением меньшей степени достоверности по сравнению с футурумом I и II. Наконец, для выражения внутренней модальности грамматические формы отсутствуют вообще.

Сложнее оказывается выявить способность лексических единиц-слов выражать значение, которое соприкасается с грамматическими формами. По удачному определению А. А. Шахматова, грамматическое значение является сопутствующим основному³. Но эта характеристика выясняет только взаимоотношение между грамматическим и лексическим значением в слове, устанавливает своего рода иерархию. Говоря о значении слова, лингвисты обычно исходят из слов-названий в силу объективности и надситуативности их значения⁴. С. Д. Кацнельсон подчеркивает, что «в каждом акте употребления они сохраняют некое инвариантное ядро, определенный минимум признаков», что позволяет им называть предметы и явления объективной действительности⁵, а не отношения меж-

¹ Т. В. Борисова. Лексические средства выражения модальности. Канд. дисс. М., 1951.

² Подробнее см. И. М. Смолянский. Развитие сложной формы долженствования в немецком языке. Сб. «Вопросы синтаксиса в немецком языке». Л., 1959.

³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 420.

⁴ С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, стр. 8.

⁵ С. Д. Кацнельсон, Указанное сочинение, стр. 6.

ду ними, что составляет содержание грамматических категорий. Вместе с тем большинство слов-названий отличается богатой смысловой структурой. Не случайно В. А. Звегинцев стремится определить лексическое значение слова как совокупность лексико-семантических вариантов¹. Независимо от того, представлять ли смысловую структуру как ядро, вокруг которого группируются вторичные значения, или как соединение равноправных лексико-семантических вариантов, во многих словах-названиях в большей или меньшей степени заложена способность называть и выражать отношения. Для слов указательного поля, для модальных и служебных слов способность выражать отношения определяет их сущность, т. е. составляет основу их лексического значения. Эта способность, хотя и проявляющаяся иначе, чем у грамматических категорий, сближает различные по существу своему лексические и грамматические значения².

Целые структурно-семантические разряды существительных с временной семантикой обычно в сочетании с предлогами, а также наречия времени выражают временное значение, причем этот способ выражения оказывается гораздо конкретнее. Так, грамматическая форма футурума показывает, что действие совершится в будущем, а предложная группа *im nächsten Jahr* или наречие *tomorrow* указывают на определенную точку будущего.

Интересно, что лексические единицы — наречия (это же относится и к предложным группам) сочетаются с грамматической формой футурума и конкретизируют, уточняют его. При сочетании презенса с наречиями времени типа *tomorrow* последние переключают презенс в область будущего благодаря наличию в презенсе семы будущего.

Лексическое значение модальных слов *wahrscheinlich*, *möglich*, *vielleicht* совпадает со значением предположения, выражаемым модальными глаголами и футурумом I и II. Различие заключается в разной степени достоверности: модальные слова выражают меньшую степень, чем *müssen* + инфинитив I (II), *wahrscheinlich* занимает примерно то же место на модальной шкале, что футурум I (II), а *vielleicht* и *möglich*, отличаясь друг от друга степенью вероятности, в то же время синонимичны конструкциям с *mögen*, *können* и *dürfen*. Это последнее наблюдение свидетельствует о большей конкретности лексических единиц по сравнению с грамматическими и лексико-грамматическими категориями.

¹ В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957, стр. 126.

² В. А. Звегинцев. Указанное сочинение, стр. 92 и дальше.

Особое место занимают знаменательные слова, которые своей лексемой называют грамматическое значение, например, *befehlen*, *bitten*, *fragen*, *annehmen*, или соответствующие существительные.

Хотя реализация всех рассмотренных средств происходит на уровне синтаксиса, в языке имеются специальные синтаксические структуры, которые сосуществуют с морфологическими категориями для выражения грамматических значений. Так, относительные временные значения выражаются не только морфологически при помощи временных форм, но и синтаксически — придаточными предложениями с временными союзами. Значение сравнения передается не только степенями сравнения и лексическими средствами, но и придаточными предложениями с союзами реального и ирреального сравнения. Модальная дифференциация достигается только на уровне синтаксиса в сопровождении грамматических форм — конъюнктива.

* *
*

Итак, на разных уровнях функционируют разнообразные средства, призванные выражать и называть близкие значения. Все эти средства связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Они образуют системы, называемые нами макрополями. Так, можно выделить макрополе времени, макрополе модальности.

Сам термин «поле» встречается в лингвистике недавно. Он возник в лексикологии, вернее, в семасиологии: Ипсен предложил термин *Bedeutungsfeld*¹, Трип — *Begriffsfeld*², Вейсгербер пользуется термином *Wortfeld*³, а Порциг пишет о синтаксических полях⁴. Учение о двух полях (*Zweifelderlehre*) разработано Карлом Бюлером, предложившим разделить все слова на слова символического поля (*Symbolfeld*) и слова указательного поля (*Zeigefeld*)⁵. Это разделение имеет значение, выходящее за пределы лексикологии и грамматики. В грамматике термин *Modalfeld* предложен Бринкманном, разработавшим одним из первых в зарубежной грамматике модальное поле. Недостатком модального поля Бринкманна является отсутствие системности и разграничения внутренней и

¹ G. Ipsen. *Der Alte Orient und die Indogermanen*. "Festschrift für W. Streitberg". Heidelberg, 1924.

² J. Trier. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. Heidelberg, 1931.

³ L. Weisgerber. *Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik*, Düsseldorf, 1962.

⁴ W. Porzig. *Das Wunder der Sprache*. Bern, 1957.

⁵ K. Bühler. *Sprachtheorie*. Jena, 1934.

внешней модальности¹. В. Г. Адмони вкладывает в термин грамматическое поле иное понимание². Поля, построенные по принципам, близким нашим макрополям, разрабатываются на материале русского языка А. В. Бондарко³.

Макрополе характеризуется следующими признаками:

1. Его конститuentы — это средства разных уровней, которые связаны между собой системными отношениями.

2. Конститuentы макрополя связаны общим значением, выражающим или называющим отношения между явлениями объективной действительности или сами явления.

3. Общее значение макрополя не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть полярными.

4. Макрополе обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой: оно распадается на микрополя. Так, макрополе времени состоит из трех микрополей: микрополя настоящего, микрополя прошедшего и микрополя будущего, в каждом из которых переплетаются относительные значения предшествования, одновременности и предбудущего. Временные микрополя как бы двуярусны. Макрополе модальности обладает особо сложной структурой: оно распадается на поле действительности, единое по своему содержанию, и поле недействительности, которое в свою очередь состоит из трех микрополей: 1) потенциально-ирреального микрополя; 2) микрополя побуждения; 3) микрополя предположения. Микрополе предположения принципиально отличается от первых двух отсутствием доминанты. Этим оно отличается и от потенциально-ирреального поля с его доминантой — конъюнктивом и от микрополя побуждения с его доминантой — императивом. Если два последних микрополя можно представить себе в виде кругов с доминантой в центре, то микрополе предположения — это фактически шкала.

Системность микрополя подтверждается тем, что конститuentы связаны между собой определенными отношениями: синонимическими и антонимическими (полярными). Они могут сопутствовать друг другу, усиливая, ослабляя, уточняя и переключая основное значение.

В особых синтаксических структурах возможно сочетание взаимоисключающих компонентов из разных микрополей.

Vielleicht kam er morgen — возможно в несобственно-прямой речи.

¹ Н. Brinkmann. Cit. op.

² В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964.

³ А. В. Бондарко. О некоторых типах эволюции грамматических категорий в их отношении к категориям понятийным. Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка», ч. I. Самарканд, 1966.

Синонимические связи действуют только в пределах микрополя. Однако микрополе шире синонимического ряда, поскольку оно может охватывать и полярные значения, например, просьбы и приказания.

Полярные отношения могут действовать в пределах микрополя, но они являются ведущими для макрополя.

Многозначность доминанты и других конstituентов микрополя создает предпосылки для связи микро- и макрополей и свидетельствует о системном характере языка.

* * *

*

Особый характер носит указательное поле, конstituенты которого представлены уровнем лексикки, но не его основным слоем, а периферийным — местоимениями, местоименными наречиями (формами на *d-* и на *w-*), а также наречиями местоименного характера, типа *hier—dort*, именуемые в лингвистике *Situativa*. Они образуют ядро поля с доминантами *das, dies(er)/jener*. К ядру поля примыкает артикль, представляющий уровень грамматики, а также личные, неопределенные местоимения и вопросительно-относительные местоимения и наречия. На периферии поля находятся союзы, модальные слова, прилагательные и существительные с модально-оценочной функцией.

Основной принцип построения УП — функциональный. Наряду с синтаксической функцией члена предложения все его конstituенты выполняют грамматическую функцию указания. Указательная функция может быть охарактеризована в самом общем виде, т. к. она реализуется в виде трех частных функций: 1) анафорической; 2) коррелятивной; 3) функции непосредственного или ситуативного указания. Кроме указательной функции, слова УП выполняют и другие функции; для некоторых из них характерна, например, функция подчинения. Отношения между конstituентами УП как синонимические, так и полярные; они основаны на взаимодействии функций и лексических сем. Слова УП обладают бедным набором сем. Специфика УП заключается в том, что его конstituенты — лексические единицы выполняют грамматическую функцию. Этим указательное поле отличается от семантических полей в лексике и приближается к описанным выше макрополям.

Установление и описание языковых макро- и микрополей представляется заманчивой и полезной задачей.

Л. С. Бархударов

ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

1. Перевод — явление сложное, многостороннее и многогранное. Поэтому не приходится удивляться тому, что процесс перевода может быть и действительно является объектом изучения не одной, а нескольких разных наук. Художественный перевод, в силу специфики своего предмета, входит в компетенцию литературоведения, и мы являемся свидетелями возникновения и успешного развития в нашей стране литературоведческой теории перевода. Психофизиологическая сторона перевода, т. е. происходящий в мозгу переводчика в момент перевода психический процесс, может и должен быть предметом исследования психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Проблемы, возникшие в течение последнего десятилетия в связи с попытками автоматизации перевода, непосредственно входят в сферу компетенции таких наук, как кибернетика и теория информации. Наконец, практическое применение перевода в целях обучения иностранным языкам необходимо входит в круг интересов дидактики и методики преподавания иностранных языков.

Существует, однако, наука, предметом непосредственного интереса которой является перевод: наука о языке или лингвистика. При этом следует подчеркнуть, что интерес, проявляемый к переводу со стороны всех других наук, кроме лингвистики, носит ограниченный характер.

Предметом исследования литературоведческой теории перевода является перевод художественной литературы; однако даже самый горячий поборник литературоведческого подхода к изучению перевода вряд ли станет отрицать тот факт, что литературоведение ничем не может быть полезным при изуче-

нии таких видов перевода, как перевод научно-технический или как синхронный перевод выступлений на дипломатической конференции. Психологию процесс перевода интересует именно как психический процесс, не более; поэтому там, где исследованию подвергаются результаты этого процесса, например, при сопоставительном изучении текстов подлинника и перевода, психология бессильна. Изучение перевода методами математических наук — теории информации и кибернетики — ограничивается, по крайней мере на сегодняшнем этапе развития науки, исследованием лишь наиболее элементарных отношений, дающим возможность моделировать процесс перевода (в основном перевода научно-технического) лишь в самом грубом приближении. Методика преподавания иностранных языков интересуется переводом лишь как видом учебной деятельности на занятиях по изучению иностранного языка, иначе говоря, лишь учебным переводом, но отнюдь не переводом как видом практической профессиональной деятельности.

Что же касается лингвистики, то область ее научных интересов распространяется буквально на все типы, виды и разновидности перевода: предметом ее изучения являются перевод письменный и устный, последовательный и синхронный, художественный, общественно-политический, научно-технический и пр. Разумеется, во всех этих случаях лингвистическая теория перевода занимается изучением лишь собственно языковой переводческой проблематики, т. е. именно лингвистической, но не какой-либо иной (например, психологической, эстетической и пр.) стороны процесса перевода. Именно поэтому мы далеки от того, чтобы утверждать, что единственно правомерным подходом к проблемам перевода является подход лингвистический: как раз, наоборот, мы полагаем, что успешное развитие «переводоведения» невозможно без самого тесного и дружественного сотрудничества различных наук, изучающих разные аспекты столь сложного и многостороннего явления как перевод.

2. Обычно, когда употребляют слово «перевод», то имеют в виду, по крайней мере, две разные вещи: а) перевод как результат переводческого процесса (например, когда мы говорим: «Это очень хороший перевод романа Диккенса»); б) перевод как самый процесс перевода. Именно в этом втором смысле термин «перевод» и будет употребляться нами в дальнейшем. При этом следует с самого же начала оговорить, что мы не имеем в виду психологическую сторону переводческого процесса (то, что происходит в голове у переводчика во время осуществления перевода) — эта тематика, как уже было указано, должна изучаться психологией и фи-

зиологией высшей нервной деятельности. Процесс перевода нами рассматривается с точки зрения чисто лингвистической, а именно, как определенного рода преобразование или трансформация исходного сообщения на одном языке в сообщение на другом языке. При этом слово «преобразование» не следует понимать буквально — самый исходный текст, конечно, не «преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе; но наряду с ним создается другой, параллельный ему текст на другом языке. О «преобразовании», стало быть, речь может идти лишь в том смысле, в каком употребляется вообще в языкознании понятие трансформации: когда мы говорим, например, об «активно-пассивной трансформации», то не имеем в виду того, что активная конструкция «изменяется в пассивную» — речь идет лишь об определенном отношении между двумя синтаксическими конструкциями, причем таком, при котором одна из конструкций (в данном случае активная) принимается за исходную, а вторая объясняется как производная от первой. Точно так же и в процессе перевода — исходный текст сам по себе не изменяется, не исчезает, но на его основе и исходя из него создается новый текст, но уже на другом языке.

3. Таким образом, если мы хотим дать объяснение лингвистической сущности процесса перевода, то нам необходимо прежде всего выяснить, на основе чего соотносятся друг с другом текст подлинника и текст перевода. Иначе говоря, нам нужно установить, что является инвариантным как для текста подлинника, так и для текста перевода, т. е. что именно остается неизменным при лингвистическом преобразовании одного сообщения в другое. Ведь, сравнивая друг с другом текст подлинника и текст перевода, мы устанавливаем, что между ними (если это только не буквальный перевод) нет, как правило, никакой формально-языковой общности — вся лексическая и синтактико-морфологическая структура исходного текста, т. е. текста подлинника, является совершенно иной и не может не являться совершенно иной, по сравнению с текстом перевода. Это и естественно, ибо речь ведь идет о текстах на двух разных языках, а у разных (даже у самых близко-родственных) языков структура всегда иная, неидентичная, качественно различная. Стало быть, инвариантное соотношение, существующее между текстом подлинника и текстом перевода, базируется не на сходстве лингвистических структур, а на чем-то ином.

4. По самой своей природе процесс перевода возможен только благодаря явлению, известному как «двусторонний характер языковых единиц». Выражение это означает, что всякая единица языка, начиная с морфемы и

выше (слово, словосочетание, предложение, группа предложений), характеризуется наличием двух сторон: плана выражения (формы) и плана содержания (значения). Наличие именно этих двух неразрывно связанных сторон и составляет сущность любого языкового знака. При этом в разных языках существуют единицы, различные по своему плану выражения (форме), но тождественные по своему плану содержания (значению). Так, например, английское слово *table* отличается от русского слова *стол* в плане выражения, но совпадает с ним в плане содержания (для простоты мы в данном случае отвлекаемся от того — для перевода весьма и весьма важного — факта, что единицы языка, в том числе и приводимые нами англ. *table* и русск. *стол*, характеризуются, как правило, многозначностью, ибо это явление хотя и существенно усложняет процесс перевода, но не меняет его сущности). Если мы теперь произведем замену англ. *table* на русское *стол*, т. е. изменим план выражения при сохранении инвариантного плана содержания, то мы можем сказать, что осуществился процесс перевода с английского языка на русский. Конечно, мы слишком упрощаем дело: ведь наименьшей единицей общения является, как известно, предложение, поэтому процесс перевода всегда осуществляется в пределах минимум одного предложения (гораздо чаще — в пределах группы предложений). Иначе говоря, при переводе с английского языка на русский происходит не замена английского слова *table* на русское слово *стол*, а замена английского предложения *This is a table* русским предложением *Это стол*; что касается замены английского слова *table* русским словом *стол*, то она осуществляется именно в пределах предложения, поскольку слово реально и не существует иначе как в пределах предложения. Так или иначе, но речь идет о том, что одна языковая форма сменяется другой языковой формой при инвариантности содержания: исходное английское предложение и переводящее его русское различны по форме, но идентичны по значению. Таким образом, мы считаем возможным определить перевод как преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении инвариантного плана содержания.

5. Из этого можно сделать только один вывод: если при переводе происходит замена плана выражения при неизменности плана содержания, то это значит, что единственно существенным при переводе является именно неизменность выражаемого содержания. Иными словами, единственным требованием, предъявляемым к переводу (если не считать —

безусловно, весьма важного — требования соблюдения норм языка, на который делается перевод), является требование полной и точной передачи плана содержания. Что касается плана выражения, то само понятие перевода предполагает замену этого плана; поэтому выдвигать в качестве требования, предъявляемого к переводу, требование сохранения формы или плана выражения подлинника — это значит сознательно внедрять в перевод принципы буквализма (что действительно имело место в теоретической и практической деятельности школы буквального или «технологически точного» перевода в 30-х годах этого века). Требовать от перевода, чтобы он сохранял неизменным не только содержание, но и форму подлинника (если под формой иметь в виду языковую форму), это значит, по сути дела, требовать уничтожения перевода как такового, ибо сущность перевода как раз состоит в изменении языковой формы подлинника. Крайне важно усвоить ту истину, что при условии полной и точной передачи плана содержания подлинника и соблюдения языковых норм языка перевода для качества («адекватности» или «степени адекватности») перевода абсолютно irrelevantным является вопрос о тех конкретных языковых приемах, при помощи которых переводчик осуществляет свою задачу. Нелепо и бессмысленно требовать от переводчика, чтобы при переводе существительное всегда передавалось существительным, глагол — глаголом, придаточное предложение — придаточным предложением, а инверсия — инверсией. Еще раз напоминаем, что мы говорим о языковой форме, но отнюдь не о форме литературной; безусловно, сохранение литературной формы подлинника необходимо при переводе в том смысле, что стихи нужно переводить стихами, прозу — прозой, драматическое произведение — драматическим произведением и т. д. (Впрочем, и здесь есть свои пределы — вспомним, например, полемику по вопросу о передаче при поэтическом переводе стихотворных размеров подлинника; но здесь мы вновь возвращаемся «в лоно лингвистики», ибо неразрывная связь стихотворных размеров с фонологической системой данного конкретного языка вряд ли нуждается в доказательстве).

6. Мы уже ожидаем обычного — и вполне естественного — возражения: мы говорим о необходимости передачи содержания текста подлинника, но совершенно обходим молчанием вопрос о передаче того, что обычно называется «стилистической окраской» текста и имеет непосредственное отношение к характеру эмоционального воздействия, оказываемого данным текстом на читающего (или слушающего), — вопрос, имеющий первостепенную важность именно для художе-

ственного перевода. Такое возражение, однако, вряд ли оправдано. Говоря о полной и точной передаче плана содержания текста подлинника, мы употребляем термин «содержание» в максимально широком смысле этого слова — мы имеем в виду не только «интеллектуальное» или «предметно-логическое» содержание, но абсолютно всю передаваемую данным текстом информацию, как интеллектуальную, так и эмоциональную. Ведь следует всегда помнить, что т. н. «стилистические средства» или «средства художественной образности» представляют собою отнюдь не «чистую» форму, но сами по себе содержательны, т. е. также служат для передачи определенной информации. Поэтому к вопросу о передаче при переводе стилистических средств полностью относится все, сказанное выше: при переводе передается не само стилистическое средство, но лишь выражаемое им содержание, т. е. и здесь подход должен быть прежде всего функциональным. Что же касается самого стилистического средства, то в процессе перевода оно сохраняется не больше, чем любое лексическое или грамматическое средство, т. е. чем любая единица плана выражения. Напоминаем в этой связи, что каждый язык имеет свою собственную, сугобо специфичную систему стилистических средств, попытка сохранения которых в неизменном виде при переводе может привести не более чем к наивным буквализмам (для примера укажем, хотя бы, на такое специфически английское стилистическое средство, как аллитерация, которая абсолютно чужда строю русского языка и в процессе перевода должна, как правило, компенсироваться иными средствами).

7. Из всего сказанного может быть сделан лишь один вывод: если мы хотим построить законченную лингвистическую теорию перевода, то мы должны строить ее, исходя не из формальной, а из семантической стороны сопоставляемых языковых явлений. Иначе говоря, лингвистическая теория перевода должна идти не от формы к содержанию, а от содержания к форме.

Представляется, что в этом кроется одно из основных отличий теории перевода от любой другой лингвистической дисциплины, в первую очередь, от грамматики (в том числе и от сопоставительной грамматики). Известно, что для грамматики обычным и, видимо, единственно правильным путем является путь от формы к значению: грамматические единицы и категории устанавливаются прежде всего на основе формальных критериев, в то время как значение этих форм рассматривается как конечная цель грамматического анализа. Имевшие в лингвистической литературе место немногочислен-

ные попытки идти при построении грамматической системы от содержания к форме (например, в «Синтаксисе» О. Есперсена) оканчивались, как правило, неудачей, ибо они приводили к недопустимому смешению лексических и грамматических явлений. Установившийся в лингвистике путь анализа «от формы к содержанию» был механически перенесен нами на теорию перевода, что привело к нежелательным последствиям. В самом деле: мы говорим в курсе теории перевода, например, о «передаче форм времени глагола» или о «передаче значения падежей» и пр., но на деле оказывается, что при переводе передаются вовсе не «формы времени» и не «значения падежей» (если эти последние вообще существуют), а гораздо более широкие смысловые категории: значение временных отношений вообще, безотносительно к конкретным языковым способам его воплощения (формы глагола, наречия времени и др.); значение отношений между предметами и действиями вообще, безотносительно к тому, выражаются ли эти отношения при помощи падежных форм имени, залоговых форм глагола, предлогов, порядка слов или каких-либо иных средств и т. д. Существующий ныне способ анализа переводческих приемов, опирающийся, в первую очередь, на исследование отношения лингвистических форм (ср. самые названия разделов теории перевода в ее нынешнем виде: «грамматические проблемы перевода», «лексические проблемы перевода»), приводит, по сути дела, к подмене теории перевода сопоставительной грамматикой и сопоставительной лексикологией.

Нам представляется, стало быть, что для построения лингвистической теории перевода необходимо прежде всего установить систему инвариантных семантических единиц (если угодно, их можно называть «понятийными категориями» — дело не в названии), выражаемых во всех языках, но разными — лексическими и грамматическими — средствами, и установить закономерные соответствия между различными языками, исходя из способов формального выражения этих инвариантных семантических единиц. Такими семантическими единицами могут быть, например, понятия «количества», «времени», «способа протекания действия», «субъектно-объектных отношений», «причинности», «обусловленности», «противопоставления» и т. д. (конкретный инвентарь этих единиц и их наименования должны быть установлены в результате тщательного сопоставительного анализа всей системы лингвистических средств сравниваемых языков). Задачей теории перевода, таким образом, является установление отношений эквивалентности между различными языковыми единицами двух сравниваемых языков на базе их

функционального тождества в отношении выражения указанных инвариантных семантических единиц¹.

8. Выше (п. 4) нами было указано, что перевод всегда имеет дело с конкретными речевыми единицами («речевыми произведениями» согласно терминологии А. И. Смирницкого), минимальным из которых является конкретное предложение. Это значит, что в процессе перевода происходит замена целого текста (сообщения), но не отдельных элементов этого текста. Отсюда вытекает, что перевод не может быть сведен к простой подстановке тех или иных единиц (в простейшем случае — слов) одного языка вместо соответствующих единиц другого языка. В процессе перевода «заменяются» не языковые единицы, но целые речевые произведения; иными словами, о «замене» можно говорить только применительно ко всему переводимому тексту в целом. В пределах же данного текста (прежде всего в пределах предложения, но это касается и более крупных речевых произведений, чем предложения — целых периодов, групп предложений или абзацев) в подавляющем большинстве случаев требуется произвести многочисленные и сложные преобразования или трансформации с целью достижения адекватного перевода. О том, в каком смысле следует понимать термин «преобразование» или «трансформация», речь уже шла выше, в п. 2. В нашу задачу не входит (да это и невозможно в рамках доклада) специально рассматривать вопрос о разных видах переводческих трансформаций. Укажем только, что все эти трансформации можно свести к четырем основным типам, в целом совпадающим с типами изменений, известными по трансформационной грамматике, а именно:

1. Перестановки (в наиболее простом виде — изменения порядка слов в предложении).

2. Замены (замены частей речи; замены слов с более общим значением словами с более частным значением и наоборот; антонимические замены и пр.).

3. Добавления (обычный случай — лексические добавления в качестве компенсации утраты грамматических средств выражения тех или иных значений).

4. Опускания (действие, обратное добавлению и производимое в прямо противоположных случаях).

Следует отметить, что указанные типы переводческих трансформаций лишь в редких случаях встречаются, так сказать, «в чистом виде», т. е. в отдельности. Как правило, они

¹ Для теории перевода особый интерес представляет, стало быть, изучение того, что Е. И. Шендельс называет «межаспектной синонимией» (см. ее статью — Понятие грамматической синонимии. Филологические науки, 1959, № 1).

сочетаются друг с другом: перестановка одновременно сопровождается заменой, грамматическое преобразование — лексической субституцией и т. д. Именно такой сложный, комплексный характер переводческих трансформаций и делает перевод столь сложным, трудным искусством, требующим больших знаний и умений.

9. Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что трансформации переводческие, в отличие от внутриязыковых (таких, как преобразование активных конструкций в пассивные, утвердительных в отрицательные и т. п.), характеризуются — помимо того очевидного факта, что они производятся не в пределах одного и того же языка, но при переходе от одного языка к другому — также и тем обстоятельством, что преобразованию подвергаются не языковые единицы, но конкретные речевые произведения. Трансформационная грамматика изучает взаимные отношения разных грамматических (точнее, синтаксических) единиц в пределах одного и того же языка; теория перевода изучает, напротив, взаимные отношения целых текстов. В трансформационной модели исходные и производные конструкции сосуществуют в пределах одного и того же текста, во всяком случае в потенции: активная и пассивная конструкции, утвердительные и отрицательные предложения могут употребляться и действительно употребляются совместно, друг за другом, в пределах одного и того же текста. Иное дело при переводе: как мы уже указывали в другом месте¹, особенностью переводческого процесса является то, что производимые им единицы, как правило, не сосуществуют с исходными единицами (т. е. с текстом подлинника) в пределах того же речевого произведения, на одной и той же синтагматической оси. Вообще одновременное использование в пределах одного текста нескольких разных языков является редким исключением и характеризует, главным образом, тексты по языкознанию, т. е. такие, в которых язык выступает уже не как средство общения, а как объект исследования. Ср., например, следующий любопытный пример из О. Есперсена: *Tobler, Verm. Beiträge* I. 160 calls "c'est moi qui suis le maître" illogical, and finds "ce n'est pas moi qui suis le maître" noch seltsamer. (*Analytic Syntax*, p. 83). Здесь в пределах одного и того же предложения употребляются три разных языка: Есперсен, пишущий по-английски, цитирует в подлиннике слова Тоблера, пишущего по-немецки, который, в свою очередь, цитирует как объект исследования определенные французские конструкции. Само собой разу-

¹ См. нашу статью «Общелингвистическое значение теории перевода» в сборнике «Теория и критика перевода» (Изд. ЛГУ, 1962).

меется, такие и подобные им примеры являются лишь исключениями, подтверждающими общее правило: тексты на разных языках сами по себе непосредственно не «сталкиваются», т. е. текст подлинника остается ограниченным передающей стороной, а текст перевода — ограниченным принимающей стороной в процессе коммуникации, будь то перевод устной или письменной речи. Сам по себе процесс перевода, стало быть, ограничен деятельностью самого переводчика — посредника в межъязыковой коммуникации. Это, однако, отнюдь не значит, что теория перевода носит исключительно узко прикладной характер и нужна лишь для потребностей практической деятельности самих переводчиков. На самом деле, чисто теоретическая важность проблематики теории перевода для частного и общего языкознания огромна. Но по этому вопросу мы уже имели возможность высказаться в другом месте (см. указанную выше статью «Общелингвистическое значение теории перевода»).

Ф. М. Березин

О ПРИЛОЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ МЕТОД, ДИСТРИБУТИВНЫЙ МЕТОД) К МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Понимание языка как системы уровней — фонологического, морфологического и грамматического, — тесно связанных между собой, определяет тот подход к языку, согласно которому элементы этих уровней понимаются как функционирующие в целом высказывании, а не изолированно. Этот подход к языку, определяемый в целом как структурный или структуральный, оказывает определенное влияние и на перестройку методов преподавания иностранных языков, которая на современном этапе своего развития все более и более опирается на достижения современного языкознания¹.

Вопросы методики преподавания иностранных языков становятся составной частью международных лингвистических конгрессов, различного рода языковедческих симпозиумов, коллоквиумов и семинаров².

¹ См., напр., A. Pinkas. Structural linguistics and system as composition teaching to students of English as a foreign Language. *Language Learning*, 1962, v. 12, N 3; Th. Murguis. The Applications of Linguistics to the Class-room Situation. *Hispania*, 1963, v. XLVI, N 2; S. Ives. Linguistics in the Class-room. *Сб. Perspectives on Language*. N. Y., 1963; Ch. Fries. *Linguistics and Reading*. N. Y., 1963; H. Smith. *Descriptive Linguistics and the Future of Modern Language Teaching*. *IJAL*, 1962, v. 28, N 1, part II; A. M. Halliday. *The linguistic Sciences and Language teaching*. London, 1965; *Linguistics and English Language Teaching*. Poona, 1965, и др.

² Proceedings of the 8th International Congress of Linguistics. Oslo, 1958; Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics, 1962; Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences. Helsinki, 1961; Approaches to semiotics. London, 1964; A Symposium Presented at the 1962 Meeting of the American Anthropological Association (материалы см. в *Anthropological Linguistics*, 1963, v. 5, N 1).

Так, например, на 8 Международном съезде лингвистов на секции прикладного языкознания известный американский языковед и методист Ч. Фриз выступил с интересным докладом «Подготовка учебных материалов, практических грамматик и словарей, особенно по иностранным языкам», где он особенно остановился на соотношении грамматики родного и изучаемого языков. Отметив два традиционных подхода в составлении практических грамматик изучаемого языка, основанных на 1) рецензивном и продуктивном контроле сегментов значения и 2) знании грамматических форм и правил их употребления, Ч. Фриз предлагает третий подход, согласно которому грамматика должна составляться на основе параллельного структурного анализа двух языков. При таком структурном анализе грамматика языка, по Фризу, представляет собою совокупность контрастирующих форм и окружений, которые сигнализируют об особом значении, которое он называет структурным. Судя по приводимым им примерам, под структурным значением он понимает полное изменение значения высказывания. Например, высказывание *The hunters killed the wolf* — *Охотники убили волка* отличается от высказывания *The hunters killed the bear* — *Охотники убили медведя* только своим лексическим значением; а высказывание *The hunters killed the wolf* отличается от высказывания *The wolf killed the hunters* — *Волк убил охотников* уже структурным значением. «С этой точки зрения,— пишет Ч. Фриз,— практическая грамматика имеет дело с теми контрастирующими (contrastive) окружениями, которые функционируют как структурные сигналы»¹.

В состоявшейся затем дискуссии участники ее (Н. Glinz, H. Stene, P. Meile и др.) отметили, что изучение иностранного языка должно вестись на основе родного языка посредством параллельного структурного анализа родного и изучаемого языков. Это требование систематического сопоставления структур родного и изучаемого языков в плане выявления их структурных сходств и различий уже ранее выдвигалось Р. Ладо в его книге «Языкознание через культуру (прикладное языкознание для преподавателей языка)»².

Что же касается составления словарей, то Фриз очень осторожно подходит к методу отбора словарных единиц на

¹ Proceedings of the 8th International Congress of Linguistics. Oslo, 1958, p. 745.

² Реч. З. М. Волоцкой на книгу R. Lado "Linguistics across culture (Applied Linguistics for Language Teachers)" (Michigan, 1957), см. в сб. «Структурно-типологические исследования» (М., 1962, стр. 210—211).

основе их частотности¹, предпочитая, чтобы объяснение значения лексических единиц давалось посредством контекста — набора одного или ряда предложений, из которых учащийся сам бы извлек нужное ему значение. Такие словари могут сопровождаться иллюстрациями.

Рекомендации Ч. Фриза по составлению словарей не идут далее констатаций сходства и различия в значении словарных единиц, вызванных социально-культурными причинами, но его указания на изучение структурных различий родного и изучаемого языков являются весьма стимулирующими для применения новых методов исследования языка к методике преподавания иностранных языков². (Ср. в этом плане: «... усвоение иностранного языка означает не установление определенного ряда соответствий, а сопоставление обеих систем с установлением общих фактов, обратимых в простые уравнения, и особенно с раскрытием специфических отличающихся фактов»³).

Выявление таких сопоставлений, могущих быть сведенными к совокупности специальных правил в родном и изучаемом языке и операций с этими правилами, на наш взгляд, представляется возможным извлечь из основных положений трансформационной грамматики, под которой понимаются правила выведения производных конструкций от одной основной, ядерной.

Трансформационный анализ языка (и связанная с ним трансформационная грамматика) только утверждает себя, поэтому ряд связанных с этим анализом дефиниций не является четко определенным. Нельзя считать единым и в достаточной степени установившимся и определение трансформационной грамматики. Как нам представляется, для методики преподавания иностранных языков наиболее приемлемым является следующее определение: «Под трансформационной грамматикой... понимается описание таких преобразований разных сочетаний морфем и сочетаний слов данного

¹ Ср. с этим Т. В. Гутченко. Из опыта применения статистических методов для определения объема и оценки эффективности учебного словаря (Труды Рижского института инженеров гражданского воздушного флота им. Ленинского комсомола. Рига, 1963, вып. 32).

² Изложение взглядов Ч. Фриза см. А. А. Залевская. Основные положения методической системы Ч. Фриза. Ср. «Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков». Алма-Ата, 1965. См. также G. Helbig. Die Methodische Konzeption der Sprachbeschreibung bei Ch. G. Fries. *Deutsch als Fremdsprache*, 1955, Jg. 2, N 4, S. 1—15.

³ Ч. Погирк. Заметки о процессе усвоения иностранного языка *Revue de Linguistique*. Bucarest, 1963, t. VIII, N 1.

языка, при которых сохраняется смысл (во всяком случае, в определенных заданных пределах)»¹.

При расширенном толковании такого понимания трансформационной грамматики в практических целях преподавания языков ее можно представить как совокупность правил преобразования синтаксических структур изучаемого языка на основе знания правил преобразования синтаксических структур родного языка. Здесь мы имеем по существу структурное сравнение двух языков, представляющее структурные признаки изучаемого языка через призму родного языка учащегося. Трансформационная грамматика «налагает» структуру и отношения между членами этой структуры внутри одного языка на структуру и отношения внутри другого. Основная цель заключается в том, чтобы показать, с одной стороны, где и как языки структурно сходны и где несходны, а с другой — провести такое сопоставление трансформационных моделей родного и изучаемого языков, которое помогло бы учащемуся уяснить сходство и различие в трансформациях этих языков; в этом случае учащийся получает дополнительный материал и учится использовать трансформации родного языка в сопоставлении с трансформациями изучаемого языка для овладения структурными характеристиками этого языка. Разработка правил трансформационной грамматики и овладение ими помогут учащемуся изучить с возможно большей степенью точности синтаксические структуры изучаемого языка, но на основе знания правил преобразования синтаксических структур родного языка. Для достижения этой цели трансформационная грамматика исходит из того, что учащийся уже получил некоторое лингвистическое образование в отношении своего родного языка, то есть обладает более или менее ограниченной системой формальных моделей родного языка, которыми он стремится дополнить некоторые формальные модели изучаемого языка.

Трансформационная грамматика с необходимостью имеет дело не только с тем, что нужно изучить, но и с тем, чего не нужно изучать. При трансформации форм из одного языка в другой имеется тенденция переносить из этого языка в другой многие привычки автоматического моделирования предложений, которые являются частью языковой интуиции учащегося; эти привычки приобретены путем использования системы, какой является его родной язык, и, будучи ограничены этой системой, являются несовместимыми с системой

¹ В. В. Иванов. Некоторые соображения о трансформационной грамматике. «Тезисы докладов на конференции по структурной грамматике», 1961, стр. 18.

изучаемого иностранного языка. Отсюда трансформационная грамматика стремится не только дополнить, но до некоторой степени и модифицировать определенные процессы и структурные характеристики системы родного языка учащегося путем указания на их несовместимость со структурным целым новой системы изучаемого языка. Трансформационная грамматика стремится к тому, чтобы дать учащемуся картину изучаемого языка таким образом, чтобы он для изучения этого языка использовал ряд признаков, свойственных его родному языку. Недостаточно дать учащемуся только словарный состав изучаемого языка. Цель трансформационной грамматики заключается в том, чтобы в пределах уже имеющегося и обогащенного языкового запаса, охватывающего две более или менее накладывающиеся друг на друга языковые системы, научить учащегося ограничиваться наиболее уместными в данном случае чертами этой общей системы, а не употреблять синтаксические модели из всего лингвистического инвентаря.

Одна из главных целей трансформационной грамматики состоит в том, чтобы показать взаимоотношения элементов формальной структурной системы языка, подлежащей изучению, довести понимание этого взаимоотношения до учащегося и таким образом научить его владеть этими отношениями внутри данной системы, то есть внутри изучаемого языка.

Формальные структурные признаки родного языка учащегося трансформационная грамматика стремится дать как ориентир для овладения отношениями элементов внутри структуры изучаемого языка.

Учащийся должен заучивать не перевод, а овладевать операциями по порождению синтаксических структур внутри изучаемого языка, используя в качестве отправного пункта свой родной язык.

В трансформационной грамматике важно помнить, что когда мы изменяем структуру в родном языке, то это ведет к большим или меньшим изменениям в соответствующей структуре изучаемого языка. Для выявления трансформации надлежит найти конструкции с одинаковыми классами и внешне кажущиеся соотносимыми, выявить и сравнить их окружения. На основе этого можно составить списки предполагаемых трансформ, встречающихся в одинаковых окружениях, вначале простых, после усвоения которых в изучаемом языке учащийся создает более сложные структуры.

При обучении языку необходимо принимать во внимание также и контекст, так как именно контекст, то есть формальное структурное окружение, определяет отношение слова к другим словам (и даже к частям слов) внутри синтаксиче-

ского целого, его значение и перевод. Глубоко правильным представляется замечание З. Хэрриса, указывающего на необходимость составления специальных правил, согласно которым производится поиск конструкций с идентичными окружениями.

Многие из недостатков в практике преподавания иностранных языков объясняются тем, что учащемуся не сообщают фактов структурной аранжировки и взаимоотношений элементов внутри структуры изучаемого языка, без чего картина этого языка получается неполной. Эти факты должны быть представлены учащемуся с наименьшей схемой формальных построений с тем, чтобы он на основе собственного лингвистического опыта оперировал простыми структурами изучаемого языка и производил от них более сложные.

Трансформационные операции устанавливаются в отношении тех окружений, в которых встречаются релевантные структуры обоих языков. Для учащегося формальные критерии как таковые не имеют или имеют очень небольшое значение. Владая материалом родного языка, учащийся главным образом оперирует им так, чтобы он для него что-то значил в пределах структурных ограничений, навязываемых ему характерными признаками языковой системы родного языка. И именно в этом свете трансформационная грамматика стремится представить учащемуся факты того языка, который он желает изучить.

До сих пор речь шла о трансформационном анализе синтаксических структур. Исследование лексических значений слова с помощью трансформационного анализа нельзя считать принципиально невозможным, и, несомненно, в будущем элементы трансформации также можно ввести и при преподавании лексики. Но сейчас еще рано делать далеко идущие прогнозы в этом отношении. Несомненно только одно: методы изучения языка и методы обучения языку не должны быть изолированы друг от друга.

Представленные выше соображения намечают один из тех путей, по которым может идти приложение трансформационной грамматики в практике преподавания иностранных языков¹.

* *
*

¹ В зарубежной методической литературе начинают появляться статьи, свидетельствующие о растущем стремлении использовать трансформационный анализ в процессе обучения языку. Так, в журнале «Language Learning» (1961 г., XI, № 3—4) заслуживают внимания статьи: R. Gunter. A problem in Transformational Teaching; M. Temper. Transformations in English Sentence Patterns.

Наряду с трансформационной грамматикой представляется возможным применить к методике преподавания иностранных языков также некоторые положения дистрибутивного метода, широко используемого в языкознании.

В большинстве работ по современному языкознанию отношения между языковыми единицами рассматриваются в двух планах: 1) в плане сходства и различия между ними и 2) в плане линейной последовательности этих языковых единиц.

В первом случае мы говорим, что отношения сходства и различия образуют парадигматические отношения и изучаются в парадигматическом плане. Если мы возьмем простейший пример — написание графем П и Г, — мы заметим, что в них имеется один общий признак — верхний поперечный полуграф и различаются они количеством основных графов (продольных палочек). Английские фонемы /e/ и /æ/ обладают общим признаком открытости, но степень открытости у них различна — в фонеме /æ/ она больше. При разложении значения слов *мальчик* и *старик* на так называемые семантические множители, находящие свою аналогию в дифференциальных признаках фонем, общим признаком являются признаки «человек» и «он» и различными — «большой возраст» и «малый возраст». Все выше приведенные графические, фонетические и семантические единицы языка находятся между собой в парадигматических отношениях. Степень сходства и различия у языковых единиц, конечно, колеблется, и мы можем говорить о различных видах противопоставления или оппозиций, но это не является предметом настоящей статьи.

В плане линейной последовательности между языковыми единицами могут быть установлены отношения совместной и раздельной встречаемости, предшествования или следования, контактного и дистактного расположения. Такие отношения называются синтагматическими или линейными: например, в английском языке сочетание фонем /pk/, в отличие от /ηk/ используется очень редко. В русском языке после фонемы /к/ гораздо вероятнее появление следующей фонемы /т/, чем /с/. Предлог в русском языке гораздо чаще ставится перед существительным /ради него/, хотя реже /в эмфатических конструкциях/ он употребляется и после существительного /бога ради/. Такие синтагматические отношения изучаются путем применения дистрибутивного анализа, который исследует дистрибуции. В современной дескриптивной лингвистике под дистрибуцией принято называть совокупность или сумму всех тех контекстов, в которых встречается данная морфема, слово, фраза, предложение, в отли-

чие от тех контекстов, в которых они встречаются не могут. Например, в русском языке морфема *хоч-* встречается в *хочу, хочешь, хочешь, хочет*, но не встречается в окружениях *---ите, ---им* и т. д. Морфема множественного числа *-а* возможна в сочетаниях *окн-, дом-, сел-*, но не встречается в сочетаниях *комнат-, стакан-*. В английском языке можно привести ряд контекстов или окружений, в которых инфинитив глагола встречается с частицей *to* (*I want to go*), в отличие от тех контекстов, в которых данное сочетание невозможно **I can to go*. Если один элемент никогда не встречается в таком окружении, в котором возможно появление другого элемента, то говорят, что такие языковые элементы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. В речи русских, происходящих из южных областей и пользующихся русским литературным языком, в одном и том же слове часто появляется то фрикативное, то взрывное «г», ср. (горот) и (горот). При усвоении произношения дети часто произносят /р/ или картаво или раскатисто. Каждое новое произношение какого-либо звука всегда дает какие-нибудь различия в речи одного и того же лица. Число таких колебаний бесконечно. Такие элементы находятся в отношениях свободного варьирования; напр., в свободном варьировании находятся между собой окончания тв. пад. ед. ч. *-ой, -ою; рукой, рукою*.

Рассмотренные выше отношения, в которые вступают между собой языковые элементы, показывают, что любой язык представляет собой структуру. Развитие новых методов исследования языка настоящим образом требует от преподавателя рассматривать язык не как набор отдельных несвязных фактов, а как определенным образом организованную структуру, причем изучение иностранного языка должно вестись посредством систематического сопоставления структур родного и изучаемого языков в плане выявления их структурных сходств и различий.

Само собой разумеется, что здесь речь идет не о сопоставительном изучении, а о выявлении тех внутренних отношений, которые характерны для структуры родного и изучаемого языков, и в установлении сходства и различий в этих внутренних отношениях. Цель такого сопоставления заключается в том, чтобы обнаружить, в каких отношениях в плане выражения и в плане содержания изучаемый язык является отличным от родного языка с тем, чтобы обратить внимание учащегося на эти отношения и помочь ему не употреблять внутреннюю форму родного языка. При передаче совершенно ясного русского предложения *Меня ранило в руку* на английский язык возникают неясности, какое слово употреблять в

английском языке — hand или arm. Чтобы этих неясностей не возникло, учащегося и следует ознакомить с внутренними отношениями, существующими в системе семантики английского языка с указанием их различия в семантике русского языка. Иначе говоря, распределение слов или дистрибуция слов *рука* в русском и английском языках различна¹.

И как нам представляется, глубоко прав современный американский лингвист Г. Глисон, когда он пишет, что для человека, изучающего иностранный язык, «дистрибуция является наиболее бросающимся в глаза признаком морфемы и, следовательно, ключом к раскрытию ее значения»². С этого бросающегося в глаза признака и следует начинать изучение иностранного языка. С этой точки зрения применение дистрибуции в преподавании иностранных языков может оказаться весьма полезным, конечно, при осознании всех тех ограничений, которые таит дистрибутивный метод сам по себе.

Применение дистрибутивного метода при преподавании иностранных языков следует начать прежде всего с выделения дистрибутивной модели на определенном уровне языка. (Под моделью понимается совокупность фонем, морфем или семантических единиц в данном языке, характеризующаяся распределением своих компонентов относительно всех возможных окружений в потоке речи). Определенные дистрибутивные модели могут употребляться для выработки речевых упражнений и при составлении программ для программированного обучения.

Выделение дистрибутивных моделей прежде всего следует начать в области фонологии, т. к. «активное владение языком требует почти стопроцентного знания фонологии, а знания грамматики — хотя бы на 50—90%. В то же время часто можно вполне обойтись одним (или даже меньше!) процентом словаря»³.

Установка на изучение фонологической системы обуславливается тем, что в настоящее время одной из ведущих тенденций в изучении иностранного языка является упор на говорение и понимание, а затем уже на чтение и письмо. Наряду с изучением фонетики, умение распознавать не только фонему изучаемого языка, но и их аллофоны помогает учащемуся в овладении иностранными языками. Овладение фонологической системой изучаемого языка при опоре на экспериментально выделенные дистрибутивные модели в фоноло-

¹ См. об этом ниже.

² Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 96. Мы бы сказали, что дистрибуция — наиболее характерный признак не только морфемы, но и других единиц языка.

³ Г. Глисон. Указанное сочинение, стр. 339.

гии, в сочетании с методической теорией, позволит ускорить усвоение правильного произношения и облегчит первые шаги учащегося в овладении звуковым строем изучаемого языка.

В фонологии практически важной является дополнительная дистрибуция, об основных признаках которой говорилось выше. Например, для изучающего русский язык чрезвычайно важным является различие твердого и мягкого «к» в его различном окружении; /к/ и /к'/ никогда не попадают в одинаковые произносительные условия: /к'/ встречается только перед /е/ и /и/, а /к/ перед /о/, /у/ и на конце слова, но никогда — наоборот, т. е. невозможно *рук/к'/ой* или *ру/к/е*. Несоблюдение этих условий безошибочно выдает в говорящем иностранца. В английском языке в отношении дополнительной дистрибуции находятся /к/ без придыхания и /к^h/ с придыханием, поскольку /к/ встречается в группах согласных с s, напр., в *ski*, в группе согласных перед другим взрывным в середине и в конце слова, как *act*; /к^h/ встречается в остальных окружениях, но никогда не появляется в тех окружениях, где встречается /к/. Вот эти разновидности фонемы /к/, которые встречаются в одних окружениях и не встречаются в других, называются аллофонами, этой фонемы. И нам кажется, что правы те методисты, которые говорят, что правильное использование аллофонов обязательно для любого, кто изучает иностранный язык с целью говорить на нем. Чтобы быть понятным, он должен научиться произносить все фонемы и использовать общепринятые в этом языке аллофоны. Вот это понимание фонологического принципа, осознание фонологических окружений, в которых встречаются те или иные фонемы, является необходимым условием для овладения иностранным языком.

Лучшие практические результаты оказываются достигнутыми тогда, когда на самой ранней стадии обучения произведен тщательный отбор ограниченного количества лингвистического материала, который путем повторения доводится до состояния автоматического навыка.

Поскольку язык служит для целей общения и всегда что-то передает, то закрепление этих моделей должно идти не изолированно, в виде повторения слова или группы слов с обрабатываемой фонемой, а в конкретной речевой ситуации, путем повторения простых, но значащих высказываний.

Обратимся теперь к иллюстрации того, как происходит выделение дистрибутивных моделей в морфологии и синтаксисе. В английском языке существительные отличаются друг от друга морфологически и синтаксически. С морфологической точки зрения существительные встречаются или с показателями множественности или без такового, и распределение

этих форм в контексте с предшествующим числительным позволяет относить их к разным классам, к получению разных дистрибутивных моделей: мы можем сказать *two books*, но нельзя сказать **two waters*. В английском языке возможно сочетание *some oil* и *some oils*, но не всегда — *some boys*. Можно сказать *much oil*, но нельзя **much boy*, *many* возможно в сочетании *many oils* и *many boys*; **many boy* и **much oils* — невозможно. Эта сочетаемость позволяет выделить различные классы слов, сочетающихся с *some* или *much* (*sugar, time, oil, water* и др.) и не сочетающихся с ними (*boy, book, house, tree* и др.), т. е. то, что в традиционной грамматике называют «неисчисляемые» и «исчисляемые существительные», или, как их еще называют, *mass nouns* и *count nouns*. Эта классификация основана только на дистрибуции и здесь возможно выделение следующих дистрибутивных моделей: *mass nouns* может предшествовать конструкции «число + *count noun*» — *three cup-s of tea*. Такая же конструкция возможна и с *count nouns*: *two set-s of books*. Но перед *count nouns* возможно употребление числительного (*three cup-s*), перед *mass nouns* — невозможно (**two tea*). Конструкция *how much* уже предполагает неисчисляемость и употребляется с *mass nouns*; конструкция *how many* предполагает, что последующее существительное — исчисляемое. Спрашивающий о количестве уже выбором определенной конструкции *how much* и *how many* сигнализирует о выборе между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными. В английском языке дистрибуция исчисляемых и неисчисляемых существительных с *much* и *many* различна; в русском же языке она одинакова: *хлеб* и *книга* одинаково сочетаются в окружении *много хлеба* и *много книг*. Когда имеется одна форма в родном языке и несколько форм в изучаемом, тогда и возникает трудность в обучении иностранному языку. Если не отдавать себе отчета, что при изучении сходных элементов в родном и изучаемом языках дистрибуция элементов этих сходных конструкций различна, то это может служить причиной таких ошибок в речи изучающих английский язык, как **How many does it cost?*

При обучении иностранному языку, особенно на его первых этапах, учащиеся убеждены, что между словами родного и изучаемого языка имеется полное смысловое соответствие, и они долгое время внутреннюю форму родного языка стремятся облечь в чужое внешнее материальное выражение, что приводит к появлению «руссицизмов» при использовании иностранного языка. В действительности же одни и те же слова обнаруживают неодинаковую дистрибуцию в пределах одного понятийного поля, что особенно проявляется в дистри-

буции значения в разных языках: русскому *рука* соответствуют английские слова *hand* и *arm*. За словом *рука* в русском языке скрывается родовое понятие, а слова *hand* и *arm* английского языка выражают видовые понятия.

В русском и английском языках *рука* выражает сходное общее понятие, которое имеет различное языковое выражение в разных языках. Различное понятийное переосмысление ведет к различной лингвистической дистрибуции: если в русском языке — *Ребенка несут на руках*, то по-английски мы должны сказать *in arms*. В английском *arm* и *hand* не являются синонимами, поскольку они выражают различные понятия, и содержание этих понятий обуславливает возможность их появления в одном контексте и невозможность появления в другом. Множество других примеров иллюстрируют это положение: напр., русским предложениям *Я оставил надежду* и *Я оставил работу* соответствуют английские *I abandoned all my hopes* и *I quitted work*, потому что дистрибуция глагола *оставлять* в разных контекстах в английском языке различна.

Когда в родном языке имеется одна форма, которой соответствует несколько форм в изучаемом языке с их различными дистрибуциями, тогда и возникает трудность при обучении, трудность, преодолеть которую можно в том случае, если учащийся овладеет дистрибутивными моделями изучаемого языка и с их помощью будет выражать свои мысли. А правильное употребление этих моделей станет возможным только тогда, когда учащийся сознательно уяснит и усвоит внутренние, функциональные отношения, обуславливающие систему изучаемого языка. Этой конечной цели — длительной и сложной — предшествует выработка более простых процессов, операций, алгоритмов выделения дистрибутивных моделей¹.

¹ Некоторые образцы этих моделей можно найти в книге R. Lado and Ch. Fries "English Pattern Praetices", 1958.

Н. М. Минина

СИСТЕМА И СТРУКТУРА В ЯЗЫКЕ

В современной лингвистике не подлежат сомнению два положения, раскрывающие внутреннюю сущность языка: язык есть система и язык есть структура.

Определяя один и тот же объект, понятия системы и структуры должны находиться между собой в некотором отношении. В общетеоретическом плане эти понятия не противоречат друг другу, они совместимы и взаимосвязаны, поэтому и язык, действительно, может быть как системой, так и структурой, что не снимает необходимости уточнить применение того и другого понятия в отношении языка.

Определение языка как системы предшествует во времени его определению как структуры. Это определение принято соотносить с именем Ф. де Соссюра и с выходом в свет его «Курса общей лингвистики» в 1916 г., хотя и до него (особенно в трудах А. И. Бодуэна де Куртене) язык уже рассматривался как внутренне упорядоченное, организованное, системное целое. Но Ф. де Соссюр положил определение языка как системы в основу лингвистических исследований, попытался выделить языковую систему (*langue*) из многоаспектного явления, понимаемого под языком, и указал на некоторые языковые особенности системы языка. В частности, он охарактеризовал ее как систему знаковую, психическую, социальную и подчиняющуюся своему собственному порядку. И хотя в «Курсе» нет однозначного определения системы языка, нет четкости в определении ее частей и элементов, нет точного установления видов системных связей, он привлек внимание лингвистов свежестью и новизной поставленных проблем, стремлением сделать исследование языка в полной мере лингвистическим и найти пути и методы анализа языковой системы, исходя из языкового материала. Двойствен-

ность некоторых положений де Соссюра (напр., язык рассматривается им и как социальная, и как имманентная системы) не кажется нам противоречивой, она проистекает из сложного характера языковой системы, который был подмечен Ф. де Соссюром, но не мог быть раскрыт до конца¹.

Разграничение разных признаков языка, диффузно намеченных Ф. де Соссюром, имело далеко идущие последствия для языкознания. В нем оформились два основных направления, считающие, опираясь на Ф. де Соссюра, что: 1) языковая система является самодовлеющим целым, в котором существенны лишь отношения и создаваемые ими значимости, и 2) языковая система — историко-социальный феномен, зависящий от всех сторон материальной и духовной жизни народа — носителя и творца языка. Объединяющим фактором выступает то, что вся современная лингвистика видит в языке знаковую систему, служащую универсальным средством коммуникации в человеческом обществе.

Определение языка как структуры впервые было дано в 1929 г. в Тезисах Пражского лингвистического кружка². Понятие структуры выводилось Пражским лингвистическим кружком из соссюрских положений о том, что язык — форма, а не субстанция, что в языке существенны лишь отношения, которые и определяют единицы языка. Структура объединялась с понятием отношений внутри системы. Таким образом, структура выступала здесь как свойство системы, определяющее внутренние отношения и расположение ее единиц. Исследование этого свойства языка, его структуры становится центральным в основном направлении лингвистики XX века — в структурализме.

Представители Пражской школы структурализма не забывали, однако, за структурностью языка о его других свойствах, например, о его функциональности. В то же время в одном из направлений американского структурализма, дескриптивной лингвистике, и в глоссематике признание структуры языка чистой формой, единственным фактором, конструирующим язык, становится исходным пунктом лингвистического анализа, а конечным — также структурное описание структуры языка. Структура перестает быть в таком понимании основным свойством системного объекта, она определяет сущность объекта, т. е. система языка заменяется структурой языка.

¹ Это вполне естественно, если учесть, что «Курс общей лингвистики» был создан после смерти Ф. де Соссюра и что издатели Ш. Балли и А. Сешэ внесли в него некоторые свои интерпретации. См. об этом А. А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965, стр. 49.

² Travaux du cercle linguistique de Prague, N 1. Prague, 1929.

Сравнительно недавно, в 1959—62 гг., в нашей стране и за рубежом прошли дискуссии по проблемам системы и структуры в языке¹, на которых были выявлены расхождения и сходство мнений лингвистов по этим центральным проблемам языкознания.

Как на дискуссии о системности в Москве, так и на Международном симпозиуме о знаке и системе в Эрфурте общим был вывод: «Система языка — совокупность малых систем со специфической структурностью»², «язык представляет собой систему (частных) систем»³. В Эрфурте много дискутировался вопрос о количестве (под)систем в системе языка. Их число определяли от двух (Г. Мейер) до неизвестно большого числа (Э. Бенвенист). Но обычно в языковой системе выделяют три — фонологическую, грамматическую и лексическую (под)системы или четыре — фонологическую, морфологическую, синтаксическую и лексическую. Каждая из этих (под)систем обладает своими единицами и своими видами связей, т. е. своей структурой. В Москве много говорилось о степени системности и структурности подсистем. Некоторые советские языковеды предпочитают применять к языку понятия системности (а не системы) и структурности (а не структуры), так как система и структура предполагают постоянство и завершенность, а язык находится в непрерывном изменении, что не исключает наличия в нем черт системы и структуры, т. е. системности и структурности⁴.

Подсистемы соединяются друг с другом иерархически. Элементы одной (под)системы входят в состав элементов

¹ В 1959 г. состоялся международный симпозиум в Эрфурте, материалы которого см. в сб. "Zeichen und System der Sprache". Veröffentlichung des I. Internationalen Symposions "Zeichen und System der Sprache" vom 28.9. bis 2.10. 1959 in Erfurt, I. Band. Berlin, 1961; II. Band. Berlin, 1962; в 1960 г. была дискуссия в Москве, где эти вопросы были затронуты в другой связи, см. сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., АН СССР, 1960; в 1962 г. здесь же прошла дискуссия о проблеме системности в языке, см. «Известия» АН СССР ОЛЯ, т. XXI, вып. 4, 1962, стр. 359—363; Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке. АН СССР, Ин-т языкознания, М., 1962; в том же году представители разных наук во Франции, лингвисты в том числе, обсуждали содержание понятия структуры в гуманитарных и социальных науках, см. сб. "Sens et usage du terme structure dans les science humaines et sociales". s'Gravenhage, 1962.

² Заключительное выступление Б. А. Серебряникова. «Известия» АН СССР, ОЛЯ, т. XXI, вып. 4, 1962, стр. 363.

³ Заключительное слово Е. Seidel. Zeichen und System der Sprache, В. II, S. 218.

⁴ См. доклад М. И. Гухман. Понятие системы в синхронии и диахронии на дискуссии 1960 г. и статью того же названия в журнале «Вопросы языкознания», 1962, № 4 и выступления Н. С. Чемоданова в Эрфурте.

другой (под)системы. Иерархическое объединение (под)систем составляет, по мнению большинства лингвистов, языковую систему. А. А. Реформатский считает, однако, что системные ярусы языка (фонологический, морфологический и т. д.) по вертикали образуют структуру, типичную даже не для отдельного языка, а для группы родственных языков. «Структура — общее свойство языков, которое варьируется от типа к типу языка, система специфична для каждого отдельного языка»¹.

Присоединяясь к этой концепции, Н. Н. Коротков приходит к выводу, что нельзя говорить о системе языка в целом, но только о ряде систем, что дефиниция языка как «системы (малых или под) систем» несовместима с пониманием языка как структуры особого типа².

Судя по материалам дискуссий и по работам советских и зарубежных лингвистов в современном языкознании гораздо лучше разработаны вопросы, связанные с анализом (под)систем, их единиц — фонем, морфем, фраз (или словосочетаний), а также связей — парадигматических, синтагматических, оппозиционных и т. д., чем вопросы общего строения языка как системы.

Положение осложняется еще и тем, что современная наука не только изучает язык как систему и структуру, но и представляет знания о нем в виде научных структурных систем. Таким образом, в лингвистике, как и в других науках, возникают системы языков теории (т. н. метаязыки) для исследования системы объекта — естественного языка. Но в других науках (напр., в химии, математике) свойства и качества метаязыка оторваны по своей природе от изучаемого объекта; в языкознании язык теории и система языка находятся в постоянной опасности подмены в процессе анализа одного языка другим, так как метаязыки лингвистики сходны по своей сути с естественным языком. Недаром оформившиеся в XX в. формальная логика и логическая семантика (логистика), в принципе не лингвистические дисциплины, включают в круг изучаемых ими формальных языков также и естественные языки, перенося признаки метаязыков на обычные языки. Включение математических и логических, формальных методов и методологических положений в аппарат исследования естественного языка оказались, с одной стороны, весьма

¹ А. А. Реформатский. Принципы синхронного описания языка. Сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка». М., АН СССР, 1960, стр. 31.

² Н. Н. Коротков. Система и структура как этапы анализа и описания языкового строя. Сб. «Спорные вопросы грамматики китайского языка». М., 1963.

плодотворными для лингвистики, а с другой стороны, способствовали часто наблюдаемому сведению на нет различия между системой самого языка и системой описания языка.

При системно-структурном подходе к анализу языковых явлений существует возможность проявления свойств трех видов структур: структуры изучаемого объекта, структуры исследовательского процесса и структуры изложения полученных результатов¹. Если две последние структуры (анализа как процесса и как результата) могут быть уподоблены друг другу, так как они являются двумя аспектами исследования, то со структурой самого исследуемого предмета они должны находиться в отношении, устанавливаемом для объекта и его модели: модель, построенная в ходе научного анализа, сложным и различным образом воспроизводит свойства объекта, но не является им. Структура описания (т. е. теория или модель) объекта в большой мере зависит от выбора точки зрения ученого, структура объекта независима от него; описание отвлекается от всего комплекса условий, в которых существует объект, и сосредоточивается на его отдельном аспекте, объект детерминируется совокупностью всех условий своего окружения и всех своих аспектов; структура описания «вырывает» объект из его временной связи и представляет его статичным, структура самого языка находится в постоянной временной увязке всех отрезков его существования и в непрерывной динамике. Эти отличия структур объекта и теории очевидны и достаточны для того, чтобы соблюдение дистанции и правил соотношения между признаками языка и метаязыка стало неременным условием лингвистического анализа.

Нам представляется, что Н. С. Трубецкому² удалось построить достаточно абстрактную и строгую модель, которая объясняет как все множество конкретных языковых фонологических фактов в их системных связях, так и некоторые общезыковые закономерности (оппозицию языковых элементов; нейтрализацию; бинарность; вариантность и инвариантность в языке). Фонологическая система Н. С. Трубецкого раскрывает фонологическую систему языка, не смешиваясь с ней и не «предопределяя» ее. Она — инструмент анализа, оттачивающийся в процессе работы, но ее построение не вытесняет из поля зрения исследователя языковой объект и отвечает ему.

¹ Интересна в этом плане статья чешских ученых О. Лешки и П. Новэка (A. Leska, P. Novak) «К вопросу о «структурном анализе» языка». *Slovo a slovesnosti*, 1965, N 2, Praha, где пишется о шести толкованиях понятия «структурного анализа» языка.

² Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*. М., 1960.

Обратное наблюдаем в глоссематике¹, в центре которой стоят проблемы, связанные с решением вопроса формы теории языка, а сам язык не служит ни основой, ни целью исследования. Лингвистическая теория определяется здесь как произвольная, независимая от опыта, не включающая в себя постулата о существовании объекта, «она одна может быть использована для исчисления возможностей, вытекающих из ее предпосылок»². Мы не будем останавливаться на критике «лингвистической алгебры» Л. Ельмслева, так как это уже сделано основательно и с разных точек зрения³, мы видим в ней выражение сознательной попытки дать анализ структуры языка, исходя из ранее построенной структурной теории (в «Прологоменах» указаны 106 определений, создающих эту теорию). В процессе разработки своей теории Л. Ельмслев вырабатывает ряд положений, плодотворных для лингвистики. Он высказывает мысль о паличии в языке плана выражения и содержания, связанных отношениями субституции и коммутации, о структурности значения слова⁴, о построении знаков языка из «фигур»; ему принадлежит определение языка, как знаковой и незнаковой системы. Эти изложения были развиты в работах других представителей глоссематики. Но обнаружение закономерностей естественных языков не играет в этой теории никакой существенной роли для теории, они не могут ослабить или усилить ее пригодности и не служат критерием ее правильности. Глоссематика претендует на универсальность не только в смысле приложимости ее ко всем естественным языкам, но и в смысле возможности применения ее для изучения объектов других гуманитарных наук. Всеобщность и абстрактность глоссематики растворяют в структуре теории структуру объекта, она является примером того, как метаязык может поглотить сам язык.

В самые последние годы всеобщее внимание привлекает теория «порождающей грамматики» Н. Хомского⁵. В Совет-

¹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. Сб. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960; Х. Спанг-Хансен. Глоссематика. Сб. «Новое в лингвистике», вып. 4. М., 1965.

² Л. Ельмслев. Указанное произведение, стр. 277, то же у Х. Спанг-Хансен, стр. 314, 338.

³ См. в указ. сб. статьи: В. А. Звегинцев. Глоссематика и лингвистика; Э. Хауген. Направление в современном языкознании; А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслева.

⁴ См. также его статью «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру». Сб. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1961.

⁵ Первый вариант этой теории опубликован в 1957 г.: N. Chomsky. Syntactic Structure. The Hague, 1957, последний — в 1964 г.: N. Chomsky. Current Issues in Linguistic Theory. The Hague, 1964. Его доклад на IX международном конгрессе лингвистов в 1962 г. «Логические основы лингвистической теории» опубликован в IV вып. сб. «Новое в лингвистике». М., 1965.

ском Союзе в таком же направлении работает С. К. Шаумян¹. Главное состоит в том, что теория (или теории) «порождающей грамматики» рассматривает языковую систему как некоторое устройство, способное объяснять и порождать все новые и новые правильные предложения. Это устройство недоступно для прямого наблюдения, и объяснить его функционирование должна теория или модель «порождающей грамматики». Н. Хомский создал таксономическую трансформационную модель, состоящую из синтаксической и фонологической частей, С. К. Шаумян — аппликативные модели порождения слов и фраз на уровне генотипов и фенотипов². Эти формальные и абстрактные модели отражают структурно-синтаксическую реальную и потенциальную работу системы языка, но не содержат правил отделения потенциально возможных, но никогда не осуществляющихся фраз и слов от реально возможных, имеющих в языковой действительности. Н. Хомский считает, что в разрешении этого вопроса компетентна только интуиция информанта — носителя языка. С. К. Шаумян указывает, что разработанная им модель языка может связываться с оригиналом, т. е. естественными языками, путем правил корреспонденции, которые должны быть разработаны³.

Лингвистические исследования, не ставящие себе целью дать полное описание языка как цельной системы, сосредотачиваются вокруг выявления единиц языка и характера их связей в языковой системе. Накопленный в этой области теоретический и эмпирический материал огромен, и, как нам кажется, наиболее интересно он был обобщен и развит в докладе Э. Бенвениста на IX международном конгрессе лингвистов «Уровни лингвистического анализа»⁴.

Рассматривая уже известные лингвистические единицы — различительные фонемные признаки, фонемы, морфемы, слова и предложения, Э. Бенвенист распределяет их по четырем уровням. Различительные признаки — это единицы низшего уровня, который Э. Бенвенист называет меризматическим, а его единицы — меризмами (от греческого слова *merisma-atos* «ограничение»). Затем идут фонематический уровень фонем и уровень знаков — морфем и слов. Предложение относится

¹ С. К. Шаумян, Структурная лингвистика. М., 1965.

² Как указывает С. К. Шаумян в выше назв. произведении, стр. 96, «термины фенотип и генотип заимствованы из биологии, где фенотипом называется внешний вид особи в отношении к каким-либо признакам, а генотипом — генетическая конструкция организма».

³ С. К. Шаумян, Правила корреспонденции в аппликативной порождающей модели. «Уровни языка и их взаимодействие». Тезисы научной конференции. М., 1967.

⁴ «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 434—448.

Э. Бенвенистом к высшему уровню — уровню речи, отличительным признаком которого является предикативность (лат. *praedicatum*, греч. *katēgorēma*), почему и уровень называется категорематическим.

Э. Бенвенист устанавливает существенное отличие в отношениях между единицами на одном уровне и единицами разных уровней. «Вследствие того, что языковые сущности дискретны, они допускают два типа отношений... Между элементами одного уровня имеют место дистрибутивные отношения, а между элементами разного уровня — интегративные»¹.

Интеграция основывается на том, что «любая языковая единица воспринимается как таковая, только если ее можно идентифицировать в составе единицы более высокого уровня»². Меризмы, фонемы, морфемы и слова являются интегративными элементами, причем меризмы только этим и определяются, так как они дальше не делятся в пределах членораздельного человеческого языка. Фонемы, морфемы, слова и предложения являются конститутивными элементами, состоящими из интегративных единиц, причем предложения определяются этим свойством, так как они не входят в состав никаких других языковых единиц. Таким образом, только фонема, морфема и слово являются одновременно и интегративными и конститутивными элементами языка. Меризмы и предложения находятся на крайних уровнях лингвистического анализа. По своим признакам и отношениям с центральными уровнями они не входят в систему языка. О предложении Э. Бенвенист говорит совершенно определенно как о единице не языковой системы, а речи и приводит убедительные доказательства принципиального отличия предложения от фонем, морфем и слов³.

Четкое и обоснованное установление уровней лингвистического анализа способствует уточнению понимания системы и структуры в языке. В языке, ограниченном от речи и от членораздельной, артикуляционно-звуковой материи, остаются так называемые эмические единицы (фонемы, морфемы) и слова. Об их специфических чертах, определяющих их участие в системе языка, мы можем судить на основе многочисленных советских и зарубежных работ.

¹ «Новое в лингвистике», вып. IV, стр. 441.

² Там же, стр. 439.

³ См. там же, стр. 445—448.

Фонемы, морфемы и, мы бы прибавили к ним, семемы¹ являются такими языковыми единицами, которые выделяются в языке специальными приемами лингвистического анализа, что, однако, не должно ставить под сомнение реальность их существования в языке. В основном при этом используется метод дистрибутивного анализа, суть которого состоит в том, что некоторый отрезок текста членится на все меньшие отрезки (сегментация), сравниваемые и идентифицируемые путем подстановки с другими, уже отработанными отрезками текста (субституция). Выявляемые отличия или сходства в окружении отрезка (или единицы) служат основой для заключения о его характере. Все эти единицы существуют только в составе более крупного целого (по Э. Бенвенисту они — интегративные единицы), определяются только своим окружением в парадигме и синтагме и являются связанными, несвободными языковыми единицами. Парадигматические и синтагматические, дистрибутивные и интегративные отношения — необходимые факторы, создающие эмические единицы. Реляционные связи и элементы неотделимы здесь друг от друга. Таким образом, на уровне эмических единиц мы имеем дело со структурами, характеризующими построение языкового целого и его частей². Структурные свойства эмических единиц позволяют раскрыть через них 1) структуру всего языка как иерархию и интеграцию ее различных уровней, 2) структуру его отдельных частей в виде парадигм и синтагм, 3) структуру его системных элементов — слов, а также элементов речи — предложений. Поэтому исследователи, интересующиеся языком как структурой, установили эти единицы и работают с ними, а в словах и предложениях видят исходный материал анализа, обобщенно называемый «текстом».

¹ Семема такое же «старое» понятие в лингвистике, как и морфема. Л. Блумфилд определил семему в 1926 г. как значение морфемы, но впоследствии это понятие оказалось как бы «не у дел», т. к. все внимание в структурализме уделялось формальному анализу языка. В последние годы проблема значения стала опять центральной в лингвистике. Единицами плана содержания называют «фигуры содержания», простые единицы содержания, элементарные значения или смыслы, дифференциальные смысловые признаки, семантические множители или компоненты и т. д. Нам представляется наиболее удачным обозначение «минимального значения или отрезка плана содержания» в языке семемой, так как этот термин становится в один ряд с понятиями плана выражения: фонемой — минимальной формой, являющейся различительным звуком, и морфемой — минимальной значимой формой языка. Е. А. Найда хорошо показал это в статье в журнале "Word", vol. 7, N 1, 1951, p. 1—14 (E. A. Nida, A System for the Description of Semantic Elements).

² Ср. Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 8. «Структура языка — это его фонемы, морфемы и конструкции и отношения между ними. Структура языка — это его скрытая основа. Она изучается в большой абстракции от действительного существования языка».

Отличие слов от эмических единиц заключается не в том, что слова — среда, из которой могут быть выведены эмические элементы, и не в том, что слова — структуры, интегрирующие эти элементы, хотя уже в этом проявляется очень важная черта слов: их отношение с эмическими единицами носит характер целого и части. Но их главное отличие — в том, что слова — несвязанные, свободные единицы языка¹. Дистрибутивные и интегративные отношения могут раскрывать условия проявления и функционирования слов, уточнять контуры их форм и значений, но не являются непереносимым условием их существования. Слова выступают автономными сущностями со скрытой внутренней структурой, именно поэтому они и осознаются носителями языка как отдельные, первичные языковые величины. Как шутливо-серьезно сказал А. А. Реформатский, «если бы слова в языке не было, то вряд ли бы от Иоанна-апостола и до Шекспира, и от Секста Эмпирика до Гумилева и Смирницкого так отчетливо бы говорили о слове»².

Несмотря на очевидность наличия слов в языке, до последнего времени их помещают в лингвистических теориях где-то между морфемой и предложением, причисляя слова то к тем, то к другим единицам, то «составляя» их из морфем, то «выделяя» их из предложений, т. е. относя их то к структуре языка, то к речи³. В современной лингвистике, если говорится об изучении слов, то им отводится т. н. «лексическая (под)система» языка, свойства которой весьма неясны лингвистам⁴. Происходит это, на наш взгляд, потому, что слова и их отношения образуют особое сложное единство со своими закономерностями, и это единство может быть названо языковой системой.

Тезис «языковая система — единство или целостное образование закономерно связанных друг с другом элементов — слов» требует, несомненно, разносторонних доказательств, выходящих далеко за рамки статьи. Но в его пользу свидетельствует в немалой степени и ряд обстоятельств, которые широко известны, но никогда не рассматривались с подобной точки зрения.

¹ Ср. Ю. С. Степанов. Там же, стр. 97. «Слово отличается от всякой иной цепочки морфем цельностью и выделимостью».

² А. А. Реформатский. О фоно-морфологической делимитации слова. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М., 1963, стр. 62.

³ У Ю. С. Степанова слова и предложения относятся к норме. Указанное произведение, стр. 97.

⁴ Много об этом в указанных выше материалах о системе и структуре в языке.

Весь опыт традиционной и структурной лингвистики показывает, что, если в центре исследования стоят не формально-структурные свойства языка, а категориальные и функциональные закономерности, то на первый план выходит слово; если язык рассматривается как знаковая система (в семiotике ли, логистике или лингвистике), то в качестве знака выступает также именно слово (морфема приравнивается тогда как значимая единица к слову, см. Э. Бенвениста, С. К. Шаумяна — указ. выше произв.); если язык анализируется как система кодирования и декодирования сообщения (в теории информации или в психолингвистике¹), то слово снова выступает одной из основных единиц, т. е. везде, где затрагиваются системные качества языка, лингвисты работают со словом. При этом его обозначают как знак, лексему, семантему или как-то иначе, так как слово рассматривается односторонне, с точки зрения какого-либо одного вида системных связей и, следовательно, одного вида качеств слова. В то время как слово, будучи системной единицей, формируется всем комплексом внутренних и внешних функций языковой системы и является одновременно и знаком, и лексемой, и семантемой и т. д.

Недаром Э. Бенвенист назвал слово «множественно осужденным, но незаменимым термином»². Слово незаменимо потому, что оно — основная единица языковой системы, имеющей разноплановые характеристики (синтаксические, семантические, фонетические, генетические и др.), которые все, как в фокусе, сосредоточиваются в слове.

Понимаемая так языковая система не совпадает ни с речью, ни со структурой. Структура выступает по отношению к системе как основное внутреннее свойство системных построений, но в таком же качестве структура характерна и для речи. Речь основывается в своем функционировании не только на системных, но и на структурных закономерностях, кроме того, она обладает и своими специфическими чертами.

В сложном комплексе речевой деятельности людей, называемой обычно языком, система, структура и речь, облеченные в звуковую языковую материю, действуют в неразрывном единстве. При лингвистическом анализе каждый из аспектов языка (система, структура и речь) может служить предметом научного исследования. Сам процесс анализа и его результаты (язык теории или метаязык) носят также структурный и системный характер, что должно быть, однако, подчинено основной цели — отображению одного из качеств языка — объекта.

¹ Указанное произведение, стр. 439.

² О. С. А х м а н о в а. О психолингвистике. Изд. во МГУ, 1957.

О. Л. Каменская

ОБ ОДНОМ ПРИНЦИПЕ ПОДБОРА И ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ

Одной из главных задач, с которой мы сталкиваемся при изучении иностранного языка, является задача овладения его лексикой.

Основные трудности, возникающие при этом перед учащимися, связаны с тем, что естественным языкам свойственны полисемия и синонимия. Изучающий иностранный язык должен не просто запомнить какое-либо слово, он должен усвоить его различные значения. Овладение лексикой усложняется еще и тем, что эти значения могут быть выражены не только данным словом, но и другими словами — синонимами.

Для подбора и изучения лексики иностранного языка должны быть разработаны такие принципы, применение которых позволило бы учащимся усваивать необходимое количество лексики наиболее экономным образом.¹

Предлагаемые принципы применимы к изучению лексики какой-либо специальной подсистемы. Предполагается, что подсистема описывает некоторую область знания с достаточно однородным составом лексики. Приводимые далее примеры взяты, в частности, из подсистемы текстов по международному праву.

В основе предлагаемого принципа отбора лексики лежит понятие сенсемы².

¹ См. А. Л. Луговая. О некоторых особенностях изучения иностранного языка в техническом вузе. «Иностранные языки в высшей школе». Выпуск II. Росвузиздат, 1963, стр. 200.

² О. Л. Каменская. Описание лексико-семантической системы языка на основе понятия сенсемы. Ученые записки I МГПИИЯ, т. 31, 1961, стр. 156—176.

Известно, что в одном и том же предложении можно какое-либо слово заменить другим словом, и смысл предложения при этом не изменится. Например, в предложении «Термин *thalweg* авторы по международному праву обычно *применяют* для определения водной границы между государствами» слово *применять* может быть заменено другим словом, например, *употреблять* без изменения смысла этого предложения. Тем самым оба эти слова *применять* и *употреблять* имеют в данном предложении один и тот же смысл. Можно указать и другие слова, которые, будучи поставленными вместо слова *применять*, не меняют смысла указанного предложения, а именно слова *пользоваться* и *использовать*.

С помощью определенной методики¹ можно в рамках данной подсистемы выявить все слова, взаимозаменяемые в данном предложении без изменения его смысла. В нашем предложении это будут слова: *применять*, *употреблять*, *пользоваться*, *использовать*.

Совокупность этих слов образует сенсема. Другими словами, сенсема — это совокупность всех слов, взаимозаменяемых в данном предложении без изменения его смысла в рамках данной подсистемы.

Примерами сенсем из подсистемы лексики международного права могут служить:

выполнять
исполнять
осуществлять
отправлять

С незапамятных времен консулы *выполняли* разнообразные функции, относящиеся к морскому судоходству.

выполнять
исполнять
соблюдать

Действие договора заключается в том, что стороны связаны его условиями и должны *выполнять* договор во всех его частях.

Как видно из этих примеров, сенсема характеризует смысл входящих в нее слов. Этот смысл мы будем называть элементарным смыслом. Сенсема не описывает содержательно элементарный смысл. Она как бы «называет» тот элементарный смысл, который могут иметь слова в одном и том же предложении. При этом носитель языка может легко определить элементарный смысл слов, которые составляют сенсема, если ему предъявить только одну сенсема без каких бы то ни было объяснений.

Например, сенсема *мешать*, *перемешивать*, *размешивать* характеризует вполне четко определенный элементарный

¹ См. О. Л. Каменская. Указанное сочинение, стр. 156—176.

смысл, который легко отличить от элементарного смысла, характеризующегося сенсемой *мешать, стеснять*.

Мы указали, что сенсема характеризует элементарный смысл, выражаемый данным словом. Но слово может выражать не один, а несколько элементарных смыслов. Чтобы охарактеризовать все элементарные смыслы, которые могут быть выражены данным словом, нужно знать все сенсемы, в которые входит слово в исследуемой подсистеме.

Перейдем теперь непосредственно к проблеме изучения лексики иностранного языка.

При изучении конкретных значений слов иностранного языка учащиеся часто усваивают соответствие между одним словом иностранного языка и одним словом родного языка, выражающим это значение.

Например, в предложении *International law undoubtedly secures to a consular officer the right to perform his functions without improper interference* в качестве эквивалента слова *perform* могло быть усвоено слово *выполнять*.

Вместе с тем элементарный смысл, выражаемый словом *perform*, в данном предложении может быть выражен не только глаголом *perform*, но и глаголами *fulfil, carry out, discharge, execute*.

Русский эквивалент, выражающий тот же элементарный смысл, тоже может быть выражен не только глаголом *выполнять*, но и глаголами *исполнять, осуществлять и отправлять*.

Для того, чтобы владеть иностранным языком, учащемуся нужно овладеть всем комплексом слов иностранного языка (сенсемой), которые выражают элементарный смысл слова родного языка. Одновременно учащийся должен, конечно, знать весь комплекс слов родного языка (сенсему), которые выражают этот элементарный смысл.

Другими словами, при изучении лексики иностранного языка нужно не запоминание отдельного эквивалента какого-либо слова, а овладение учащимися соответствующими друг другу сенсемами иностранного и родного языка, выражающими один и тот же элементарный смысл.

Таким образом, учащийся должен узнать, что консульские функции можно *выполнять, исполнять, осуществлять и отправлять* и что в английском языке любому слову этой сенсемы русского языка соответствует любое слово английской сенсемы *fulfil, carry out, exercise, perform, discharge, execute* и обратно, что *consular functions* можно *fulfil, carry out, exercise, perform, discharge, execute* и что на русский язык это может быть переведено любым словом из сенсемы русского языка: *выполнять, исполнять, осуществлять, отправлять*.

Приведем другой пример. Учащийся должен усвоить, что *термин* можно *употреблять, применять, использовать* и *термином* можно *пользоваться* и что на английском языке этот элементарный смысл может быть выражен словами *use, apply, employ, take use of* и наоборот. Однако для овладения лексикой недостаточно изучить соответствия между отдельными изолированными senseмами двух языков. Ведь одно и то же слово может иметь много элементарных смыслов и входить в целый ряд senseм. Поэтому важно усвоить все senseмы, в которые входит каждое изучаемое слово, ибо таким путем будут разграничены все его элементарные смыслы и изучены все слова, которыми эти элементарные смыслы могут быть выражены.

Наконец, очень важно уметь правильно отнести каждое предложение именно к тому классу предложений, в котором взаимозаменяемы слова определенной senseмы, и отличить это предложение от других, в которых элементарный смысл переводимого слова характеризуется другой senseмой.

Например, для правильного перевода слова *выполнять* в предложении «Консул *выполняет* консульские функции в отдельном городе или округе и подчиняется генеральному консулу, если он в данном государстве имеется» нужно уметь определить, что слово *выполнять* в этом предложении относится к senseме *выполнять, исполнять, осуществлять, отправлять* и поэтому может быть переведено любым словом senseмы английского языка *fulfil, carry out, exercise, perform, discharge, execute*, соответствующей этой русской senseме.

С другой стороны, в предложении «Мексика отказывалась *выполнять* это требование, но Кэттинг в конце концов был освобожден, так как жалобщик взял обратно свой иск о клевете» слово *выполнять* относится к другой senseме *выполнять, удовлетворять, исполнять, подчиняться* и должно быть переведено словами, относящимися к senseме английского языка *fulfil, comply with, yield to*.

Для решения этой задачи нужно изучать сочетаемость каждой senseмы с другими словами.

Если мы знаем, что senseма *выполнять, удовлетворять, исполнять, подчиняться* сочетается в предложении со словом *требование*, и эта senseма соответствует в английском языке senseме *fulfil, comply with, yield to*, то в любом предложении, где слово *выполнять* сочетается со словом *требование*, любое слово английской senseмы *fulfil, comply with, yield to* будет правильно переводить слово *выполнять*.

Таким образом, приведенное нами предложение «Мексика отказывалась *выполнить* это требование, но Кэттинг в конце концов был освобожден, так как жалобщик взял обратно

свой иск о клевете» может быть переведено на английский язык как *Mexico refused to comply with (fulfil, yield to) this demand, but nevertheless Cutting was finally released as the plaintiff withdrew his action for libel.*

Изучение сочетаемости сенсем является важной задачей. Почему так часто в речи человека, не владеющего языком, мы слышим слова, которые, хотя по существу нам понятны, поражают нас своей чужеродностью в данном конкретном предложении? Это происходит потому, что эти слова употреблены иностранцем не с теми словами, с которыми можно сочетать слова данной сенсемы.

Процесс овладения сенсемами и сочетаемостью сенсем представляет для учащегося значительные трудности, однако эти трудности необходимо преодолеть, чтобы научиться правильно пользоваться лексикой иностранного языка.

Изучение сенсем и их сочетаемости должно происходить постепенно. Вначале рационально изучать сенсемы, характеризующие элементарные смыслы, встречающиеся в данной подсистеме наиболее часто, а затем и остальные, в порядке убывания их частотности. Внутри же самих сенсем нужно овладеть в первую очередь наиболее частотными словами сенсемы.

Например, сенсеме *применять, употреблять, использовать и пользоваться* соответствует английская сенсема *use, employ, apply, make use of*. Наиболее частотным словом английского языка, выражающим элементарный смысл, характеризуемый данной сенсемой, в соответствии с произведенным экспериментом, является слово *use*, затем *employ*, далее *apply* и, наконец, *make use of*.

Именно в этом порядке слова этой сенсемы и должны быть изучены.

Здесь важно различать активное и пассивное владение лексикой. Для активного владения важно запомнить наиболее частотные слова сенсемы, в то время как для пассивного запаса нужно знать и все остальные слова сенсемы.

Для изучения лексики с использованием сенсем необходимо создать словарь сенсем, который содержал бы все нужные сведения о сенсемах.

В основу двуязычного словаря сенсем можно положить классификацию, построенную с учетом смысловой близости сенсем. Смысловая близость сенсем устанавливается путем измерения расстояний между сенсемами. Методика измерения расстояний основана на учете общих элементов сенсем и связей сенсем с другими сенсемами поля¹. В словаре должны

¹ О. Л. Каменская. Указанное сочинение, стр. 156—176.

быть установлены соответствия не между словами двух языков, а между senseмами, которые выражают один и тот же элементарный смысл.

По-видимому, рационально страницы такого словаря разделить пополам и приводить на правой и левой сторонах соответствующие друг другу senseмы этих языков. Если какой-либо senseме одного языка соответствуют две или более senseмы другого языка, то против одной senseмы первого языка должны быть приведены обе senseмы другого языка с указанием дополнительной информации, которая разграничивает элементарные смыслы двух senseм, соответствующих одной senseме первого языка.

Каждая senseма должна будет сопровождаться списком словосочетаний, в которых слова senseмы имеют элементарный смысл, характеризуемый этой senseмой.

Например:

выполнять
исполнять

fulfil
carry out
exercise

осуществлять

perform
discharge

отправлять

execute

Выполнять консульские (дипломатические, административные) функции (обязанности).

Fulfil consular (diplomatic, administrative) functions (duties).

выполнять

comply with
fulfil

исполнять

perform
execute
adhere to

соблюдать

observe
respect

Выполнять договор, обязательство, соглашение, конвенцию.

Fulfil treaty (obligation, agreement, convention).

Словарь senseм должен содержать указание на частоту встречаемости каждой senseмы в данной подсистеме, а также на частотность каждого слова внутри senseмы.

Использование senseм с учетом частотностей характеризуемых ими элементарных смыслов и частотностей слов внутри senseмы может явиться основой системы, на которой строится изучение лексики иностранного языка.

Для возможности разработки такой системы следует прежде всего создать словарь senseм, который необходим при отборе лексики учебных текстов и для других целей.

Р. К. Потапова

ФОНОЛОГИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ЗА РУБЕЖОМ

(обзор некоторых работ по материалам периодической печати)

Дальнейшее развитие экспериментальной фонетики и фонологии за последние годы далеко не исчерпало всего многообразия проблем, прямо или косвенно связанных с решением одной из кардинальных задач, стоящих перед наукой о языке: познанием закономерностей звукового строя языка.

В настоящее время за рубежом фонологии и фонетисты-экспериментаторы заняты решением целого ряда **вопросов**, которые во всей своей совокупности могут быть охарактеризованы следующим образом:

А. В области фонологии:

1. Вопросы упорядочения терминологии в фонологии.
2. Попытки проведения фонологического анализа на материале конкретных экспериментальных данных.
3. Определение пограничных сигналов того или иного языка, их роль в процессе коммуникации.
4. Исследование фонологической системы конкретного языка.
5. Оценка приемов и методов фонологического анализа.

Б. В области экспериментальной фонетики:

1. Исследования спектральных характеристик речи в сравнительном плане на материале двух и более языков.
2. Исследования частного характера на материале одного языка с целью определения закономерностей, характерных для звукового строя исследуемого языка.
3. Исследования интонации того или иного языка.

А. Фонология

1. Терминология и понятия.

Вопросу упорядочения терминологии в фонологии посвящена работа Б. Мальмберга «Терминологическое и понятийное в методике фонематического описания»¹, в которой автор призывает к установлению единой терминологии в отношении целого ряда фонологических понятий, так как зачастую из-за наличия неравнозначных терминов возникает пестрое множество идей и методов.

Так, например, термин «оппозиции» (*Gegenüberstellung*) был введен Пражской фонологической школой. Параллельно с ним в американских фонологических описаниях бытует термин «контраст» (*contrast*), и в то же время в английской фонологии мы сталкиваемся с термином «различие» (*distinction*). Б. Мальберг считает, что каждый из этих терминов должен быть употреблен только в одном значении в зависимости от того, в каком плане фигурирует понятие: синтагматическом или парадигматическом. Иными словами, если рассматриваемая структурная единица характеризуется двумя видами отношений: синтагматическим и парадигматическим, то для каждого из названных видов отношения необходимо использовать только один термин.

В том случае, когда рассматриваемая структурная единица берется в непрерывной последовательности подобных единиц, из которых никакие две единицы не могут встретиться одновременно, т. е. образуется непрерывное множество единиц в горизонтальном ряду, по мнению Б. Мальмберга, следует использовать термин «контраст», так как в синтагматическом плане члены цепи противопоставляются друг другу по принципу контрастирующего признака. В том же случае, когда берется «множество параллельных исходных и результирующих форм»², следует, по мнению Б. Мальмберга, употребить термин «оппозиция», так как этот термин с большей точностью передает существо взаимосвязи членов парадигмы.

Действительно, если рассматривать парадигму как «одно из некоторого числа замкнутых множеств слов, в каждом из которых слова родственны, но различаются по форме и по значению, так что различия от множества к множеству являются параллельными»³, т. е. применительно к фонологическому уровню как одно из замкнутых множеств, каждое из

¹ B. Malmberg. Terminologisches und Begriffliches zur Methodik der phonematischen Beschreibung. Zeitschrift für Phonetik. Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, B. 16, H. 1/3. Berlin, 1963, S. 133—136.

² L. Bloomfield. Language. New-York, 1933, p. 223.

³ B. Bloch. Journal of the American Oriental Society, 66, 97, 1946.

которых отличается от другого только по какому-то одному признаку, то более логично в данном случае говорить о том, что эти признаки находятся по отношению друг к другу в зависимости противопоставления.

Далее Б. Мальмберг предлагает провести разграничение при употреблении терминов «оппозиция» и «различие» в зависимости от степени абстрактности рассматриваемых понятий. Если исследователь оперирует чисто абстрактными понятиями, то в данном случае следует употребить термин «оппозиция», если же речь идет о конкретных признаках, то уместнее использовать термин «различие».

На правомерность разграничения при употреблении терминов «контраст» и «оппозиция» еще в свое время указывал М. Джус: «В то же время это фонетическое противопоставление (contrast) может стать, а может и не стать фонологической оппозицией»¹. Что же касается разграничения терминов «оппозиция» и «различие» в зависимости от степени абстрактности описания, то нам оно представляется несколько надуманным, так как в любом фонологическом описании присутствует обязательно элемент абстрагирования.

Сама по себе постановка вопроса упорядочения пестрой фонологической терминологии была и остается актуальной. В ряде фонологических описаний и по сей день наблюдается использование разнообразных терминов применительно к одним и тем же понятиям. Поэтому всякая попытка, а тем более удачная, в деле разработки единого фонологического метаязыка является ценной и необходимой.

2. Фонология и акустика.

Интересная попытка проведения фонологического анализа на уровне конкретных акустических признаков содержится в статье М. Ромпортль «К вопросу об акустической структуре различительных признаков»². Автор указанной работы считает, что проведение подобного анализа возможно, и предлагает конкретный путь решения этого вопроса.

Предположим, что использована современная акустическая аппаратура и применены новейшие методы экспериментального исследования. В результате получен целый ряд данных об акустических составляющих того или иного звука. Далее определяется, какие из всех возможных акустических составляющих соответствуют различительным признакам, служащим для выделения той или иной фонемы, а какие не соот-

¹ M. J. Oos. A. Phonological Dilemma in Canadian English. Language, 18, 1942, p. 144.

² M. Romportl. Zur akustischen Struktur der distinktiven Merkmale. Zs. für Ph., Sw. u. Kf., B. 16, H. 1/3. Berlin, 1963, S. 191—198.

ветствуют этим признакам, т. е. являются иррелевантными или избыточными в фонемном отношении.

С этой целью устанавливается определенное множество акустических составляющих (акустических характеристик), соответствующее только одной конкретной реализации фонемы. Таким образом, постулируется, что каждой реализации фонемы будет соответствовать какое-то одно множество A акустических составляющих. Если обозначить каждую из реализаций фонемы множествами $A_1, A_2, A_3 \dots A_n$, то сумма всех возможных акустических составляющих, полученных от n -реализаций фонемы, будет равна: $A = \bigcup^n A_k$.

В данном случае автор использует не сумму $\sum^n A_k = A_1 + A_2 + \dots + A_n$, а теоретико-множественную сумму $\bigcup^n A_k = A_1 \cup A_2 \cup \dots \cup A_n$,

где \bigcup^n — символ теоретико-множественного объединения;

A — символ множества;

n — символ числа реализаций;

k — символ перечисления от 1 до n .

Использование теоретико-множественной суммы продиктовано характером анализируемого явления: всякая фонема рассматривается здесь как изменение множества A в зависимости от условий ее реализации.

Следующий этап исследования — регистрация не всех акустических составляющих одной реализации, а лишь тех, посредством которых возможна идентификация множеств составляющих, являющихся репрезентантами того или иного различительного признака. Несомненно, что в этом смысле какие-то акустические составляющие окажутся избыточными¹, какие-то иррелевантными и, кроме того, могут быть установлены степень и характер иерархии внутри каждого множества составляющих. Применяя традиционную фонологическую терминологию, высший элемент этой иерархии, по которому чаще всего именуется весь признак, следует называть релевантным. Тогда все другие составляющие множества будут находиться с релевантной составляющей в следующих отношениях:

1. Если одна или несколько составляющих примыкают к релевантной составляющей относительно свободно, т. е. могут сопровождать ее или нет, то эта или эти составляющие обозначаются как иррелевантные. Отношение релевант-

¹ Разумеется, что понятие «избыточности» используется здесь в чисто фонологическом, отрицательном смысле, а не в инженерном, положительном, когда определенная избыточность полезна, так как повышает коэффициент надежности.

ной составляющей А к иррелевантной составляющей В может быть выражено следующим образом:

$$\left\{ \begin{array}{l} A \\ (B) \end{array} \right\}$$

2. Если эта составляющая является составной частью различительного признака, однако ее выпадение не изменяет всего признака, то такая составляющая может быть названа избыточной. Отношение релевантной составляющей А к избыточной составляющей С выражается следующим образом:

$$\left\{ \begin{array}{l} A \\ C \end{array} \right\}$$

3. В некоторых случаях различительный признак образуется целым комплексом более или менее равнозначных составляющих, среди которых взаимное подчинение зачастую трудно или просто невозможно установить. В этом случае можно сказать, что две или более составляющие релевантны:

$$\left\{ \begin{array}{l} A_1 A_2 \\ A_1 A_2 \end{array} \right\}$$

Но акустические составляющие — это еще не предельный уровень для проведения фонологического анализа. М. Ромпортль пытается далее анализировать спектральную картину гласных и согласных с точки зрения ее фонологической значимости. Известно, что для гласных и сонорных характерно наличие «четко выраженной формантной структуры»¹, что обычно понимается как реализация F-картины, т. е. наличие F₁, F₂ и F₃ и преобладание этой части формантной структуры над другими формантами или формантными областями². В противоположность этому согласные (взрывные, фрикативные) характеризуются наложением шума на реализацию F-картины, отсутствием четко выраженной формантной структуры. На основании вышесказанного М. Ромпортль предлагает ввести различительный (distinctive) признак, определяемый наличием и отсутствием четко выраженной формантной структуры. По мнению М. Ромпортль, этот признак реализуется в оппозиции: тон—шум.

Попытка фонологической интерпретации целого ряда конкретных акустических множеств составляющих, полученных в ходе инструментального анализа, представляется нам необходимой в деле решения проблемы множественности характеристик, которые участвуют в определении признака «фонема-

¹ R. Jakobson, M. Halle. *Fundamentals of Language*. 's-Gravenhage, 1956.

² Г. Фант. *Акустическая теория речеобразования*. М., 1964, стр. 207.

тичный—нефонематичный». Необходимость дифференциации акустических характеристик по принципу релевантности, иррелевантности и избыточности особенно важно при рассмотрении конкретной реализации фонемы в различных контекстах, т. е. с учетом вероятностных комбинаций этих характеристик в зависимости от дистрибуции и фонемного окружения.

Само собой разумеется, что М. Ромпортль в ходе анализа переносит приемы, употребляемые, как правило, при анализе на уровне предопределяющих (determining) признаков фонем, на материал, полученный в результате эксперимента. Приведем пример использования этого приема на уровне предопределяющего фонематического признака: «Во всей массе различного материала языка мы находим относительно небольшое множество (разрядка наша — Р. П.) предопределяющих признаков, характеризующихся следующим: а) если два артикуляционных события (или то, что могло бы быть описано в чисто фонетических терминах как два артикуляционных события) А и В распределены таким образом, что А встречается только и всегда в сочетании с В, то они образуют один предопределяющий признак; б) два артикуляционных события А и В распределены таким образом, что А встречается только тогда, когда встречается В, а В может встретиться также без А, представляют собой два предопределяющих признака; в) если А встречается и в сочетании с В и вне этого сочетания, а В встречается вне сочетания с А, то А и В можно считать предопределяющими признаками»¹.

Как видно из приведенного примера, М. Ромпортль частично использует прием установления характера сочетаемости событий внутри одного множества с целью определения фонологической значимости конкретных акустических составляющих, полученных в результате экспериментального анализа какой-то определенной реализации фонемы.

Наряду с целесообразностью проведения фонологического анализа на уровне акустических составляющих, фонологическая интерпретация спектральной картины по принципу «тон—шум» представляется нам несколько надуманной и, собственно, не имеющей практического смысла. Для исследования одного характера релевантным будет шум, для исследования иного типа — четкая тоновая картина. Следовательно, в данном случае релевантность каждого из названных спектральных признаков будет относительной, зависящей от характера исследования. Однако ценным является указание М. Ромпортль на то, что все релевантные спектральные ха-

¹ С. F. Hockett. Peiping phonology. Journal of the American Oriental Society, 67, 1947, p. 253—267.

рактические гласного проходят в пределах его реализации, в то время как у согласных большинство основных релевантных характеристик распространяется за пределы реализации согласного и проявляется прежде всего в ходе реализации соседних фаз гласных. Тем самым еще раз подтверждается необходимость изучения переходных процессов.

Далее М. Ромпортль в своем фонологическом анализе идет еще глубже и рассматривает отдельные форманты в плане фонологической значимости последних. На материале чешского и русского языков им установлено, что релевантными с точки зрения фонемного опознавания являются F_1 и F_2 . Если отрезать области F_3 и F_4 , то это не повлияет на возможность идентификации гласных. Если же отрезать две первые форманты F_1 и F_2 , то это приведет к почти полному искажению гласного. Поэтому высокие форманты М. Ромпортль считает иррелевантными в языковом отношении. Этот вывод только подтверждает данные, полученные другими авторами (Г. Фант, М. Халле),¹ где мы находим, что: «...гласные можно вполне удовлетворительно синтезировать, используя только две форманты...» и далее «...учитывая возможности, заложенные в параметрах $F_2 - F_1$ и $F_{2e} + F_1$, можно считать целесообразным принять их за основные координаты».²

3. Переходные процессы и пограничные сигналы.

Вопрос изучения переходных процессов является в настоящее время одним из актуальных вопросов фонологии и экспериментальной фонетики. Одному из аспектов этого вопроса посвящена работа Г. Линднера «Различительные признаки в позициях контраста в связном тексте (на материале немецкого языка)»³.

Автор указанной работы считает, что: «реализация звуковой цепи возможна, очевидно, по причине того, что на границе от одного звука к другому изменяется конфигурация признаков»⁴. При этом совершенно не обязательно, чтобы изменялись все признаки пучка. Достаточно хорошо известно, что некоторые признаки (например, глухость—звонкость) удерживаются на протяжении нескольких звуков. В подобных случаях, например, звонкость не может служить пограничным сигналом между соседними звуками. В то же время нереаль-

¹ G. Fant. Acoustic analysis and synthesis of speech with applications to Swedish. Ericsson Technics, N 1, 3—108, 1959; M. Halle. The Sound Pattern of Russian. 's-Gravenhage, 1959.

² Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 204.

³ G. Lindner. Distinctive Merkmale in Kontraststellung in zusammenhängendem deutschem Text. Zs. für Ph., Sw. u. Kf., B. 16, N. 1/3, 1963. Berlin, S. 117—126.

⁴ Ebenda, S. 118.

но, чтобы все различительные признаки, известные из фонетических оппозиций, имели бы одинаковую значимость в качестве пограничных сигналов. Поэтому исследование Г. Линднером различительных признаков в их роли в качестве пограничного сигнала — интересно и ценно.

Статистическое исследование Г. Линднера показало, что различительные признаки на границе слогов и слов, с одной стороны, и внутри слогов — с другой, претерпевают незначительные модификации. Причем внутри слогов эти изменения носят более ярко выраженный характер.

Различительный признак только тогда выступает в качестве пограничного сигнала, когда к одной фонеме с одним определенным различительным признаком примыкает внутри слога другая фонема с контрастирующим признаком, например: согласный — несогласный. Но в данном случае не следует понимать различительный признак однозначно, т. е. только в смысле признака, служащего исключительно для выделения контраста. Для того, чтобы определить пограничный сигнал во всей его полноте, следует, по мнению Г. Линднера, рассматривать ведущий различительный признак в совокупности с другими признаками.

Вопрос изучения пограничных сигналов интересует в настоящее время многих лингвистов. Причем их занимают проблемы не только общетеоретического характера, но и проблемы установления системы пограничных сигналов того или иного языка.

В этой связи необходимо упомянуть работу А. Александреску «К вопросу о пограничных сигналах в румынском языке»¹.

Автор рассматривает стыковую позицию отдельных согласных и групп согласных в современном румынском языке. С этой целью из всех согласных румынского языка составлялись всевозможные комбинации в стыковой позиции. В результате было установлено, что для румынского языка характерны следующие сочетания отдельных и групповых согласных в стыковой позиции:

1. C # C
2. C # CC
3. C # CCC
4. CC # CCC
5. CC # CC
6. CC # C

¹ A. Alexandrescu. Citeva observatii asupra semnalelor demarcativе in limba Romina, *Fonetica si Dialectologie*, v. IV. Bucuresti, 1962, p. 61—70.

Возможны и другие сочетания согласных на стыке, но их сочетаемость является чисто теоретической и не встречается в живом разговорном румынском языке. Для того, чтобы установить число всех возможных сочетаний согласных на стыке, автором работы использована формула $N = \sum N_f^{(n)} \cdot N_{in}^{(p)}$,

где N — номер комбинации;

$N_f^{(n)}$ — номер конечной группы, где $n = 1, 2, 3 \dots n$ согласных;

$N_{in}^{(p)}$ — номер начальной группы, где $p = 1, 2, 3 \dots p$ согласных.

На основании использования указанной формулы подсчитано общее количество всех возможных комбинаций, включая и чисто теоретические варианты ($N = 13482$).

Далее А. Александреску проводит разграничение всех пограничных сигналов (имеются в виду только консонантные сигналы) на положительные и отрицательные¹. Если один согласный в соседстве с другим указывает на то, что между ними проходит стык, то такой пограничный сигнал считается положительным. Но, помимо этого, возможны и отрицательные сигналы, которые указывают на отсутствие стыка. Иными словами, отрицательные пограничные сигналы указывают на принадлежность согласных к одной морфеме.

Исследование А. Александреску показало, что, во-первых, в румынском языке отрицательные пограничные сигналы господствуют над положительными, и, во-вторых, часто встречаются групповые сигналы, включающие до трех согласных.

Таким образом, в современном румынском языке консонантное соединение слов реализуется в основном на материале консонантных групп, которые в свою очередь характеризуются следующими признаками:

- 1) обязательным наличием паузы;
- 2) возможностью основываться на большем числе согласных, нежели группы на соединении согласных внутри одной морфемы;
- 3) теоретической возможностью большого числа групп на соединении, в то время как практически число их значительно ограничено.

4. Приемы и методы фонологии.

В заключение раздела, посвященного вопросам фонологии, остановимся на работе Д. Аберкромби «Псевдопроцедуры в лингвистике»², которая интересна с точки зрения оценки

¹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 317.

² D. Abercrombie. Pseudoprocedures in Linguistics. Zs. für Ph., Sw. u. Kl., B. 16, H. 1/3, 1963. Berlin, S. 9—12.

приемов и методов в фонологии. Д. Аберкромби разграничивает все приемы фонологического анализа на истинные и кажущиеся истинными. Если «процедура» (procedure) — путь или метод ведения исследования, то «псевдопроцедура» (pseudoprocedure) — это что-то кажущееся методом ведения исследования, на самом же деле являющееся неэффективным и зачастую прямо-таки невозможным приемом. Псевдопроцедуры как бы маскируют истинные процедуры и различаются, по мнению Д. Аберкромби, следующим образом: а) совершенно невозможные; б) не невозможные, но трудные, громоздкие и занимающие массу времени, что никакой практической выгоды не дает.

Примером псевдопроцедуры второго вида является нахождение признаков фонемы в работе А. Росса «Основные определения в теории языка»¹, где анализу подвергаются целые высказывания (utterance) носителей языка. Причем каждое высказывание, согласно используемому приему, должно иметь себе парное соответствие. Первый этап заключается в нахождении различий, свойственных как каждому из высказываний в целом, так и его звуковым составляющим. Те высказывания, которые отличаются друг от друга ударением и интонационным рисунком, в ходе исследования отбрасываются. Далее исследователь идет по пути сокращения рассматриваемого материала по принципу отбрасывания структурных единиц, содержащих целые группы различительных признаков. В результате подобной процедуры остаются пары, характеризующие минимальными различиями. Выше описанная процедура повторяется всякий раз заново для каждого диктора. Конечным пунктом исследования является нахождение дифференциальных признаков фонемы. «Важно, что мы столкнемся в обоих случаях с пучками..... фонемами», — пишет А. Росс². Д. Аберкромби считает, что подобная процедура нахождения фонем того или иного языка является далеко не удовлетворительной. Более того, проведение ее представляется просто не реальным.

Приведем еще один пример на использование псевдопроцедуры в фонологическом описании: допустим, что в том или ином исследовании автор в ходе рассуждения упоминает о приеме, рассматриваемом им самим как часть комплекса различных приемов, используемых в работе. Другие же исследователи отрывают эту часть от общего целого, гипостазируют ее, превращая в самостоятельную процедуру, что зачастую

¹ A. Ross. The fundamental definitions of the theory of language acta linguistica, IV, 1944, p. 101—106.

² Там же, стр. 12.

приводит к ложным результатам. В заключение автор приходит к выводу, что сами по себе псевдопроцедуры при лингвистическом описании не опасны, но что их все же по мере возможности следует избегать и находить более рациональные и эффективные приемы.

Б. Экспериментально-фонетические исследования

Фонологические исследования теснейшим образом связаны с фонетическими, основная цель которых, по мнению некоторых зарубежных авторов, конкретизировать общетеоретические положения, выдвинутые фонологией. Вместе с тем авторы экспериментально-фонетических исследований решают проблемы, имеющие большое значение для практики преподавания фонетики. В частности, к числу таковых относятся исследования: реализация редуцированного гласного ə в немецком языке, позиционно обусловленные варианты той или иной фонемы, реализация звонких и глухих смычных в немецком языке, природа дифтонгов, типы интонации и др.

1. Спектральный анализ.

Остановимся на работе Т. Тарночи «*Может ли язык характеризоваться своим речевым спектром*»¹. Исследование проводилось на материале немецкого и венгерского языков. Автора интересовал вопрос: изменяются ли речевые спектральные характеристики в зависимости от изменения степени громкости произнесения. С этой целью один и тот же экспериментальный материал (на немецком и венгерском языках) был записан на спектрограф. Каждое конкретное произнесение отличалось степенью громкости: один раз это было тихое произнесение, другой раз — нормальное и третий — громкое.

Полученные данные показали, что спектральные характеристики для обоих языков в трех случаях произнесения были принципиально сходными. Это утверждение полностью относилось к характеристикам, полученным в результате анализа мужского голоса. Что же касается характеристик, полученных в результате анализа женского голоса, то здесь наблюдались незначительные различия в области высоких формант. Основная масса результатов исследования позволила Тарночи сделать вывод относительно константности спектральных характеристик речи, полученных при различной степени громкости произнесения вне зависимости от языкового материала, иными словами, позволила выявить в спектре общие характеристики, неизменяемые в зависимости от языка.

¹ T. Tarnóczy. Kann eine Sprache mit ihrem Sprechspektrum charakterisiert werden. Zs. für Rh., B. 16, H. 1/3, 1963, S. 217—222.

С помощью аналогичных методов исследования, применяя видеограф типа Kay Sonagraph, был проведен анализ компонентов дифтонга /ea/ в румынском языке. Эта работа была проделана В. Шутеу и нашла свое отражение в статье «Экспериментальное исследование компонента /e/ в румынском дифтонге /ea/»¹.

На основании исследования автор названной работы приходит к следующим выводам:

1. Согласный, предшествующий дифтонгу /ea/ в том или ином слове, экспериментально отделим от последующего сочетания.

2. Первый компонент дифтонга /e/ отличается от слогового самостоятельного /e/ ясно слышимым открытым тембром.

3. Видеограмма звука /e/ во всех трех случаях: в дифтонге, слоговом гласном и зиянии (имеется в виду группа /ea/, например, в слове real) фиксирует приблизительное сходство. Различия наблюдаются в распределении первой и второй формант. На основании этих различий можно утверждать, что:

- а) /e/ в дифтонге — открытый, компактный гласный /+/;
- б) /e/ в зиянии — открыто-закрытый, компактно-диффузный гласный /±/;
- в) /e/ в слове — закрытый, диффузный гласный /—/.

Далее автор утверждает, что длительность компонента /e/ не может быть рассматриваема в данном случае как существенный фактор в определении слоговой границы. Вместе с тем длительность всего дифтонга /ea/ превышает длительность гласного /a/ в соответствующих словах.

2. Звонкость и фактор интервокального давления.

В этом отношении интересна работа Е. Фишер-Ергенсон «Наблюдения над взаимозависимостью между звонкостью и внутриротовым давлением»². В начале статьи автор прежде всего указывает на то, что в данной области необходимо начать с проверки старых положений при помощи современной аппаратуры, т. е. заняться либо опровержением, либо подтверждением ранее предполагаемых положений.

В ходе исследования анализировался материал двух языков: немецкого и датского. Оказалось, что при артикуляции

¹ V. Şuteu. Cercetari experimentale asupra lui "e" din diftongul Romînesc "ea". Studii si cercetari lingvistice, 2. Bucureşti, 1962, p. 167—175.

² E. Fischer-Jørgenson. Beobachtungen über den Zusammenhang zwischen Stimmhaftigkeit und intraoralem Luftdruck. Zs. für Ph., B. 16, H. 1/3, 1963.

звонких согласных давление во внутриротовой полости значительно меньше, чем при артикуляции соответствующих глухих. Автор считает, что установленная зависимость может быть объяснена самой природой явления «звонкости»: последняя служит в языках, где противопоставление «звонкость — глухость» фонематично, своеобразным облегчением в произнесении. Более того, в интервокальном положении производство звонкого согласного требует значительно меньше энергии, чем в абсолютном исходе. Но для того, чтобы лучше понять механизмы произнесения звонких и глухих согласных, а также зависимость между звонкостью и внутриротовым давлением, необходимо провести съемки деятельности дыхательной мускулатуры, измерить субглоттальное и супраглоттальное давление.

3. *Позиционно обусловленные варианты.*

В работе «О глухости и звонкости в момент смычки у немецких придыхательных в абсолютном начале и после глухих согласных»¹ Г. Мейнхольд ставит вопрос следующим образом: в каких позициях происходит нейтрализация оппозиции по глухости-звонкости у смычных взрывных согласных /b/, /d/, /g/ — /p/, /t/, /k/. Это явление известно еще со времен Нотгера, так как вместо звонких /b/, /d/, /g/ у Нотгера употребляются глухие /p/, /t/, /k/ в начале предложения, в начале части предложения, а также в середине сложного слова на морфемной границе². Кроме того полное оглушение звонких взрывных в начальной позиции характерно для произношения жителей южной и средней Германии.

Г. Мейнхольд напоминает в своей работе об известном положении А. Шмитта³ относительно позиционной обусловленности замены звонких взрывных соответствующими глухими: «Звуки, обозначаемые на письме через /b/, /d/, /g/, в начальной позиции произносятся с той же степенью глухости и даже в большей мере оглушены, чем звуки, обозначаемые на письме через /p/, /t/, /k/...»⁴.

С другой стороны, известно, что глухие согласные в интервокальной позиции могут выступать в немецком языке в качестве соответствующих звонких. При этом установлено, что чем быстрее темп речи и чем меньше условий для полной

¹ G. Meinhold. Stimmlosigkeit und Stimmhaftigkeit der Verschlussphase (Plosion) bei deutschen Medien im absoluten Anlaut und nach stimmlosen Lauten. Ebenda, S. 137—148.

² W. Braune. Althochdeutsche Grammatik. Halle, 1955, S. 102.

³ A. Schmitt. Die neuhochdeutschen Verschlusslaute. Zs. für Ph., B. 1, 1947, S. 167.

⁴ Ebenda, S. 167.

реализации взрывной артикуляции, тем степень озвончения глухих выше.

В ходе исследования были проанализированы не только изолированные слова, но также и целые предложения. В результате было установлено, что орфоэпическое требование написания звонких после глухих в том или ином высказывании нисколько не противоречит речевой реальности. Правда, для звонких во многих случаях была характерна некоторая артикуляционная задержка момента взрыва, меньшая подвижность артикулирующих органов, ослабление напряжения речевого аппарата, снижение степени громкости и т. д. Но ни в одной из этих групп перечисленные моменты не выступали в качестве доминирующих, даже в связной речи.

Полученные результаты представляются нам крайне интересными и важными в методике преподавания практической фонетики, в особенности в тех случаях, когда произносительная система родного языка характеризуется сильной степенью озвончения смычных по сравнению с глухими парами.

Большое практическое значение имеет также работа Е. Гартман «Позиционно обусловленные фонетические варианты немецкого /h/»¹.

Главной целью настоящего исследования является выделение позиционно обусловленных вариантов /h/.

В ходе исследования было проанализировано 45 слов, преимущественно сложных, а также несколько предложений. Во всех случаях /h/ занимал либо начальную, либо срединную позицию. Причем место ударения в анализируемых примерах было непостоянным: в одних случаях слог с /h/ находился под ударением, в других случаях он следовал непосредственно за ударным слогом. Были использованы и такие примеры, где /h/ помещался в безударном слоге или слоге с второстепенным ударением.

Обобщая результаты проведенного анализа, автор статьи приходит к следующим выводам:

1. /h/ обнаруживает тенденцию к озвончению в интервокальном положении, а также между звонким согласным и гласным. Единичные случаи некоторого озвончения /h/ после /x/, /ç/ и /s/ могут быть отнесены к случайным явлениям, более того, к исключениям.

2. Степень озвончения /h/ ни в коей мере не зависит только от звукового окружения. В большей степени она зависит от длительности /h/ и от позиции ударного слога в слове:

¹ E. Hartmann. Positionsbedingte phonetische Varianten des deutschen Haüchlautes. Zs. für Ph., B. 61, H. 1/3, 1963, S. 49—55. Исследование проводилось при использовании видеографа типа "Kay-Sonograph" и осциллографа.

«...позиция ударения по отношению к /h/ много важнее, чем принятая морфологическая граница, которая в потоке речи, как правило, совершенно не реализуется (разрядка наша — Р. П.). Морфемная граница с точки зрения фонетического эксперимента — чистая фикция (разрядка наша — Р. П.)»¹.

К числу работ, посвященных частным проблемам экспериментальной фонетики, относится исследование Г. Мейнхольда о реализации редуцированного гласного /ə/ в исходе слова после согласных /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/². Автором был проведен экспериментальный и слуховой анализ более чем 13000 конечных и срединных слогов (в исходе первой морфемы сложного слова), содержащих редуцированный /ə/ в слоге /əp/, /ət/, /əl/.

В результате исследования Г. Мейнхольд приходит к выводу, имеющему большое значение в практике преподавания немецкого языка: а) /ə/ в слоге /əp/ после согласных /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/, а также после некоторых щелевых не реализуется. Возникает явление синкопы в произнесении, что связано, по мнению Г. Мейнхольда, с определенной потерей слоговости; б) /ə/ в слоге /ət/ после фрикативных также не реализуется; в) у редуцированного /ə/ в слоге /əl/, главным образом, реализуются синкопированные формы вне зависимости от способа образования предшествующих согласных.

4. Произносительная система языка.

Румынскому лингвисту В. Шутеу принадлежит работа «К вопросу о румынской произносительной системе»³, в которой при помощи метода анкетного опроса носителей исследуемого языка устанавливаются некоторые правила румынского литературного произношения.

Настоящая работа была подсказана трудом А. Мартине «Произношение современного французского языка»⁴, в которой были представлены результаты анкетного опроса 409 носителей французского языка, являющихся представителями различных слоев интеллигенции.

В результате опроса 314 представителей румынской интеллигенции, ответивших на 920 различных вопросов, автор приходит к следующим выводам:

а) для румынского литературного произношения характерно разграничение трех типов /i/: неслоговое конечное /i/,

¹ Ebenda, S. 55.

² G. Meinhold. Die Realisation der Silben əm, ən, əl in der deutschen hochgelauteten Sprache. Zs. für Ph., B. 15, H. 1/2. Berlin, 1962.

³ V. Şuteu. Some remarks on rumanian pronunciation. Revue de linguistique, t. VII, 1962, N 1, p. 39—50.

⁴ A. Martinet. La prononciation du français contemporain. Paris, 1945.

слоговое /i/ и полугласный /i/. Экспериментальное исследование Г. Н. Гожина «Спектральный анализ неслогового /i/ в молдавском языке»¹ всецело подтвердило состоятельность выводов В. Шутеу.

б) Дифтонги /ea/ и /oa/ являются самостоятельными единицами, отделяемыми от предшествующего звука. В связи с этим мнение относительно того, что в румынском языке дифтонг представляет из себя не что иное, как последовательность палатализованного или лабиализованного элемента предшествующего согласного и гласного, не нашло подтверждения. Напротив, дифтонг выделяется в самостоятельную единицу, несущую специальную функциональную нагрузку.

Таким образом, проведенная работа по выяснению природы дифтонга в румынском языке подтвердила вышеописанное экспериментальное исследование того же автора. Обе указанные работы являются примером того, как применение различных методов исследования одного и того же явления приводит к единому результату.

5. Интонация.

Что же касается вопросов исследования интонации, то следует подчеркнуть, что в зарубежной периодической литературе за последние годы вопросам интонации уделяется сравнительно мало места. Примерами подобных исследований являются работы: И. Фонодь и К. Магдиш «Эмоциональные модели в интонации и музыке»², Ф. Штротман «Интонационные модели эллиптических и неэллиптических предложений с отрицанием «nicht» в немецком языке»³, К. Пайк и Г. Скотт «Ударение и безударные фразы в языке Фоге (Новая Гвинея)»⁴ и некоторые другие.

Остановимся на работе Ф. Штротман «Интонационные модели эллиптических и неэллиптических предложений с отрицанием «nicht» в немецком языке», так как эта работа интересна с точки зрения практического применения выводов, полученных в ходе исследования. Автор рассматривает предло-

¹ Г. Н. Гожи н. Спектральный анализ неслогового (i) в молдавском языке, Сб. «Интонация и звуковой состав». М., 1965.

² I. Fónagy, A. Magdiés. Emotional Patterns in Intonation and Music. Zs. für Ph., В. 16, Н. 1/3, 1963.

³ F. Strothmann. Intonation Patterns for Elliptic and non-Elliptic German "nicht". Ebenda.

⁴ K. Pike and G. Scott. Pitch Accent and Non-Accented Phrases in Fore (New — Guinea). Ebenda.

жения типа «Ich gehe nicht» и считает, что число видов моделей в данном случае зависит от перемены места ударения:

I. а) — — —
б) — — —
в) — — —

II. а) — — —
б) — — —
в) — — —

В первом случае число всех возможных вариантов определялось одним ударенным словом в предложении, во втором случае — двумя. В ходе исследования к каждому из случаев давалась разъяснительная ситуация. В немецком языке дифференциация эллиптической и неэллиптической форм с отрицанием *nicht* всецело зависит от контекста и ситуации. В противоположность этому в английском языке разница между эллиптической и неэллиптической конструкциями может быть выражена посредством изменения самой синтаксической модели:

Например: эллиптическая форма — *I think not.*
неэллиптическая форма — *I do not think.*

Настоящая работа интересна еще и тем, что исследование всего материала проводится в сравнительном плане: для немецкого и английского языков.

Следует также отметить, что число работ по фонологии и экспериментальной фонетике, посвященных решению вопросов в типологическом плане, за последние годы значительно возросло.

В. Л. Наер

О СООТНОШЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО И ОРИГИНАЛЬНОГО В ЯЗЫКЕ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ

В широком смысле слова, в человеческой речи все традиционно — определенный набор структурных моделей, определенные знаки, соответствующие понятиям, отражающим реальную действительность, определенные нормы организации этих моделей и знаков и ограничения в отношении их связей, сочетания и взаимодействия на уровнях грамматики, семантики и стилистики. Не будь языковой традиции, не было бы и возможности общения. Вместе с тем каждому известно, что при всей жесткости правил, нормализующих употребление языковых средств, остается широкий простор для проявления индивидуальности говорящего (пишущего). Таким образом, вопрос о соотношении традиционного и оригинального (индивидуального) решается, как будто бы, чрезвычайно просто: языковая традиция реализуется в форме индивидуального, а индивидуальное — это ничто иное, как конкретное применение традиционного. Действительно, возможности языка настолько широки и многообразны, что, оставаясь в рамках традиционного лишь постольку, поскольку это касается грамматических правил и правил словоупотребления, т. е. в рамках языковой нормы, говорящий (если речь не идет об обычной повседневной беседе, где за редким исключением все традиционно, все штамп — разговорный штамп) и особенно пишущий используют, вернее, могут использовать разнообразные формы выражения, оригинальные и индивидуальные.

Но помимо оригинального и, в строгом смысле слова, нормализованного, имеется обширный слой языковых форм выражения, употребление которых подсказывается традицией, а отнюдь не предписывается языковой нормой.

Если отвлечься от того факта, что языковая норма — это тоже традиция, и рассматривать в качестве традиционного (что в дальнейшем и будет делаться) только те привычные формы выражения, которые, хотя и подчинены норме, но не диктуются ею, т. е. те обороты, выражения, словосочетания, которые используются в речи не потому, что они незаменимы, а потому, что они удобны и всегда под рукой, то можно заметить, что в разных формах общения, в разных типах и стилях речи они занимают различное место. Они неприемлимы, например, в поэзии (исключение составляет фольклор, где традиционные формы поэтического выражения весьма распространены), широко используются в обиходной речи и, по видимому, неизбежны в газетном стиле и особенно в стиле официально-деловых документов. Если традиционное и индивидуальное (оригинальное) рассматривать как антиподы, то функциональные стили английского языка (по классификации И. Р. Гальперина) располагаются на шкале следующим образом:

Трад.	ст. оф.	газетн.	ст. научн.	публиц.	стиль	Инд.
	делов. докум	стиль	прозы	стиль	худож. речи	

Традиционное обычно лишено экспрессии, индивидуальное — насыщено ею. Однако индивидуальное и экспрессивное не одно и то же, хотя чаще всего они сопутствуют друг другу. Традиционные формы выразительности (есть, как известно, и такие), как правило, обладают небольшой силой эмоционального воздействия.

Из упомянутых пяти стилей речи литературного английского языка лишь стиль официально-деловых документов полностью лишен черт индивидуальности, а равно и экспрессивности. Напротив, художественная речь, по крайней мере подлинная художественная речь, сильна именно индивидуальностью автора. Довольно силен элемент индивидуального в публицистике. Несомненно он присутствует, хотя и в небольшой мере, и в научном повествовании. Есть черты индивидуального и в языке газеты. А есть ли они в газетном стиле?

* *

*

Совершенно очевидно, что газета как вид печатной продукции и газетный стиль как функционально обусловленная совокупность языковых средств — величины не равнозначные. По существу, в современной газете можно обнаружить образ-

цы всех стилей литературного языка. Помимо газетной информации, здесь находим и публицистику, и научные статьи (стиль научной прозы), и публикации официальных документов, и, наконец, образцы стиля художественной речи — прозу и поэзию. Далеко не все, что можно обнаружить на страницах газеты, — газетный стиль. К газетному стилю в строгом смысле слова принято относить материалы, информирующие читателя. Это прежде всего краткие газетные сообщения и некоторая другая информация (официальные сообщения, статьи информационного характера). Это объявления и реклама. Это, наконец (жанр, правда, несамостоятельный, подчиненный, но тоже прежде всего информационный), газетные заголовки. Газетная информация составляет основу и специфику газеты. Газета и возникла прежде всего как средство информации. Задачу информировать читателя — и только информировать — ставил перед собой издатель первой английской ежедневной газеты «Дейли Курэнт» Моллет, о чем было заявлено в первом же номере газеты, вышедшем в свет 11 марта 1702 года. Моллет считал, что комментариям — не место в газете. Таким образом, ведущая функция газетного стиля — функция информации — находит как фактическое, так и историческое обоснование. Вместе с тем, однако, современная газета не только информирует читателя о фактах действительности, но и дает читателю указания о том, как эти факты (в соответствии с идеологической позицией газеты) должны быть осмыслены, т. е. комментирует, интерпретирует факты. Ведущим жанром, выполняющим эту функцию, является передовая редакционная статья.

Поэтому, говоря о языке и стиле газеты, целесообразно наряду с разновидностями собственно газетного стиля (газетная информация, объявления, заголовки) учитывать и передовые и другие редакционные статьи, которые, являясь по своей природе образцами публицистического стиля, вместе с тем настолько близки по целому ряду признаков (хотя и отличны по другим) газетной информации, что было бы едва ли разумно рассматривать их в отрыве друг от друга.

Среди упомянутых признаков, сближающих эти формы газетной речи, прежде всего выделяются общественно-политическая лексика и терминология, аббревиатуры и, конечно, газетные штампы. В штампе более всего проявляется присутствия газете традиционность.

Под словесными штампами обычно понимают привычные сочетания слов, готовые фразы, используемые в привычных единообразных ситуациях или определенном словесном окружении и исключающие в силу этого какую бы то ни было свежесть выражения. Понятно поэтому, что, как правило, штам-

пы расцениваются — и не без оснований — как явление отрицательное, не способствующее обогащению речи, а напротив, обедняющее и засоряющее ее.

Существует немало словесных штампов (I), в основе которых лежат стершиеся, потускневшие образы, уже не создающие образности и не вызывающие никакой другой эмоциональной реакции, кроме досады и раздражения (ср. *bulwark of liberty, the march of time, pillar of society*). В других штампах (II) образности нет и никогда не было, однако они представляют собой не менее стершиеся выражения; слова в них как бы уже не выражают конкретные значения, и остается лишь привычная словесная оболочка, довольно звонкая, но мало что выражающая, а иногда и извращающая суть явлений (ср. *Progress and Civilization, Free world, Great society*).

Подобными словесными штампами обеих разновидностей изобилует буржуазная пресса. Газетные работники вообще имеют пристрастие к звонкой фразе, охотно заменяя простые и ясные выражения вычурными, внешне яркими штампами. Сравнительно недавно вошло в уподобление выражение *to escalate war (war escalates)* и сразу же стало штампом. Г. Стэнхоуп писал в английской газете Сан (2 апреля 1965 г.): "... the dangers of the Vietnamese war are never worsening, just escalating". Выступая против засилья штампа, превращающего английскую речь в жаргон, Стэнхоуп озаглавил свою статью "This jargon makes my temperature escalate".

Есть, однако, и иные словесные штампы (III) — выражения, хотя и несомненно избитые, но удобные в определенной сфере общения, например, в той же газете, удобные именно своей привычностью, тем, что они сразу вызывают необходимые ассоциации (ср. *the danger of war, vital issue, a reliable source of information, to put one's case before the public, to launch a public campaign*). Можно спорить о недостатках подобных выражений, но нельзя отрицать того объективного факта, что они существуют, широко используются в газете и выполняют свою роль в речи, и едва ли их изъятие способствовало бы большей четкости и ясности выражения.

Газетный (общественно-политический) штамп характерен как для газетной информации, так и для редакционной (передовой) статьи. В газетной информации он, пожалуй, воспринимается как более естественный и необходимый, т. к. он способен вызывать незамедлительные и определенные ассоциации и таким образом способствовать быстрой передаче информации, а поэтому, как правило, читатель его просто не замечает. В статье штамп ощущается резче, а назойливое употребление его воспринимается как дефект стиля. Но и здесь штамп, по-видимому, неизбежен; быстро возникающие

ассоциации для статьи не менее важны, чем для информационных заметок, и если редактор хочет, чтобы читатель быстро усвоил позицию его газеты по какому-либо вопросу, он должен подавать привычное в привычной форме. Впрочем, наблюдается и некоторая функциональная дифференциация штампов. В информации это обычно привычные словосочетания стилистически нейтрального характера (III): поэтому они и не бросаются в глаза. В статье наряду с ними очень часто употребляются штампы эмоционально окрашенные (I, II). Они-то наиболее вычурны, броски, назойливы. Именно избыток таких штампов является одной из причин, порождающих своеобразный ложно-возвышенный тон передовых статей некоторых газет (таких, например, как «Дейли Миррор»).

Наличием газетного штампа, на первый взгляд, и исчерпывается традиционность передовых и иных газетных статей оценочного характера.

* * *

*

Традиционность газетной информации (собственно газетный стиль) выражена неизмеримо более выпукло и ярко. Традиционна сложная структура предложения с включением подчиненных придаточных и различных синтаксических оборотов, традиционна обилие неличных форм глагола, традиционны порядок слов, своеобразие использования временных форм глагола (напр., Present Perfect в начале заметки наряду с последующим Past Indefinite в той же или аналогичной ситуации¹), особенности передачи чужой речи² и регулярное нарушение правила согласования времен; традиционны, понятно, и упоминавшиеся лексико-фразеологические средства. Такие устойчивые традиции в сфере газетной информации и образуют систему признаков газетного стиля.

Очень силен элемент традиционности и в объявлениях (второй разновидности собственно газетного стиля), особенно в тематических объявлениях, т. н. Classified advertisements and announcements; а их большинство. Здесь также выделяются не только словесные штампы, но и определенные немногочисленные структуры. Стереотипность структурного облика газетных объявлений настолько велика, что отдельные элементы структуры легко опускаются, и таким образом, воз-

¹ Four of a group of currency smugglers have been sentenced to death... Four accomplices were sentenced to terms of imprisonment from four to ten years (Daily Worker, Feb. 12, 1962).

² After offering "the hearty congratulations of myself and the federation I represent" and expressing his wish for "every success in the future", Mr. Holt concludes... (Daily Worker, Nov. 19, 1963).

никают своеобразные эллиптические конструкции, свойственные лишь объявлениям. Такие конструкции совершенно не похожи на эллиптические обороты, употребляемые, например, в художественной речи, они лишены какой бы то ни было эмоциональности и являются, по существу, техническими приемами экономии места¹.

Довольно традиционны и заголовки. Хотя в силу своей сжатой публицистичности (английский газетный заголовок очень часто носит оценочный характер, в нем сочетаются элементы информации и оценки) они предоставляют широкий простор для оригинального творчества. Здесь можно обнаружить своеобразное использование лексики различной стилистической окраски, разложение фразеологических единиц, каламбуры и другие лексические стилистические приемы, аллитерацию и др. Структура заголовков, хотя и довольно разнообразна, по существу своему стереотипна: имеется определенный набор структурных моделей, на основе которых и создается подавляющее большинство заголовков. Традиционна и эллиптичность газетных заголовков.

* *
*

Всего этого нет в газетных статьях. И если традиционное здесь ограничивается наличием газетного штампа, то возникает вопрос, насколько силен элемент оригинального, индивидуального.

Возможности для проявления оригинального в статьях достаточно широки. Публицистический характер передовой газетной статьи предполагает использование средств эмоционального воздействия, образных средств и разнообразных стилистических приемов, что определяется функцией публицистики — убедить читателя посредством эмоционального воздействия.

Исследователь стилистических средств английского языка найдет в языке газеты — в передовых газетных статьях и газетных заголовках, этих публицистических произведениях в миниатюре — немало интересных примеров оригинального использования стилистических средств. Принято считать — и для этого имеются все основания, — что эмоциональная окрашенность и образность (а это подразумевает оригинальность и индивидуальность в большей или меньшей степени) характерны для передовых газетных статей.

¹ Ср. в разделе Births газеты Times: Bellwood. — On December 21st 1963, at Charing Cross Hospital, to Shirley (née Peek), wife of Cecil Bellwood — a son (The Times, Dec. 27, 1963).

При этом, однако, следует иметь в виду следующие три обстоятельства.

1. Передовые статьи различных газет очень неодинаковы, и выразительность, образность и эмоциональность свойственны им в весьма различной степени.

2. Многие стилистические средства, используемые в передовых газетных статьях, носят традиционный характер.

3. Некоторые оригинальные стилистические средства, если они удачны и если возможности их применения не исчерпываются данной ситуацией, если подобные ситуации возникают снова и снова, в ближайшие же дни становятся привычными для читателя и уже воспринимаются как традиционные.

Рассмотрим эти положения несколько подробнее.

* *

*

Хотя все передовые статьи как жанр публицистики и разновидность газетного материала характеризуются определенными, свойственными только им чертами языкового и неязыкового порядка, сами они существенно друг от друга отличаются. Так и свойственные передовым статьям экспрессивность и эмоциональность проявляются в различных газетах по-разному. Очень мало походят, например, друг на друга сдержанные в языковом отношении редакционные статьи лондонской «Таймс», эмоционально-оценочные средства в которых, как правило, немногочисленны и весьма умеренны, и кричащие передовицы крупнейшей по тиражу и дешевой по содержанию английской газеты «Дейли Миррор», насыщенные эмоционально-оценочными средствами, сильными, броскими, рассчитанными на значительный стилистический эффект, всегда апеллирующие (хотя часто и очень неуклюже) к чувствам читателя.

Сравним характер языковых средств, используемых в трех передовых статьях на одну и ту же тему (рост розничных цен в Великобритании в начале 1965 года), опубликованных газетами «Таймс», «Дейли Уоркер» и «Дейли Миррор» в один и тот же день — 6 января 1965 г.¹ Такое единообразие материала создает максимально удобные условия для сравнения: соображения тематики и времени отпадают; из экстралингвистических характеристик остаются лишь характеристики идеологического порядка — позиция газеты. В остальном же различия между статьями носят языковой, стилистический характер, хотя они и обусловлены позицией газеты по данному вопросу и стилистической традицией газеты; это, одна-

¹ Keeping Prices Down. The Times, Jan. 6, 1965. Belated Brown. Daily Worker, Jan. 6, 1965. Counting the Cost. Daily Mirror, Jan. 6, 1965.

ко, своего рода «индивидуальная традиция» данной газеты, а не традиция стиля или жанра.

Посмотрим, какие лексико-фразеологические средства используются в упомянутых трех статьях для обозначения основного в обсуждаемом вопросе понятия — «повышение цен».

«Таймс»: to make dearer, price increases, price rises, rise in...

«Дейли Уоркер»: price increases, to put up prices, soaring prices, а также перифразы to add a bit on here and a bit on there; **the amounts slapped on to food and groceries.**

«Дейли Миррор»: price increases, rising prices, excessive prices, to put up prices, to mark up prices, to jack up prices, to edge up prices.

Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что принципы отбора лексики в трех статьях неодинаковы.

В передовой «Таймс» бросается в глаза сравнительно небольшое количество лексико-фразеологических единиц, используемых для обозначения понятия «повышение цен», при этом все эти единицы нейтральны.

В передовой «Дейли Уоркер» наряду с нейтральной лексикой обнаруживаем привычное, но не лишнее эмоциональности словосочетание *soaring prices*, а также перефразистические обороты: образный *amounts slapped on* и разговорный *to add a bit on here and a bit on there*.

В передовой «Дейли Миррор» обращают на себя внимание такие эмоционально окрашенные образные выражения, как *to jack up prices* (*to jack up* обычно означает «поднимать домкратом») и *to edge up prices* (*edge up* синонимично *push up*); и выбор здесь значительно разнообразнее, чем в «Таймс»¹.

Совершенно очевидно, что задачу эмоционального воздействия на читателя, помимо упомянутых лексико-фразеологических единиц, связанных с выражением основного для данной темы понятия, выполняют — и в значительно большей мере — многочисленные другие языковые и стилистические средства, лексические, фразеологические и грамматические.

Что касается лексики, то для «Таймс» эмоционально окрашенные элементы мало характерны; здесь также почти не встречается разговорная лексика. Среди лексических средств субъективной оценки в упомянутой передовой «Таймс» можно отметить лишь несколько весьма сдержанных, таких как

¹ В другой передовой статье «Дейли Миррор», посвященной той же проблеме (11 января 1965 г.), встречаем *an ominous and dangerous price explosion, this price spiral*.

... are **apparently** having none of it; it should surprise no one; it would have been a miracle; price increases have been excessive; if Mr. Brown feels impelled to **act as watchdog**. Этим, собственно, и исчерпывается перечень таких средств. Следует при этом заметить, что очень часто передовые «Таймс» лишены и таких средств и носят почти нейтральный (в языковом отношении) характер.

В статьях «Дейли Уоркер» и «Дейли Миррор» лексические средства субъективной оценки имеют значительно большую эмоциональную силу (при этом сама субъективная оценка в этих двух газетах носит, конечно, как здесь, так и в других случаях, различный характер). Ср., например, *why on earth...*; *his much-boasted and publicised Government ministry* (Daily Worker); *God help the nation*; *Let the housewife know the facts about the new price tags...* ("Daily Mirror"). В последнем примере обнаруживается и характерное для «Дейли Миррор» и вообще для газет, рассчитанных на широкого читателя, стремление как бы конкретизировать отдельные аспекты проблемы; здесь наблюдается своеобразный метонимический ход: *the housewife* вместо *the people, the public*; *price tags* вместо *prices*. Подобных примеров в статье «Дейли Миррор» немало. Такая конкретизация здесь сочетается с использованием весьма потертых штампов, и все это придает статье оттенок ложного пафоса, — прием довольно примитивный, но эмоциональный эффект налицо. Ср. в той же статье «Дейли Миррор»:

Every housewife will applaud the urgent probe into current price increases...

... the housewife is entitled to be highly suspicious.

... the best service he can do the housewife is to NAME the firms which have made unfair price increases.

Приемы конкретизации понятия не чужды и «Дейли Уоркер». Однако общая эмоциональная направленность здесь иная. В этом нетрудно убедиться, проанализировав один пример из передовой «Дейли Уоркер» с тем же словом *housewife*:

If Mr. George Brown expects compliments from the housewife for his decision to ask firms why they are putting up prices, he will be disappointed.

Помимо того, что сама выраженная здесь мысль противоположна приведенному выше высказыванию «Дейли Миррор» (это вопрос идеологических позиций), эмоциональная окрашенность здесь другая — сатирическая или, точнее, саркастическая, что также находится в соответствии с позицией газеты.

Значительный стилистический эффект создают используемые во всех трех статьях синтаксические стилистические средства. Это серию вопросов, повторы и параллелизмы, антитезы. Все они содержатся, например, в передовой статье «Таймс». Ср.:

Are shopkeepers simply passing on the whole of the increase in costs to customers? Have industrialists and shopkeepers... taken the opportunity of recent wage increases..? Are they in fact trying to make price adjustments now before Mr. Brown's promised price Review Body begins to bite?

If Mr. Brown's prompt inquiry stifles such moves now so much the better. If it gives the unions the feeling that he means business in controlling prices, their cooperation on incomes may be given more readily. If Mr. Brown feels impelled to act as watchdog before a statutory body can be established, no harm and not a little good may be done.

It is easy to harbour suspicion: far harder to prove or disprove it.

Подобные примеры находим и в статьях «Дейли Уоркер» и «Дейли Миррор».

Передовые «Дейли Миррор» отличает и еще одна черта, совершенно не свойственная передовым статьям «Дейли Уоркер» и «Таймс». Это широкое использование графических средств. Средства эти не лингвистические, а технические, но они обладают немалой силой воздействия. Общеизвестно, что графические средства достаточно широко используются всеми газетами в заголовках. Впрочем, в передовых статьях таких газет, как «Таймс», «Гардиан», «Дейли Уоркер» и многих других, заголовки не отличаются броскостью; графические средства в них, как правило, не используются. Их, конечно, нет и в тексте статей. Напротив, «Дейли Миррор» применяет такие средства в избытке не только в заголовках, но и в тексте передовых статей. В тексте анализируемой передовой статьи из «Дейли Миррор» использовано несколько различных шрифтов (шрифты различных кеглей, жирные, полужирные шрифты). Отдельные слова внутри предложения выделяются графически. Ср.: How many of these increases are ENTIRELY justified? Все это придает передовым «Дейли Миррор» еще более кричащий сенсационный облик, что, конечно, согласуется с общей направленностью газеты.

Для многих передовых статей «Дейли Миррор» характерна еще большая эмоциональная насыщенность. С другой стороны, в любом номере «Таймс» можно обнаружить передовую статью (в «Таймс» их всегда несколько), значительно более нейтральную по языку, чем анализировавшаяся здесь статья. Таким образом, языковые средства субъективной оценки, эмо-

циональность и образность, будучи (потенциально) характерными чертами газетных передовых статей, не в равной мере свойственны различным газетам.

* *

*

Упомянувшиеся при анализе всех трех статей языковые и стилистические средства и приемы в очень значительной степени носят традиционный характер. И даже при всем их обилии в той или иной статье вопрос о соотношении традиционного и оригинального в газетной публицистике, в общем, решается в пользу традиционного.

Однако оригинальные стилистические средства в газетных статьях отнюдь не являются редкостью. В газетных статьях можно найти примеры для иллюстрации любого стилистического приема. Но, пожалуй, особый интерес с точки зрения выразительности и эмоционального воздействия представляет (помимо уже упомянутых синтаксических приемов) группа приемов, почти регулярно используемых, особенно в статьях полемического характера, в целях создания юмористического и особенно сатирического эффекта. Это: 1) стилистическое использование средств словообразования; 2) аллюзии; 3) разложение фразеологических единиц и некоторые другие. Вот несколько примеров.

1. Всем памятно появление целой серии сатирических словообразований с суффиксом *-nik*, вычлененным английским сознанием из заимствованного из русского языка слова *sputnik*, таких как *Porpnik*, *sitnik*, *goofnik* и др.¹, воплощавших в себе сатирический намек на неудачные в то время попытки США запустить искусственный спутник земли. Интересное словообразование такого же типа было использовано газетой «Дейли Уоркер» в ноябре 1959 г. в подписи к карикатуре и в заголовке передовой статьи — *sudnik*. Поводом для его появления послужило высказывание одного из министров тогдашнего английского правительства, заявившего, что если бы Англия не производила стиральные машины и другие бытовые приборы, она бы тоже уже запустила спутник. Карикатура изображала стиральную машину на орбите с портретом министра и надписью *sudnik* (*suds* — *мыльная пена*).

Много в свое время в газетах было сатирических образований на основе фамилии премьер-министра *Macmillan*, таких как *Macmillionaire*, *Macmiser*, *Mister Macdoormat*

¹ Ср. аналогичные образования в немецком языке: *Spättnik*, *Spottnik*, *Puffnik*.

(последнее связано с позицией послушания и раболепства, которую занял Макмиллан во время своего визита в США).

Интересно словобразование *Beechingisation* («Дейли Уоркер», 17 апреля 1963), в основе которого, помимо продуктивной словообразовательной модели, лежит прием антономасии. Министр транспорта Бичинг прославился своими попытками ввести жесткую экономию на транспорте. *Beechingisation*, таким образом, употреблено в газете в значении «жесткая экономия»: ... and a bit of *Beechingisation* is just what Buckingham Palace needs. Здесь также имеется и элемент аллюзии — ссылка на определенные факты современной политической жизни Англии; не зная этих фактов, относящихся к деятельности Бичинга, нельзя понять значения новообразования *Beechingisation*.

2. Непременное знание фактов требуется и для понимания исторических и литературных, в частности библейских, аллюзий. Если читатель располагает таковыми, он остро ощутит сатирическую силу таких аллюзий:

а) In his speech on Tuesday Mr. Bevan did not propose such a drastic reform of Parliament as Guy Fawkes attempted 354 years ago today. He proposes to show it up rather than blow it up ("Daily Worker", Nov. 5, 1959).

Здесь содержится ссылка на пороховой заговор 1605 года.

б) Macmillan's conversion to peace is almost the quickest since Paul saw the light on the road to Damascus, but is likely to be a lot less permanent ("Daily Worker", Sept. 16, 1959).

Здесь ссылка на библейский сюжет — прозрение будущего апостола Павла и его обращение в христианство — используется для осмеяния лицемерных заявлений Макмиллана.

3. Разнообразны приемы разложения фразеологических единиц. Вот пример грамматической модификации фразеологической единицы *the proof of the pudding is in the eating*:

The Soviet team is in good trim and without doubt tomorrow's match with England will prove the pudding ("Daily Worker", May 17, 1958).

Обычным приемом является замена одного из компонентов фразеологической единицы. Ср. *Multilateral Fog* ("Daily Worker", Nov. 27, 1964). Здесь подвергся разложению фразеологический термин *multilateral force*.

* * *

*

Список примеров использования оригинальных стилистических средств — равно как и список самих средств — можно было бы продолжить. Но, по-видимому, и без этого ясно, что возможности применения оригинальных стилистических средств в газетной публицистике достаточно широкие.

И все же они не столь часты, и не все газеты в равной мере широко пользуются такими средствами. Не они, надо думать, определяют весь стилистический строй газетных передовых статей. Оригинальные стилистические средства, естественно, очень выпуклы, они бросаются в глаза, ни одно такое средство не ускользает от внимания читателя. Понятно, что и стилистический эффект таких средств очень значительный. Средства же традиционные в силу своей привычности, стертости образов и приглушенности эмоциональных красок менее заметны. Но и они, все в совокупности, выполняют свою стилистическую работу. И их, конечно, больше, чем средств оригинальных.

Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что некоторые новообразования, возникая как оригинальные эмоционально окрашенные единицы, подхватываются прессой и, продолжая какое-то время сохранять постепенно ослабевающую эмоциональную окраску, очень быстро утрачивают оригинальность, т. е. становятся традиционными средствами.

Характерна в этом отношении судьба появившихся несколько лет тому назад слов *Ned* и *Neddy*, развившихся из специального термина и выступающих в качестве его эквивалентов. Интересно проследить эволюцию термина. Полная его форма *National Economic Development Council* породила обычную, ничем не примечательную аббревиатуру *N. E. D. S.* Затем последняя буква в сокращении была отброшена: *NED*. На этом этапе, по-видимому, и возникли ассоциации с именем собственным *Ned*. Эта форма (*Ned*) и стала употребляться вместо *N. E. D. S.* Понятно, что при ее возникновении имел место акт индивидуального творчества юмористического свойства. По сравнению с *NED* *Ned* оказалась эмоционально окрашенной единицей, вызывающей упомянутые ассоциации. В этом нет никакого сомнения, тем более что параллельно с *Ned* и приблизительно в то же время появилось новообразование *Nick* (*National Incomes Committee*). Оба слова нередко употреблялись в печати вместе — *Ned and Nick*; стилистический эффект такого употребления не вызывает сомнений. Дальнейшее развитие по линии шутивно-юмористической (чему очень способствовало весьма непочтительное отношение прессы к Совету национального экономического развития, что связано с его несостоятельностью) привело к образованию *Neddy* (параллельно *Nick* дало *Nicky*). Таким образом, развитие шло следующим образом: *N. E. D. S.*—*NED*—*Ned*—*Neddy*. И *Ned* и *Neddy* сразу же стали обычными, привычными словарными единицами; иными словами, не успев появиться как средства оригинальные, они сразу же стали традиционными. Причем, если *Neddy* сохранило юмористиче-

скую окраску и ассоциации с именем собственным, Ned очень скоро какую бы то ни было эмоциональную окраску утратило и стало употребляться как термин. Ср.:

Yesterlay's report from Ned is complete confirmation of the claim made at last weekend's Communist Party Congress... ("Daily Worker", April 18, 1963).

Nor would Mr. Maudling, not having begotten "Neddy" himself, be necessarily keen on keeping it in existence after the life had gone out of it ("Guardian", Feb. 18, 1963).

Итак, оригинальные средства эмоционального воздействия в газетной публицистике при всем своем многообразии и той выразительности, которую они могут нести, относительно немногочисленны, они выделяются на широком фоне традиционных средств и сами часто попадают во власть столь свойственной газете силы традиции. Традиционное в газетной передовой статье несомненно доминирует. При этом довольно четко вырисовываются как традиции всего жанра, так и традиции отдельных газет.

* *
*

Если передовой газетной статье свойственно проявление индивидуального, оригинального (хотя и в ограниченных размерах), а также значительная эмоциональная окрашенность, то газетная информация носит печать абсолютно безликого творчества, лишённого какой бы то ни было экспрессии, всецело подчиненного традиции. При изучении газетной информации вопрос о соотношении традиционного и оригинального, нейтрального и эмоционального вовсе не встает. Здесь все традиционно и все нейтрально.

Интересно, однако, отметить отдельные, в количественном отношении незначительные (что совершенно очевидно и на уровне наблюдений), но все чаще встречающиеся в некоторых газетах случаи нарушения этого твердого и всегда неукоснительно соблюдавшегося правила стилистической нейтральности. Иногда в тексте кратких газетных сообщений обнаруживаются эмоционально окрашенные лексические единицы, разговорная лексика (также, а в нейтральной среде особенно, несущая эмоциональную нагрузку) и даже слэнг. Более того, встречаются и элементы экспрессивного синтаксиса. Все это вопиющие нарушения традиции, но вместе с тем объективные факты речи.

Ограничимся приведением нескольких примеров (все примеры взяты из кратких неподписанных информационных заметок), не пытаясь делать какие-либо обобщения.

А. Лексические единицы, обладающие, помимо предметно-логического, эмоциональным значением (эмоционально окрашенная лексика).

Four masked men... **snatched** £4,000 from Barclays Bank ("Daily Mail", Dec. 3, 1965).

Health Minister Kenneth Robinson made this **shock** announcement yesterday in the Commons ("Daily Mirror", Dec. 15, 1965).

Б. Разговорная лексика.

A **pub**, with inn sign and dartboard will be erected... ("Daily Mail", Dec. 6, 1965).

The **sacking** of the rector of Spaxton, Sommerset, the Rev. Geoffrey Grubb, is condemned... ("Sun", Dec. 3, 1965).

Mr. Freddie Lennon... is going into the **pop** record business ("Daily Mail", Dec. 8, 1965).

A prophesy that 1966 is going to be another **tough** year for Britain's economy comes today from... ("Sun", Dec. 1, 1965).

В. Слэнг. Приводимая ниже лексическая единица рассматривается одними словарями как слэнг, другими — как разговорная. В данном случае это не имеет принципиального значения.

Prostitutes are **swapping** beats with girls in other towns to avoid being prosecuted ("Daily Mirror", Dec. 9, 1965).

Подобные примеры сравнительно редки, но не уникальны.

Очень интересны случаи использования эллиптических конструкций в начале краткой информационной заметки, обнаруженные в газете «Дейли Миррор». Ср.:

Sir Laurance takes the steward's part

Off from London yesterday on their first foreign tour — more than sixty members of Britain's National Theatre Company.

They will appear... ("Daily Mirror", Sept. 6, 1965).

Miss Redgrave Goes East

Slipping quietly out of London yesterday in the early hours of the morning: talented actress-political-campaigner Vanessa Redgrave.

She was off... ("Daily Mirror", Sept. 2, 1965).

Использование эмоционально окрашенных языковых единиц в газетной информации, таким образом, является хотя и очень редким, но фактом. Явление это, однако, присуще, даже в таких микроскопических дозах, не всем газетам. И наличие его или отсутствие находится в зависимости от общей языковой традиции той или иной газеты.

Едва ли уместно здесь делать какие-либо заключения. Присутствие в газетной информации эмоционально окрашенных элементов может быть объяснено случайностью или не-

брежностью; но, быть может, с другой стороны, это определенная тенденция. Но так или иначе, наличие этих языковых фактов само по себе интересно и важно, его нельзя игнорировать. А дальнейшее изучение вопроса может привести к уточнению проблемы соотношения традиционного и оригинального, нейтрального и экспрессивного в языке газеты применительно и к этой его разновидности.

Пока же, не опасаясь нарушить привычные и в основе своей совершенно правильные представления о языке английской газеты и его важнейших разновидностях, можно отметить, что передовая газетная статья не настолько оригинальна в языковом отношении и эмоциональна, как это обычно кажется, и что, с другой стороны, прочные традиционные устои, присущие газетной информации, начинают, по-видимому, понемногу расшатываться.

Л. А. Бармина

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИНФИНИТИВА И ГЕРУНДИЯ

Вопрос сосуществования в английском языке инфинитива и герундия не раз обращал на себя внимание грамматистов. Сохраняя присущую глаголу семантику, эти неличные формы близки по значению, так как служат для обозначения процесса. Инфинитив и герундий имеют близкие дистрибутивные признаки и сочетают в себе грамматические черты существительного и глагола. Кроме того, они имеют много общего по синтаксическому функционированию, и даже в отдельных грамматических структурах наблюдается их параллельное употребление. В связи с этим возникает вопрос: что представляют собой параллельные синтаксические конструкции с инфинитивом и герундием? Являются ли они синтаксическими синонимами и их развитие идет по линии дифференциации значения и употребления или одна конструкция вытесняет другую? В лингвистике принято считать, что язык не терпит существования двух идентичных единиц, поэтому параллельные синтаксические конструкции либо должны дифференцироваться по значению и употреблению, либо одна из них будет вытеснена другой.

Вопросы грамматической синонимии вообще, а синтаксической в частности, еще мало изучены, хотя имеют большое теоретическое и практическое значение.

Параллелизм синтаксических конструкций можно наблюдать в целом ряде словосочетаний, в состав которых входят инфинитив и герундий. Эти словосочетания по семантике ведущего компонента можно разделить на следующие группы: I) словосочетания, в которых ведущий компонент выражает отношение субъекта к действию (to like, to dislike to hate, to mean, to propose, to prefer, to intend, to neglect, to fear, to try etc); II) словосочетания, в которых ведущий компонент ха-

рактирует действие с точки зрения его протекания (to begin, to commence, to start, to continue, to cease).

Параллельное употребление инфинитива и герундия в этих словосочетаниях, естественно, не могло не привлечь внимания грамматистов. Многие англисты просто перечисляют глаголы, после которых употребляется инфинитив и герундий, не затрагивая вопроса их различия или идентичности (большинство практических грамматик)¹. Часть англистов пытается обосновать необходимость употребления той или иной формы. Так, М. Ганшина и Н. М. Василевская², Л. Винокурова, Зандворт³ считают, что герундий употребляется для обозначения более абстрактного по значению действия, а инфинитив — более конкретного. В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик, Л. С. Бархударов⁴, М. Дейчбейн и некоторые другие связывают различие в значении герундия и инфинитива с различием их видового значения. «Герундий более процессуален, чем инфинитив и подчеркивает длительность действия неопределенного глагола или глагола двойственного видового характера, отдаление предела глагола предельного характера или многократность действия глаголов предельно-мгновенного видового характера»⁵. Дейчбейн указывает на завершенность, перфектность действия, обозначенного инфинитивом, и незавершенность действия, обозначенного герундием⁶.

Другая часть англистов считает, что выявить различия в значении и употреблении инфинитива и герундия практически не представляется возможным на данном этапе развития языка, среди них О. Есперсен⁷, Керм⁸.

¹ Списки глаголов, после которых употребляются и инфинитив и герундий, приводятся во всех грамматиках. См., например, R. W. Zandvoort. A Handbook of English Grammar, 1948, p. 35.

² M. Ganshina and N. Vasilevskaya. English Grammar. Moscow.

³ R. W. Zandvoort. A Handbook of English Grammar, 1948, p. 35.

⁴ Л. С. Бархударов. Грамматика английского языка. М., 1960, стр. 237.

⁵ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. Л., 1956, стр. 262.

⁶ M. Deutschbein. Aspekte und Aktionsarten im neuenglischen. Leipzig, 1939.

⁷ O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles, p. V, p. 162.

«Некоторые грамматисты говорят, что герундий более абстрактен, инфинитив более конкретен; другие говорят, что герундий передает действие незавершенное, инфинитив завершенное. В обоих определениях имеется доля правды, и они оказываются справедливыми в отношении некоторых примеров; но ни одно из них не объясняет всех случаев».

⁸ Curme. History of the English Gerund. Englische Studien, p. 378.

«Самое хорошее правило — отсутствие всякого правила, так как между ними (инфинитивом и герундием) не произошло еще точного разграничения».

Отдельные интересные наблюдения по данному вопросу можно найти у Крейзинга, Поутсма, Томсона и Мартине.

Более глубокому анализу вышеназванные конструкции были подвергнуты в диссертации Г. Д. Томахина¹. Им очень подробно проанализированы словосочетания I подгруппы (т. е. словосочетания, ведущий компонент которых выражает отношение субъекта к действию), найдены в некоторых случаях убедительные критерии для разграничения употребления инфинитива и герундия, как грамматические, так и семантические (например, *to remember, to try, to mean, to hate, to intend and etc.*).

Однако анализ словосочетаний II подгруппы (т. е. словосочетаний, ведущий компонент которых выражает характер протекания действия) представляется нам менее убедительным и последовательным и носит чисто описательный характер. Статья «Инфинитив и герундий при глаголах начинательности» Б. М. Лейкиной² специально посвящена данному типу словосочетаний. Однако мы позволим себе еще раз вернуться к этому вопросу, поскольку выводы, к которым приходит автор, не кажутся нам всегда убедительными.

Мы провели анализ словосочетаний с глаголами, ведущий компонент которых выражает начало, конец или продолжение действия на материале современной литературы, на материале книг, опубликованных в конце 50-х годов и в 60-е годы.

В лингвистической литературе является довольно распространенным мнение, что различие в употреблении инфинитива и герундия в указанных выше словосочетаниях определяется прежде всего смысловыми факторами. Так, Зандворт, Б. М. Лейкина³ указывают, что после этих глаголов употребляется инфинитив, если речь идет о действии ненамеренном, бессознательном, произвольном, и герундий, если речь идет о действии произвольном, волеуправленном.

Приводятся такие примеры, как *Stephanie's knees turned weak and she began to laugh and shake at the same time. Then with grim determination she roused herself and began labouriously rebuilding the structure of the future.*

Действительно, в первом предложении действие произвольное, а во втором предложении действие произвольное.

¹ Г. Д. Томахин. Сравнение герундия с инфинитивом в глагольных словосочетаниях в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1956.

² Б. М. Лейкина. Инфинитив и герундий при глаголах начинательности. Ученые записки ЛГУ, 1958, выпуск 36, стр. 21.

³ R. W. Zandvoort. A Handbook of English Grammar, 1948, p. 35. To begin is followed by a gerund if "the verb expresses a voluntary action otherwise the infinitive is mostly preferred. She began studying law, it began to rain".

Однако являются ли эти семантические факторы определяющими в выборе инфинитива и герундия? Нам кажется, — нет. У нас имеется много примеров, в которых после глагола *begin* употребляется инфинитив, обозначающий произвольное действие.

Например:

1. We'd been going to St. Alfred's for some ten years now; I suppose that I'd **begun to go** originally to please my mother-in-law but now I went to please myself (J. B r a i n e. Life at the Top).

В данном предложении преднамеренность действия подчеркивается обстоятельством цели, выраженным инфинитивом *to please*.

2. He **began to turn** the photographs towards Marie Rycker, cautiously, so that it might look as though he were only fiddling with his papers (G. G r e e n e. A Burn-out Case).

3. I got up, refilled our glasses and then, when I was seated again, **began to play** with ideas, ludicrous ideas hoping thereby to laugh Sally out of her disturbingly fey mood (G. W h i t l e y. All Laced Up).

В этом предложении преднамеренность действия выражена наличием причастного оборота *hoping...*

4. Brother Philippe **began to light** candles on the dresser in case the electric current failed (G. G r e e n e. A Burn-out Case).

Подобных примеров привести можно много. В то же время имеются примеры, в которых после глагола *begin* употреблен герундий, обозначающий произвольное действие.

The dogs **began barking** in the yard and Rycker woke (G. G r e e n e. A Burn-out Case).

Then he turned away and ran across the clearing... into the long colonnades of flowers. He **began sobbing** and tearing away at the bushes... L. H a r d i n g. Quest).

А раз так, то, видимо, произвольность или произвольность действия не может служить критерием при выборе инфинитива и герундия.

Приводятся другие факторы, способствующие выявлению употребления герундия и инфинитива с этой группой глаголов — это прежде всего видовое значение этих неличных форм. Принято считать, что герундий обладает значением процесса, не ограниченного рамками времени. Герундий подчеркивает длительность, процессуальность действия, в то время как инфинитиву это значение несвойственно.

Вот что пишут Л. С. Бархударов и Д. А. Штеллинг по этому вопросу: «Различие между инфинитивом и герундием

здесь напоминает различие в значении форм общего и продолженного видов: форма на-ing обозначает действие в его течении; часто она подчеркивает интенсивность действия.

After supper Sir Pitt Crawley began to smoke his pipe, and producing a huge mass of papers **began reading** them and **putting** them in order»¹.

Действительно, в некоторых предложениях герундий употребляется для обозначения действия в его течении, например,

She pulled a white foxglove out of the vase on the table and **began switching** it nervously about (I. Murdoch. An Unofficial Rose).

Но в большинстве случаев, даже для обозначения действия в его течении, с глаголами, употребляемыми в продолженном виде, употребляется инфинитив.

Например:

1. My head **began to throb**; it wasn't aching but it felt as if a big hammer inside it were stopping just short of the threshold of pain (J. Braine. Room at the Top).
2. I wouldn't say that I was dead; simply that I **had begun to die** (J. Braine. Room at the Top).
3. Miranda **began to strew** the bread in a new rectangle of which she first marked out the sides with a trail of pieces, until she had covered with the white fragments an area upon which a boy might have lain down (I. Murdoch. An Unofficial Rose).
4. ... but at that moment... a second priest entered the room and taking the father on one side **began to explain** to him how he had run short of wine and had come to borrow his and still talking he picked up that decanter from the table (G. Greene. A Burn-out Case).

В последнем предложении на длительность, процессность действия указывает причастие still talking...

Существует мнение, что герундий в указанных словосочетаниях употребляется для обозначения повторяющихся, многократных действий². Однако в таком же значении употребляется и инфинитив.

Например:

1. Then she **began to knock** them over gently one by one with her umbrella (I. Murdoch. An Unofficial Rose).

Казалось бы, автору в данном предложении следовало бы употребить герундий, так как действие преднамеренное, повторяющееся и дано в процессе. Однако употреблен инфинитив.

¹ Л. С. Бархударов, Д. А. Штеллинг. Грамматика английского языка. М., 1960, стр. 237.

² Б. М. Лейкина. Указанная статья, стр. 35.

2. He had occasion, of course, abundantly, to know of her, since it was after their parting that she had **begun to write** the detective stories which had made her by now so famous (I. Murdoch. An Unofficial Rose).

На многократность действия в данном предложении указывает существительное *stories*, употребленное во множественном числе.

Следовательно, нельзя сделать вывод, что после глагола *begin* герундий употребляется для обозначения действия длительного, многократного, ибо такую же функцию может выполнять и инфинитив.

В некоторых работах указывается, что герундий не употребляется для обозначения действия, начавшегося, но прерванного¹. А как объяснить тогда употребление герундия в следующем предложении?

Britain, already suffering from the effect of this breakdown and unable to obtain sufficient supplies to feed its own population properly had begun sending aid but had been forced to give up this measure and look to it's own problems (M. Morgsok. Flux).

Таким образом, анализ критериев, предлагаемых для определения выбора инфинитива и герундия в данном типе словосочетаний, показывает, что ни один из них не является объемлющим все случаи, а может служить лишь для объяснения отдельных примеров. Попытки выявить таковые (критерии) пока безуспешны. Неясные вопросы, касающиеся неличных форм глагола, можно будет разрешить, видимо, после детального анализа употребления герундия и инфинитива во всех словосочетаниях в функциональном плане, так как лишь детальное сопоставительное описание употребления этих форм в различных функциях, основанное на анализе большого языкового материала, может послужить основой для разрешения этих вопросов.

В данной работе мы приводим примеры с глаголом *to begin*, так как он является самым распространенным для обозначения начала действия. Проанализированный материал показывает, что, как правило, после глагола *begin* употребляется инфинитив. Так, например, в книге J. Braine "Life at the Top" на 288 страницах текста нам не встретилось ни одного словосочетания *begin+gerund*, в то время как имеется 60 случаев *begin+infinitive*. В книге J. Braine "Room at the Top" на 235 страницах текста имеется 32 словосочетания *begin+infinitive* и ни одного *begin+gerund*. В книге Iris Murdoch "An Unofficial Rose" (288 стр.) — 98 случаев упот-

¹ Б. М. Лейкина. Указанная статья, стр. 30; Л. С. Бархударов. Указанное сочинение, стр. 237.

ребления *begin+infinitive* и 3 *begin+gerund*. В книге G. Greene "A Burn-out Case" (208 стр.) — 47 словосочетаний *begin+infinitive* и 2 — *begin+gerund* и т. д. Мы не проводили анализа частотности употребления словосочетаний глагола *begin* с инфинитивом и герундием в историческом плане и поэтому не можем делать окончательных выводов. Но сравнивая результаты, приведенные в диссертации Г. Д. Томахина¹, который в основном проводил исследование на материале литературы 19-го, первой половины 20-го века (Dickens, Wilde, London, T. Hardy, Galsworthy, Jerome K. Jerome и т. д.) и который дает соотношение частотности употребления герундия и инфинитива 1 : 2, 1 : 3, видимо, можно отметить тенденцию к более широкому употреблению инфинитива в данном типе словосочетаний.

Для обозначения начала действия могут употребляться также глаголы *to start*, *to commence*. Однако последний глагол в современной литературе почти не употребляется. Что касается глагола *to start*, то он по материалам нашего исследования чаще употребляется с инфинитивом, чем с герундием (по частотности соотношение будет 3 : 1). Эти результаты не совпадают с данными, приведенными в статье Б. М. Лейкиной и диссертации Г. Д. Томахина, которые отмечают, что в сочетании с глаголом *start* герундий является преувалирующей формой.

Употребление инфинитива и герундия с глаголом *to stop* подробно описано во всех грамматиках и зависит от значения этого глагола и функции неличной формы:

He stopped to smoke — он остановился покурить

He stopped smoking — он перестал курить

После глагола *to finish* употребляется только герундий, и поэтому он не представляет интереса для нашей статьи. Глагол *to cease*, наоборот, употребляется только в сочетании с инфинитивом.

Глагол *to continue*, как правило, сочетается с инфинитивом, изредка с герундием.

Видимо, если мы не можем на данном этапе сделать окончательных теоретических выводов, то практические выводы мы сделать можем. Какой конструкции нам учить школьника и студента и вообще изучающего язык?

В англо-русском словаре Мюллера 1960 года издания на стр. 55 мы находим словосочетание глагола *begin+герундий* стоящим на первом месте. В грамматике английского языка В. А. Каушанская и др. авторы² пишут, что с рядом глаго-

¹ Г. Д. Томахин. Указанная диссертация, стр. 199.

² В. А. Каушанская и др. Грамматика английского языка. М., 1959, стр. 178.

лов употребляется как герундий, так и инфинитив. Среди этих глаголов даются и глаголы to begin, to start, to continue, to cease. То же самое мы находим в учебнике английского языка для I курса педагогических институтов¹ или в грамматике английского языка для средней школы². Такие же сочетания дают и некоторые английские учебники³.

Правильно ли решать вопрос употребления рассматриваемых словосочетаний без учета их удельного веса в языке? Нам представляется, — неправильно. Поскольку обучение языку принимает все больше и больше практическую направленность, мы не можем при обучении языку исходить из потенциальных возможностей словосочетаний, а должны исходить из реальной языковой действительности. И если герундий на данном этапе развития языка редко употребляется в сочетании с глаголом to begin, to continue, to cease, то не следует обучать студента практическому владению этой грамматической структурой и неправомерно ставить знак равенства в употреблении герундиальной и инфинитивной конструкции. Нужно учить студента употреблять инфинитивную конструкцию. Если герундий полностью вытеснил инфинитив в словосочетании с глаголом finish, то почему не может произойти обратного процесса с глаголом to cease, to begin, to continue, т. е. инфинитив вытеснит герундий из данного словосочетания?

Пока мы не можем найти никаких ни грамматических, ни семантических факторов, которые мешали бы герундию употребляться в данном типе словосочетаний с большей частотностью.

В заключение мы еще раз хотим сказать, что наше исследование словосочетаний инфинитива и герундия с глаголами, выражающими начало, продолжение и конец действия, показывает, что установить какую-либо семантическую или грамматическую разницу в употреблении данного типа словосочетаний не представляется возможным. Однако исследование показывает, что инфинитивные словосочетания являются типичными и по частоте употребления во много раз превосходят герундиальные словосочетания.

¹ Учебник английского языка под ред. проф. И. Р. Гальперина. М., 1963, стр. 490.

² Э. П. Шубин, В. В. Стытель. English Grammar for Secondary School. М., 1965, р. 182, «Следующие глаголы могут принимать в качестве дополнения как герундий, так и инфинитив: to begin, to continue, to start и др.».

³ A. J. Thomson and A. V. Martinet. A Practical English Grammar for Foreign Students. London, Oxford University Press, 1960, p. 192.

“Either gerund or infinitive can be used after the following verbs: regret..., begin, start...” (Т. J. Fitikides. Common Mistakes in English. Longmans, p. 11).

Е. М. Гордон

К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И ЛЕКСИКОЙ

(на материале современного английского языка)

В лингвистической литературе не раз ставился вопрос о взаимосвязи и взаимодействии грамматики и других аспектов языка. Однако исследователи ограничивались в основном установлением связи между фонологией и грамматикой.

Вопрос о соотношении между грамматикой и лексикой также не раз поднимался в лингвистической литературе, но ставился он в основном в плане разграничения между этими двумя уровнями языка. Ученых интересовало в основном, какие явления должны изучаться лексикологией и какие следует отнести к сфере грамматики.

Можно сослаться на Суита, который считал, что грамматика занимается общими фактами, а лексикология специальными фактами. Эту формулировку подверг критике А. И. Смирницкий¹. Проблема разграничения между лексикологией и грамматикой, как известно, привлекла к себе и внимание Есперсена в «Философии грамматики». Можно указать также и на одну из работ, появившихся за последнее время в Англии. Это работа, построенная на структуральных принципах (в том виде, в каком они применяются в Англии): Halliday and MacIntosh. *The Linguistic Science and Language Teaching*. Longmans, 1964, 1965. Интересно, что и этих авторов привлекает к себе не связь между грамматикой и лексикой, а стремление вновь провести между этими уровнями грань.

¹ А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 5—8.

Однако за последние годы у нас наблюдается определенный интерес и к связи между грамматикой и лексикой. Но специальных работ, посвященных детальному анализу этой проблемы, пока еще не было опубликовано; языковеды ограничиваются отдельными замечаниями, которые иногда мы находим в литературе, а часто слышим лишь в устных докладах и сообщениях.

Например, можно найти указания, что служебные слова образуются из полнозначных слов. Это означает, что единицы одного уровня переходят в другой уровень, начинают служить нуждам этого второго уровня. Этот широко известный факт относится, однако, к плану диахронии и с точки зрения синхронии не интересен.

В синхроническом плане отмечаются такие факты, как омонимия целого ряда слов: один из омонимов выступает в качестве полнозначного слова, другой — как служебное слово. Например, глагол *to have* в *He has a large library* и *He has done it*. (В первом примере это полнозначный глагол, во втором — вспомогательный). В качестве примера приводят также омонимию наречий с предлогами и союзами. Здесь можно ограничиться хотя бы такими примерами, как *We met last year and I have not seen her since* (полнозначное слово) и *I have known him since childhood. I have known him since we were children* (служебные слова).

Наконец, часто указывают, что только лексическое значение слов позволяет понять омонимичные модели. Так, довольно широко известен пример *She made him a good wife* и *She made him a good husband*. Различие между грамматическими моделями становится вполне очевидным, если понимать значение слов. Это же можно подтвердить и при помощи трансформации: второе предложение допускает пассивную конструкцию (*He was made a good husband*), тогда как первое не может быть трансформировано таким образом. Однако в трансформации в данном случае необходимости не возникает, так как понимание грамматической структуры этих предложений не вызывает трудности: этому помогает лексическое значение слов. Другой пример омонимичных моделей: *They offered him a job* и *They thought him a fool*.

Иногда ставится вопрос о лексическом наполнении той или иной модели, но эта формулировка остается пока весьма расплывчатой и нуждается еще в уточнении.

Наиболее интересными представляются, однако, указания о том, что одни грамматические категории следует считать категориями широкого охвата, т. е. такими, которые охватывают большинство лексем, принадлежащих к одному и тому же разряду слов; другие грамматические категории, напро-

тив, базируются лишь на каких-то определенных лексических группах, входящих в тот или иной разряд слов, и являются, следовательно, ограниченными по своему охвату.

Такую постановку вопроса нельзя, однако, считать вполне правильной, она нуждается в уточнении. Так, к категории менее широкого охвата относят падеж, но в действительности лишь родительный или, по терминологии других грамматистов, притяжательный падеж может быть образован от ограниченной семантической группы существительных, обозначающих лицо, время, пространство. (Условно будем называть форму, образованную путем прибавления 's — girl's, boy's — падежной формой, не вдаваясь сейчас в иную трактовку этого вопроса). Категория же падежа в целом, слагающаяся из противопоставленных друг другу форм родительного и общего падежей, нисколько не уже, чем, например, категория лица в глаголе. Как известно, несмотря на слабую выраженность этой категории в английском языке, формы лица присущи всем глаголам за исключением недостаточных (can, may, must и некоторых других).

Точно так же формы страдательного залога могут быть образованы лишь от переходных глаголов (в широком смысле слова, т. е. требующих как беспредложного, так и предложного дополнения; иногда их предпочитают называть в английских грамматиках объектными глаголами). Однако категория залога в целом ведь слагается из противопоставления активных и пассивных форм. (Следует, однако, сделать оговорку, что в отношении залога существует почему-то мнение, что она присуща лишь тем глаголам, которые могут употребляться в страдательном залоге. Если подходить к залогу с этой точки зрения, то эту категорию, конечно, следовало бы признать ограниченной. Но в таком случае нужно было бы пересмотреть наше отношение и к другим категориям, например, числа или того же падежа).

Таким образом, представляется более правильным говорить о категориальных формах (пользуясь терминологией А. И. Смирницкого¹), более широкого и менее широкого лексического охвата.

Интересно также отметить, что широта той или иной категориальной формы может быть обусловлена различными факторами. Этот вопрос еще вообще не был исследован.

В одном случае это может быть лексическая семантика слова. Так, родительный падеж, как уже говорилось, образуется в основном от определенных семантических групп существительных.

¹ А. И. Смирницкий. Указанное сочинение, стр. 8.

В другом случае та или иная категориальная форма базируется на лексико-грамматических признаках какой-либо группы слов. К таким признакам можно, например, отнести переходность или непереходность глаголов: страдательный залог образуется только от переходных глаголов.

Иной фактор мы находили, когда говорили о категориальной форме 3-го лица: в силу исторических условий она не находит выражения в ограниченной группе глаголов, которая представляет собой, благодаря целому ряду признаков, исключительное явление в современном английском языке. (Это так называемые недостаточные глаголы).

Наконец, немаловажная роль в вопросе о лексической ограниченности категориальных форм приходится на долю узуса, т. е. установившейся в языке традиции: категориальная форма, охватывающая какую-либо группу или группы слов, в силу укоренившейся в языке традиции, не распространяется на отдельные лексемы, принадлежащие к этой группе слов. Так, страдательный залог не образуется от глаголов *to resemble*, *to become*, *to suit*, *to last* (*the money will last me a month*), *to possess*, несмотря на то, что они являются переходными глаголами.

Иногда, напротив, какая-либо категориальная форма закрепляется в основном за несколькими отдельными лексемами. Так обстоит дело с предложным пассивом: *I have been a good deal talked about* (Maugham). *Another week of this and he and he would be more laughed at than any other boy in the school* (Walpole). Теоретически говоря, его можно образовать от любого глагола, который употребляется с предложным дополнением (кроме *I explained it to her* и т. п.). Например, *I will not be proposed to in a motor coat* (Maugham). *He was fagged for by several of the new boys* (Walpole). Однако примеры такого рода являются единичными. Фактически употребление предложного пассива закрепилось в языке за небольшой группой глаголов, при этом различных по семантике. Наиболее часто встречаются *to speak about*, *to*; *to talk about*; *to look at* (а иногда и с другими предлогами: *into*, *for*, *after*, *upon*); *to laugh at*; *to rely on*; *to dispose of*; *to send for*. Это отмечается в целом ряде грамматик.

Некоторые грамматисты указывают на возможность образования предложного пассива в тех случаях, когда предложное сочетание выполняет в активе роль обстоятельства места. Однако в этом случае пассив фактически закрепился за одним глаголом: *The bed had not been slept in* (Cronin). Другие глаголы, если и употребляются в подобной конструкции, то в виде исключения.

Иногда за определенной лексемой закрепляется лишь одна словоформа. Так, глаголам *to want*, *to wish* вообще не свойственны длительные формы, но тем не менее они свободно употребляются в одной из них — *Present Perfect Continuous* (иногда и в *Past Perfect Continuous*). “Hello”, she said. “I’m glad you’re having lunch here. I’ve **been wanting** to talk to you” (Hemingway).

Таковы некоторые уточнения, которые необходимо внести в вопрос о широте лексического охвата различных грамматических явлений. Нужно полагать, что детальное исследование этих языковых фактов может оказаться интересным и полезным не только в теоретическом, но и в практическом отношении.

* *

*

Отмеченные выше явления затрагивают, можно было бы сказать, лишь поверхностные слои лексики и грамматики. Фактически связь между этими двумя уровнями языка может осуществляться и по другим каналам. Можно с уверенностью сказать, что существуют еще нити, не столь очевидные с первого взгляда, уходящие вглубь словарного состава языка и грамматики, тесно переплетающиеся и связывающие эти два уровня.

Рассмотрим один из таких каналов, осуществляющих связь между грамматикой и лексикой. Для анализа интересно будет использовать категорию наклонения, которую все исследователи согласятся признать чисто грамматической — можно было бы сказать «сугубо» грамматической — категорией.

Вопрос о количестве наклонений в английском языке и о терминологии чрезвычайно запутан из-за многообразия форм, существующих в настоящее время и объясняющихся, как известно, рядом исторических условий. Не вникая в спорные вопросы, можно с уверенностью сказать, что все грамматисты признают существование в английском языке изъявительного наклонения и форм выражения нереальности¹, которые называют в некоторых работах косвенными наклонениями². Классификация именно этих форм и вызывает трудности. Так как нас будет интересовать лишь фактическое употребление той или иной формы, то мы будем просто называть ее (например, *knew*, *had known*, *should + инфинитив*), не прибегая ни к каким терминам.

Любая грамматика английского языка, останавливаясь на изъявительном наклонении, описывает лишь его значение

^{1,2} Этими двумя терминами мы и будем пользоваться в дальнейшем.

и ничего не говорит о конструкциях (моделях предложений), в которых оно употребляется. Напротив, переходя к формам выражения нереальности, все грамматики, после той или иной классификации этих форм¹, подробно описывают, в каких типах придаточных предложений они употребляются, а также говорят об употреблении этих форм и в простых предложениях. Но так как изъявительное наклонение в основном употребляется в тех же типах предложений, то невольно возникает вопрос, почему такое детальное описание необходимо лишь в отношении косвенных наклонений. Граматики, опираясь на прочно установившуюся традицию, обходят этот вопрос молчанием, принимая такое описание материала как должное.

Лишь Есперсен в своей теоретической работе «Философия грамматики»² вскользь упоминает, что употребление некоторых форм наклонения находится в зависимости от того или иного типа придаточного предложения; другие формы избираются по смыслу. Автор не приводит примеров, иллюстрирующих эту мысль. Однако это наблюдение оказывается весьма продуктивным и проливает свет на то, что во всех грамматиках делается, так сказать, интуитивно.

Из замечаний Есперсена и материала, который мы находим в грамматиках, сразу же напрашивается вывод, что употребление косвенных наклонений в ряде случаев можно назвать структурно-обусловленным, т. е. связанным с определенными типами придаточных предложений.

Ограничимся анализом наиболее распространенных в языке случаев.

Так, обязательное употребление тех или иных определенных форм нереальности можно найти в придаточных предложениях подлежащих и дополнительных. Однако было бы неверно утверждать, что в этих типах предложений обязательно употребление только косвенных наклонений.

Напротив, можно с уверенностью сказать, что в придаточных дополнительных предложениях нормой является употребление изъявительного наклонения. Так, придаточные предложения в основном следуют за глаголами, обозначающими речевую деятельность, мыслительные процессы, восприятия. Во всех этих случаях употребляется, как правило, изъявительное наклонение. (Примеры представляются здесь излишними).

¹ Как известно, эти классификации настолько отличаются друг от друга, что изучающие английский язык по одной грамматике не могут понять, о чем идет речь в другой грамматике.

² Есперсен. Указанное сочинение, глава XXIII, Лондон, 1925.

Формы косвенных наклонений мы находим лишь после сказуемого в главном предложении, ограниченного определенной лексической семантикой. При этом в зависимости от лексического характера сказуемого употребляется какая-то определенная, точно зафиксированная форма косвенного наклонения; выбор здесь не свободен, а установлен определенной закономерностью.

Так, после сказуемого, обозначающего предложение, приказ, решимость совершить действие (to suggest, to propose, to insist, to urge, to demand, to order, to request, to be anxious, to be determined и некоторых других), мы находим **should** для всех лиц + инфинитив¹ (в основном по британской норме) и чистую основу глагола для всех лиц — **go, be** (в основном по американской норме).

It was getting dark and I **suggested** that we **should go** down (Christie).

Ivory **insisted** that he **be** present, in the most genuine and friendly fashion imaginable (Cronin).

Однако после **to wish** и **would rather** в главном предложении в дополнительном придаточном мы находим другие формы выражения нереальности: форма Past Indefinite (или ее омоним, согласно некоторым классификациям), Past Perfect (или ее омоним) или **were** для всех лиц.

I **wish** I **knew** how to describe the strong impression she gave me (Maugham).

Hell, sometimes I **wish** I **were** ten years older... (Wilson).

I only **wish** the chance **had come** my way (Cronin).

I **would much rather** you **did** it (Cronin).

После глаголов **to ask, to question** и выражений сомнения мы находим **were** для всех лиц в дополнительном предложении. Эти придаточные предложения вводятся союзами **if, whether**. Следует оговорить тот факт, что эта форма не является нормой — обычно употребляется изъявительное наклонение, — она встречается лишь в книжном языке.

Now he **began to question** if there **were** not some truth in what Denny said (Cronin).

Быть может наиболее трудным в придаточных дополнительных предложениях является объяснение употребления форм после выражений, обозначающих удивление, сожаление, реже удовольствие или неудовольствие, в главном предложении. В этом случае мы находим изъявительное накло-

¹ Эта форма обозначает здесь предполагаемое, желаемое действие, которое может произойти в будущем. Поэтому перфектный инфинитив здесь не употребляется.

нение или **should** для всех лиц + инфинитив (простой или перфектный).

I am sorry I disturbed you (Christie).

He **was surprised** that she **had concealed** it from him for so many years (Walpole).

She **was surprised** that he **should have** such good features when you took them one by one and yet be so far from handsome (Maugham).

I am sorry that you **should have had** a row with Kate about it (Maugham).

Употребление изъявительного наклонения не нуждается в пояснении. Что же касается **should** + инфинитив, то его необходимо сопоставить с **should** в примерах первого типа (после сказуемого, обозначающего предложение, приказ, решимость).

Should + инфинитив в этих двух случаях приходится рассматривать как омонимы. Прежде всего они четко отличаются друг от друга по значению: в первом случае **should** + инфинитив служит для обозначения проблематичных действий, т. е. действий, в осуществлении которых мы сомневаемся, действий лишь предполагаемых, желаемых и всегда относящихся к будущему. Во втором случае речь идет о реальных фактах, и функция **should** сводится здесь к тому, чтобы придать высказыванию эмоциональную окраску, сделать его более выразительным. Поэтому в некоторых грамматиках для подобного употребления **should** принят термин «эмоциональное **should**».

Если учесть значение этих двух омонимов, то становится ясно, почему первое **should** употребляется параллельно с другой формой выражения нереальности (основой глагола для всех лиц), а эмоциональное **should** — наряду с изъявительным наклонением.

По этой же причине эмоциональное **should** (см. пример выше) может уподобляться с перфектным инфинитивом: реальный факт, который это сочетание обозначает, может предшествовать действию главного предложения.

Напомним, что разграничению этих двух омонимов прежде всего способствует тот факт, что их употребление зависит от лексического значения сказуемого главного предложения.

Из произведенного выше небольшого анализа со всей очевидностью напрашивается вывод, что употребление форм косвенных наклонений не только структурно обусловлено, но в такой же мере обусловлено и лексически, т. е. зависит от лексического значения сказуемого в главном предложении.

Подобное же употребление наклонений, зависящее от лексического характера сказуемого в главном предложении, можно проиллюстрировать и на примере придаточных предложений подлежащих после предваряющего *it*¹.

В большинстве случаев в придаточном предложении употребляется изъявительное наклонение или эмоциональное *should* + инфинитив (простой или перфектный). Сказуемое главного предложения в таких примерах обозначает оценку действия придаточного предложения или эмоции, которые это действие вызывает. (Так, в главном предложении мы находим *it is wonderful, remarkable, curious, strange, natural, it struck, infuriated, startled him* и мн. др.).

Oh! Dor! Isn't it lovely you've come? (Cusack).

It seemed terrible that such things should happen to a family like theirs (Maugham).

It is inconceivable that Mrs. Crosbie should have written such a letter (Maugham).

Если, однако, сказуемое главного предложения обозначает необходимость, желаемость осуществления действия, а также предложение, просьбу, решение, то в подлежащем предложении употребляется *should* для всех лиц + инфинитив² (в основном по британской норме) или основа глагола (по американской норме). Мы находим в главном предложении: *it is necessary, important, desirable, essential, advisable; it is suggested, recommended, settled* и др.

It is so important that they should know the right thing from the beginning (Mansfield).

It is necessary that they be careful in the lab... (Wilson).

Наконец, после выражения *it is time* в главном предложении в придаточном употребляется форма Past Indefinite (или ее омоним, по мнению некоторых авторов) или *were* для всех лиц.

I said: "It's time we ordered dinner" (Green).

It's high time you were in bed, too, my child (Borden).

Итак, можно сделать вывод, что в ряде придаточных предложений (после сказуемого определенной семантики в главном предложении) обязательно требуется употребление той или иной формы наклонения. Употребление наклонений мы вправе назвать здесь структурно обусловленным и лексически обусловленным.

Но теперь возникает вопрос, как трактовать те случаи, где форма наклонения выбирается по смыслу. Собственно в

¹ Анализ этого типа предложений вызывает среди грамматистов разногласия, но в данном случае это не имеет значения, и мы условно будем называть эти придаточные предложения подлежащими.

² Но не перфектный инфинитив. Объяснение см. выше.

этом случае речь идет лишь о формах изъявительного наклонения и формах выражения нереальности **should** для 1-го лица и **would** для других лиц + инфинитив, простой или перфектный¹. Эти два ряда форм, противопоставленных друг другу по значению, могут употребляться как в независимых предложениях, так и во многих типах придаточных предложений.

Формы индикатива представляют действие глагола-сказуемого как реальный факт (примеры здесь излишни); **should/would** + инфинитив служат для обозначения действия, осуществление которого пока не представляется реальным в силу того, что оно зависит от какого-то подразумеваемого условия, также еще не выполненного.

Приведем в качестве примера разговор между двумя братьями из романа Ч. Сноу "The New Men".

"As a matter of fact, are you intending to marry her?" I asked.

"It is not completely out of the question", Martin said.

"I must say", I broke out, that I think it **would be**² very unwise. She'd be a load on you".

"Why do you think that, particularly?"

"Do you think she'd be much good as a professional man's wife?"

"I can see that she **would have** her disadvantages", he said reasonably.

"You need someone who'll let you work in peace and for that you **couldn't find** anyone worse".

"I think I **could get** my way there", he said.

"No, you **couldn't**. Not if you care for her at all, which I presume you do, otherwise you **wouldn't be contemplating** this piece of suicide".

"Yes, I do care for her", he said.

"Then imagine what it **would be** like... You'd find her boring in time. In ten years you'd be sick and tired of her. She'd be driving you off your head".

Для обозначения действия, которое не осуществилось в прошлом, употребляется перфектный инфинитив.

Twenty years ago I **would have strongly disapproved** of you (Priestly).

¹ Так как от **can** и **may** нельзя образовать эти формы, то они противопоставляются в плане нереальности формам **could**, **might**. Следует отметить, что **would** часто употребляется и для 1-го лица.

² Подразумеваемое условие, пока еще не осуществленное, не являющееся реальным фактом, будет в этом случае и ниже: «если бы ты на ней женился».

And yet Butler was the last man with whom you **would have associated** romance (M a u g h a m).

В приведенных примерах выбор формы should/would+инфинитив действительно свободен, диктуется только смыслом. Тем не менее мы не можем признать употребление изъявительного наклонения и этих форм в целом абсолютно независимым: их употребление можно считать свободным за вычетом тех моделей, где мы находим обязательное, структурно и лексически обусловленное употребление форм наклонения. Так, в описанных выше в качестве примера дополнительных и подлежащих предложениях после сказуемого определенного лексического характера мы не можем употребить ни одной из этих двух форм. Поэтому, как это ни парадоксально, употребление наклонений в английском языке в целом приходится считать и структурно и лексически (именно это нас и интересует в данном случае) обусловленным.

Небольшой анализ языкового материала дает нам основание наметить новый канал, соединяющий лексику и грамматику. Связь между ними может осуществляться благодаря лексической обусловленности некоторых грамматических категорий: употребление некоторых категориальных форм является зависимым, диктуется лексическим характером того члена предложения, которому подчинено слово, употребляющееся в этой форме. Но это означает, что и другие категориальные формы, из которых данная категория слагается, не могут рассматриваться как полностью свободные в своем употреблении. Нужно полагать, что подобную связь между лексикой и грамматикой можно найти и в других грамматических категориях.

Систематическое исследование связей между лексикой и грамматикой, возможно, позволит обнаружить и другие каналы, по которым эти связи осуществляются. Детальный анализ грамматических категорий и категориальных форм, из которых они слагаются, покажет, насколько глубоко заходит взаимопроникновение лексики и грамматики, и даст ответ на вопросы, в каких случаях и в какой мере возможно полное абстрагирование грамматических категорий от лексики.

И. С. Ивянская

К ВОПРОСУ О РАСЩЕПЛЕНИИ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из способов увеличения словарного запаса языка является расщепление слова в результате его исторического развития, т. е. такие случаи, когда вместо одного слова, существовавшего прежде, появляются два или больше разных слова. Так, среднеанглийское слово *maister* **хозяин** дало два разных слова в современном английском языке *master* **хозяин** и *mister* **мистер**, т. е. слова *master* — *mister* являются этимологически тождественными словами, восходя к одному и тому же слову *maister*. Такие слова А. В. Кунин в статье «Этимологические дублеты в английском языке»¹ называет «англо-английскими дублетами» в отличие от прочих этимологических дублетов, заимствованных из других языков, например, латинно-французских дублетов *hospital* **больница** — *hotel* **гостиница**.

Расщепление слов встречается не только в английском языке.

В русском: *красна* **красивая** — *красный*, *красная*, *красное*.

В немецком: *der See, des Sees, die Seen* **озеро** — *die See, der See, die Seen* **море**; *das Band, Bänder* **тесьма** — *das Band, Bande* **узы**².

Во французском: *loyal* **лояльный** — *legal* **законный**.

¹ «Иностранные языки в школе», 1937, № 2.

² В английском языке имеются случаи, однотипные *Band, Bänder* — *Band, Bande*, т. е. отличающиеся способом образования словоформ множ. числа (*brother, brothers* **брат** — *brother, brethren* **собрат**), но тип *der See, Sees* — *die See, See* невозможен, т. к. существительные не имеют грамматической категории рода и почти не изменяются по падежам.

Несмотря на важность проблемы расщепления слов, иллюстрирующей одну из линий развития словарного состава английского языка, этот вопрос недостаточно изучен, т. к. диссертация Е. Ф. Дмитриевой «Этимологические дублиеты latino-французского происхождения в современном английском языке» (М., 1954) и статья А. В. Кунина посвящены этимологическим дублетам, заимствованным из других языков как разные слова, а не образовавшимся в результате расщепления в самом английском языке. А. В. Кунин приводит лишь несколько примеров англо-английских дублетов¹.

В этимологическом словаре Скита² дается список почти 1400 случаев этимологических дублетов разного происхождения (из них 200 англо-английских). Но в нем не только нет попытки классифицировать их, но и данным его нельзя верить безоговорочно. Кроме того он, не приводя многих случаев расщепления слов в английском языке, например, brother, -s **брат** — brother, brethren **собрат**, включает в список много случаев, которые вряд ли можно признать расщеплением слова, например, gaol и jail, различающиеся только написанием при одинаковых произношении [dʒeɪl] и значении **тюрьма**, нельзя считать разными словами.

Следует отметить, что расщепление слов в английском языке всегда сопровождается расхождением слов семантически (иначе они не были бы разными словами), но не обязательно фонетически, т. е. слова могут быть омонимами¹. Расщепление может сопровождаться и грамматическим расхождением слов, т. е. разошедшиеся слова получают разные парадигмы.

Цель данной статьи — рассмотреть проблему расщепления слов в английском языке и дать классификацию типов расщепления.

Наиболее часто встречаются случаи расщепления слов в результате расхождения лексико-семантических вариантов.

Часто объем значений слова увеличивался, и его лексико-семантические варианты могли разойтись в значении настоль-

¹ Отдельные случаи расщепления слов в английском языке рассматриваются в книгах Stern "Meaning and Change of Meaning" (p. 228, and others), Greenough Kittredge "Words and their Ways in English Speech" (ch. 24).

² Skeat. An Etymological Dictionary.

³ О необязательности фонетического различия говорят: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема тождества слова). Труды института языкознания. Том, 4, 1954; Э. А. Зусмановская. Этимологические дублиеты в системе новонемецкого языка. Дисс. Л., 1948 и Е. Ф. Дмитриева.

ко, что становились разными словами. При расхождении таких вариантов звуковая оболочка могла остаться одинаковой для обоих слов, являющихся поэтсму омонимами: board **до-ска** — board **стол** — board **министерство**. Этот тип очень широко распространен в английском языке, но во многих случаях трудно сказать, произошло ли расщепление, или это варианты одного и того же слова.

Часто расхождение лексико-семантических вариантов сопровождается фонетическими или орфографическими различиями, и поэтому трудно сказать, в результате расхождения каких вариантов расщепилось слово. Так д.-а.¹ *æfen* имело семантические варианты **вечер**, **канун**, а в ср.-а. и фонетические *evep*, *eve*, сов.-а. *even* **вечер** и *eve* **канун** (см. ниже). Так как до расщепления слова имелись и семантические и фонетические варианты, трудно решить, расхождение каких именно вариантов явилось основной причиной расщепления слова. Во многих случаях даже неясно, появились ли раньше семантические варианты (как в случае с *æfen*) или фонетические (как в ср.-а. *alagme*, *alagot* **тревога**, давшем в сов.-а. *alagip* **тревога** — *alagut* **будильник**). Обычно это и не имеет значения, т. к. фонетические и семантические варианты в течение какого-то времени сосуществовали в рамках одного слова, а затем постепенно семантические варианты закреплялись за определенными фонетическими вариантами (ср.-а. *eve*, *even* **канун**, **вечер**). Поэтому все случаи, когда за фонетическими вариантами закрепились разные семантические варианты, независимо от того, какие варианты появились раньше, можно условно считать расхождением фонетических вариантов, тем более, что семантическое различие является необходимым условием и при всех остальных типах расщепления слов.

Появление фонетических вариантов вызывалось разными причинами.

Иногда изменения звуковой оболочки происходили не во всех случаях употребления слова, образуя таким образом фонетические варианты. Так, конечное *p* редуцировалось в ср.-а. перед согласными, но оставалось, если следующее слово начиналось с гласного. Д.-а. *æfen* дало в ср.-а. фонетические варианты *eve*, *even*, превратившиеся в н.-а. в отдельные слова,

¹ В статье приняты сокращения: д.-а. древнеанглийский, ср.-а. — среднеанглийский, н.-а. — новоанглийский, сов.-а. — современный английский язык.

т. к. за ними закрепились разные значения: *eve канун* — *evening вечер*¹. То же самое в *maid горничная* — *maiden дева* и др.

Редукция звуков в безударных слогах происходила и в начале, и середине слова, но т. к. иногда сохранялись и нередуцированные формы, то образовывались фонетические варианты слова, которые могли затем превратиться в разные слова: *estate поместье* — *state государство*, *fantasy фантазия* — *faucy причуда* и многие другие.

Иногда один гласный давал разные звуки: д.-а. *a°* превратилось в ср.-а. *a* или *o* (*band тесьма* — *bond обязательство*). При изменении произношения гласного мог сохраниться фонетический вариант слова с прежним произношением (ср. а. *persone лицо*, *священник* дало *paeson священник*, т. к. *er* перешло в *ag*, но сохранилась и старая форма, давшая *person лицо*). Появление фонетических вариантов иногда было связано с чередованием долгих и кратких гласных (*rike пик* — *pick кирка*), а и е (*temper регулировать* — *tamper вмешиваться*).

Появление вариантов могло вызываться и изменением согласных: *g* мог переходить в *l* (*frounce завивать* — *frounce отделять оборками*), *p* в *m* в результате ассимиляции (*hamper корзина для документов* — *hamper корзина с крышкой*), *t* между двумя гласными в XVI в. в *g* (*pocttage хлебка* — *porridge каша*), часто *t* или *d* появлялись в начале или конце слова (*visor забрало* — *visard маска*, *asphodel асфодель* — *daffodil нарцисс*). Появление вариантов могло вызываться оглушением согласных (*gaze разрушать* — *gase соскребать*), метатезой, широко распространенной в английском языке (*gird окружать* — *gride скрести*).

Иногда наличие фонетических вариантов объясняется тем, что изменение звуков происходило не во всех диалектах языка, а эти диалектные варианты могли попасть в литературный язык и превратиться в разные слова. Так е южных диалектов часто соответствует *i* в северных (*clench рай*, а остальные *shade тень*. Гласный *a* южных диалектов *сжимать* — *clinch прибивать*). Ряд диалектов дал *shed* соответствует *o* в шотландском (*strap ремень* — *strop строп*). Д.-а. *a* соответствует в южных диалектах сов.-а. [ou], а в северных [ei] (д.-а. *gad дорога* дало *goad дорога* — *geid рейд*).

Иногда варианты имелись в языке, из которого слово было заимствовано. Попав в английский в виде вариантов,

¹ Значение *вечер* закрепилось за фонетическим вариантом *evening* не случайно, а, по-видимому, под влиянием слова *evening вечер*, в котором *n* не редуцировалось, т. к. не было конечным.

оно могло в нем расщепиться. Так, ср.-а. *catel* заимствовано из северофранцузского диалекта, а *chatel* из центрального с одинаковым значением **собственность**, т. е. как варианты. В н.-а. они превратились в разные слова: *cattle* **скот** — *chatel* **пожитки**.

Появление фонетических вариантов и расщепление слова могло происходить под влиянием других слов. Ср.-а. *mode* **мода**, **наклонение** под влиянием *mood* **настроение** дало сов.-а. *mode* **мода** — *mood* **грам. наклонение**.

Вызывать расщепление могли и определенные типы слов, например, наречия, оканчивающиеся на -s. Д.-а. *besidan* (наречие, предлог) дало ср.-а. варианты *besiden*, *besides* (под влиянием наречий), сов.-а. *beside* **около** и *besides* **кроме**. После -s могло появляться *i*¹: д.-а. *op-zean* **прогив**, **снова** дало сов.-а. *again* **снова** — *against* **против**.

Иногда появление вариантов объясняется влиянием слов иностранного языка, тем более, что в XIV в. ученые «исправляли» написание многих слов, заимствованных из французского по латинским прототипам: *advise* **совет** вместо ср.-а. *avys*. Влияние других языков могло приводить к расщеплению слова: латинское слово *titulus* повлияло на ср.-а. *titel*², образовав фонетический вариант с кратким гласным, а затем и два разных слова *title* [taitl] **титул** — *tittle* **безделица**.

Появление фонетических вариантов может быть вызвано выполнением словом различных функций в предложении, т. к. при этом слово может стоять под ударением, или быть безударным, или может иметь разные оттенки значений. Поэтому в ряде случаев получились разные слова: под ударением обычно самостоятельные, а в безударном положении — служебные. Д.-а. *to* (наречие, предлог) дало в ударном положении сов.-а. *too* [tu:] (наречие) **также**, а в безударном положении (т. к. гласный стал кратким) *to* [tu] (предлог) **к, на**. Так же образовались пары слов *off* **прочь** — *of* /əv/ (предлог); *also* **также** — *as* **как**; *one* **один** — *an* (артикль); *then* **тогда** — *than* **чем**; *master* **хозяин** — *mister* **мистер** и др.

Довольно часто встречается расхождение орфографических вариантов. Их появление может вызываться разными причинами, например, влиянием других слов, диалек-

¹ Под влиянием слов, оканчивающихся на -st, которых очень много во всех частях речи (*cast, past, most*); -t вообще очень часто появлялось на конце слова (см. стр. 117).

² *Titel* попало в ср.-а. не непосредственно из латыни, а из французского языка, как и *avys*. В нем был долгий гласный *i*, т. к. стоял в открытом слоге, а в латинском слове *titulus* *i* был кратким.

тов или языков., Так, ср.-а. *enditen* **сочинять**, **обвиняи** расщепилось на два слова: *indite* **сочинять** и *indict* (*in'dait*) **обвинять**. Появление -с- в *indict* объясняется «исправлением» в XIV в., (см. стр. 118) под влиянием латинского глагола *indictare* **обвинять**¹.

Иногда новый орфографический вариант появлялся как фонетическое написание слова: у слова *draught* (*dra:ft*) **черчение** в соответствии с его произношением появился орфографический вариант *draft* [*dra:ft*], превратившийся затем в самостоятельное слово **набросок**. То же произошло со словами *puisne* [*prju:ni*] **младший** (по положению) — *pinu* **маленький** и т. п.

Большое количество расхождений орфографических вариантов характерно для английского языка, т. к. в нем один и тот же звук может передаваться разными буквами и сочетаниями букв: *load* **груз** — *lode* **залежь**, *queue* **очередь** — *sue* **кий**, *ton* **тонна** — *tun* **бочка** и т. д.

Часто происходит и расхождение грамматических вариантов².

В сов.-а. имеется больше 30 пар глаголов, образованных расхождением грамматических вариантов, один со стандартной парадигмой, другой с нестандартной: *will*, (*he*) *wills*, *willed*, *willing* **завещать** — *will*, (*he*) *will*, *would* (вспом. глагол); *work*, -*ed* **работать** — *work*, *wrought* **обрабатывать**.

Расхождение грамматических вариантов встречается и у существительных. В д.-а., имея категорию рода, существительные могли иметь варианты, отличающиеся принадлежностью к разным родам: *cot* (муж. род), *cote* (жен. род) **загон**, давшие сов.-а. *cot* **загон**, *хижина* — *cote* **загон**, **овчарня**.

Чаще расщепление существительных происходило в результате расхождения грамматических вариантов, различающихся способом образования числовых форм: *brother*, -*s* **брат** — *brother*, *brethren* **собрат**; *foot*, -*s* **осадок** — *foot*, *feet* **фут** — *foot* (мн. ч.) **пехота**; *people*, -*s* **народ** — *people* (мн. ч.) **люди** и т. п. (всего около 25 случаев).

Имеется много пар заимствованных существительных, у которых одно слово сохранило способ образования числовых форм, присущий языку, из которого они заимствованы, а второе получает во мн. числе английский суффикс -*s*: *camera*, *camerae* [*ri:*] **анат. камера** — *camera*, -*s* **фотоаппа-**

¹ Латынь повлияла на семантический вариант *обвинять* из-за тождества значений.

² Грамматические варианты — это варианты слова, которые по-разному образуют свои грамматические формы, например, *learned* — *learnt*.

рат, прибавившее -s к словоформе ед. числа, в результате чего -а перестал вычленяться как словоизменятельный суффикс: и **podus, podi затруднение** — **pode, -s узел**, прибавившее -s к основе слова без словоизменятельного суффикса -us.

Расщепление слов в английском языке может быть вызвано не только расхождением вариантов слова в одном или разных диалектах, но и расхождением грамматических форм слова. В д.-а. было больше морфологических форм, чем в сов.-а. В ходе развития языка связи между формами могли разорваться, и они могли стать разными словами, относящимися иногда даже к разным частям речи. Вместо обособившихся словоформ обычно (но не всегда) образовывались новые соответственные словоформы.

Очень часто происходило расхождение числовых форм существительного, т. к. категория числа может иметь не только грамматическое значение, но и быть связанной с лексически различными значениями. Наличие или отсутствие категории числа зависит обычно от лексического значения слова. Если неисчисляемое существительное стоит во мн. числе, то форма мн. числа связывается с некоторым иным лексическим значением: **большой объем (water — waters)**, **разные сорта (fruit — fruits)**. Неудивительно поэтому, что словоформы мн. числа могли приобрести значение, отличающееся лексически от значения словоформ ед. числа и превратиться в отдельное слово, а вместо нее от словоформы ед. числа могла образоваться новая словоформа мн. числа. Так, д.-а. **clād, clādas ткань, платье** дало два слова в сов.-а. **cloth /klɒʃ/, cloths ткань** и **clothes /klaʊðz/ (мн. ч.) одежда**, развившееся из обособившейся словоформы мн. числа. Так же образовались пары слов: **comune, -s коммуна** — **commons третье сословие**; **body, bodics тело** — **bodice, -s лиф**; **rook, -s оспина** — **rook оспа**. Происхождение из словоформ мн. числа было забыто почти у всех слов, и в результате опрошения большинство из них употребляется сейчас как словоформа ед. числа, а **bodice** имеет новую словоформу мн. числа **bodices**.

Образование новых слов обособлением словоформ мн. числа широко распространено и в сов.-а.: **look, -s взгляд** — **looks наружность**.

Несколько иначе происходило расхождение слов, подобных **staff, staves палка** и **stave, staves бочарная доска**, т. к. в таких случаях от словоформы мн. числа (**staves**) была образована новая словоформа ед. числа (**stave**).

Легко расходятся и степени сравнения прилагательных, т. к. они могут связываться с различными лексическими значениями, указывая на качество в большей или

меньшей степени. Вместо обособившихся словоформ степеней сравнения могут образовываться новые словоформы. Д.-а. *neah, neara, nuhst* **близкий** дало в сов.-а. три слова 1) из положительной степени *nigh, nigher, nighest* поэт. **близкий**, 2) из сравнительной степени *near* **близкий**, опростившееся и ставшее положительной степенью с новыми словоформами степеней сравнения *nearer, nearest*, 3) из превосходной степени *next* **следующий**. Д.-а. *laet* также дало три слова 1) *late, later, latest* **поздний**, 2) *latter* **последний** (из перечисленных), 3) *last* **последний**. Д.-а. *eald* **старый** дало два слова 1) *old, older, oldest* **старый**, 2) из сравнительной и превосходной степеней с палатальной перегласовкой *elder, eldest* **старший** (в семье), имеющее только две степени сравнения.

Расщепление существительных и местоимений могло происходить в результате расхождения падежных форм.

Существительные расщеплялись в результате ликвидации грамматического различия между некоторыми падежными формами, т. к. иногда словоформы старых падежей сохранялись, превратившись в фонетические варианты, которые затем могли превратиться в разные слова. Так, д.-а. *sceadu* (в косвенных падежах *sceadwe*) **тьнь** дало *shade* **тьнь** и из косвенных падежей *shadow* **тьнь** (от предмета). Так же образовались *mead* поэт. **луг** — *meadow* **лужайка**, *morng* **утро** — *morngow* **завтра**.

Местоимения расщеплялись в результате выделения падежных словоформ в отдельные слова. Такое расщепление произошло у личных местоимений 3-го лица ед. ч. муж. и жен. рода и у вопросительного местоимения *who*. В д.-а. эти местоимения имели несколько падежей: именительный, родительный, дательный (творительный) и винительный. У них не было соответственных притяжательных местоимений, хотя в 1-м и 2-м лицах они имелись. Вместо притяжательных местоимений употреблялись словоформы родительного падежа личных местоимений *his, hire* и вопросительного местоимения *hwæs*, которые в отличие от притяжательных местоимений не согласовывались в роде, числе и падеже с существительным. В сов.-а. *he, she, who* имеют лишь два падежа (именительный и объектный), а из родительного падежа развились притяжательные местоимения. Действительно, в ср.-а. *his, hire* и в н.-а. *whos* являются не падежными словоформами, а притяжательными местоимениями, т. к. они, подобно притяжательным местоимениям 1-го и 2-го лица, согласуются с существительным. В сов.-а. они утратили эту способность, не превратившись снова в падежные словоформы, т. к. была утрачена система склонения у всех притяжательных местоимений, и, кро-

ме того, от *her* была образована абсолютная форма *hers*, аналогично притяжательным местоимениям *your* — *yours*, *their* — *theirs*. Родительный падеж был утрачен в это время и остальными местоимениями. Итак, д.-а. *he*, *heo*, *hwa* дали в сов.-а. *he*, *she*, *who*, а из словоформ родительного падежа — притяжательные местоимения *his*, *her*, *whose*¹.

У местоимения *who* обособилась не только словоформа родительного падежа, но и творительного ср. рода, давшая сов.-а. *why* **почему**.

Встречается и расхождение грамматических форм рода у местоимений: *hwa* (муж. и жен. род) и *hwæt* (ср. род) дали соответственно *who* **кто**, *what* **что**². У числительного также есть случай расхождения словоформ рода: д.-а. *twēzen* (муж. род) **два** и *twa* (жен. род) **две** дали *twain* **два**, **двое**, **пополам** и *two* **два**.

Английские глаголы очень часто расщеплялись в результате выделения в самостоятельное слово причастия I или II. Причастия по своему значению и роли в предложении очень близки прилагательным, поэтому очень часто их словоизменительные суффиксы лексикализуются, и они переходят в прилагательные. От инфинитива вместо выделившихся причастий образуются новые. Д.-а. *streccan*, прич. *streht* **протягивать** дало *stretch*, прич. *stretched* **тянуть** и прилагательное *straight* **прямой**. Обычно обособившиеся прилагательные остаются омонимичными необособившимся словоформам: *amuse* **забавлять**, *amusing* **забавляющий** — *amusing* **забавный**; *beaġ* **рождать**, *born* **рожденный** — *born* **прирожденный**.

Широко распространено в английском языке и обособление герундия и превращение его в существительное: *be*, *being* **быть** — *being* **существо**.

В отдельных случаях обособления причастий и герундия может возникнуть сомнение, достаточно ли они обособились, чтобы считаться отдельными словами, но в большинстве случаев наличие категорий, свойственных прилагательному и существительному, а не причастию и герундию, например, категории степеней сравнения (*more amusing*), числа (*beings*), определенно показывает, что это отдельные слова.

¹ Местоимение ср. рода также образовало в ср.-а. притяжательное местоимение *his* из словоформы родительного падежа, но оно было затем вытеснено новой формой *its*, образованной от словоформы именительного падежа *it* с помощью словоизменительного суффикса родительного падежа *-s*.

² Подобное распределение значений понятно, т. к. и личные местоимения муж. и жен. рода стали соотноситься лишь с одушевленными существительными, а ср. рода — с неодушевленными.

Расщепление глагола могло произойти и в результате выделения в самостоятельное слово словоформы прошедшего времени. Так, из словоформы прошедшего времени *ahthe* д.-а. претерито-презентного глагола *ʒan* образовался дважды претерито-презентный, модальный, недостаточный глагол *sught* **следует**, а старые формы инфинитива и настоящего времени сохранились и дали глагол *owe, owed, owed* **владеть**.

Таким образом, в английском языке можно выделить следующие основные типы расщепления слов.

I. Расхождение лексико-семантических вариантов.

II. Расхождение фонетических вариантов:

1) в одном диалекте, образованных по фонетическим нормам английского языка (редукция звуков в безударных слогах, изменение гласных, согласных и т. д.);

2) в разных диалектах;

3) образованных под влиянием других слов и языков;

4) образованных в результате выполнения словом разных функций в предложении.

III. Расхождение орфографических вариантов (образованных под влиянием других слов, языков, в разных диалектах и т. д.).

IV. Расхождение грамматических вариантов.

V. Расхождение грамматических форм:

1) словоформ ед. и мн. числа существительных;

2) словоформ степеней сравнения прилагательных;

3) падежных словоформ а) существительных вследствие ликвидации грамматического различия между ними, б) местоимений в результате выделения их в отдельное слово;

4) словоформ рода (в результате ликвидации этой категории) у а) местоимений, б) числительного;

5) словоформ глагола в результате выделения в самостоятельное слово а) неличных форм (причастий, герундия), б) словоформы прошедшего времени.

Конечно, эта классификация условна, уже говорилось, что расхождение лексико-семантических и фонетических вариантов часто невозможно различить (см. стр. 116), поэтому к типу расхождения лексико-семантических вариантов относятся лишь слова-омонимы. Условно и отличие расхождения фонетических вариантов от грамматических типа *node -- nodus* (стр. 120) и от расхождения грамматических форм *V 3a, 4b*, т. к. при этих типах расщепления образуются фонетические варианты, которые затем превращаются в разные слова.

Иногда слово расщепляется на несколько слов, используя разные типы расщепления, например, д.-а. *hwa* дало 4 сов.-а.

слова: расхождением словоформ рода who — what (V 4a), падежа whose — why (V 3б) (стр. 122).

Не все эти типы одинаково распространены в английском языке. Очень широко распространены случаи расхождения лексико-семантических вариантов (тип I), обособление словоформ мн. числа существительных (V 1), причастий и герундия (V 5a), но т. к. большинство слов, получившихся в результате расщепления по этим типам, имеют омонимичные словоформы, часто нелегко решить, являются ли разбираемые словоформы отдельными словами, а не вариантами или формами слова.

Широко распространено и расхождение фонетических вариантов в результате сильных изменений звуковой оболочки слов в английском языке.

Довольно большое число расхождений орфографических вариантов (около 20) объясняется тем, что в английском языке один и тот же звук может передаваться разными буквами или сочетаниями букв. Если остальные типы расщепления могут быть и в других языках, то возможность в них этого типа сомнительна. В русском языке трудно найти примеры омофонов, если не считать луг — лук (но и они в косвенных падежах произносятся по-разному и не тождественны этимологически). В немецком и французском языках омофоны встречаются очень редко и, видимо, только в словах не тождественных этимологически (ist — ißt, ou — où, et — est).

Широкое распространение случаев расхождения грамматических форм объясняется несколькими причинами.

1. Расщепление могло быть вызвано тем, что с рядом грамматических категорий, например, категорией числа существительных, степеней сравнения прилагательных, легко связываются разные лексические значения.

2. Расщепление могло быть вызвано тем, что отдельные формы оказывались по своей роли в предложении близки другим частям речи, например, причастие близко прилагательному, герундий — существительному.

3. Расщепление могло быть вызвано общим развитием грамматической системы. При этом возможны два случая: а) грамматическая категория (например, рода) исчезала, но сохранялись словоформы, отражающие звуковые различия между прежними формами, образуя таким образом фонетические варианты, которые затем могли превратиться в разные слова (V 3а, 4); б) создалась потребность в новой категории слов, материалом для которой могли служить определенные формы других категорий: притяжательные местоимения 3-го лица образовались из родительного падежа личных и вопросительного местоимений (V 3б).

Обычно вместо обособившихся словоформ образуются новые словоформы. Так, обычно существительные образуют новую словоформу мн. числа (1а), прилагательные — новые словоформы степеней сравнения (2), глаголы — новые неличные формы или форму прошедшего времени (5). Не могут образовываться новые словоформы падежа и рода (3, 4), т. к. в сов.-а. данные слова не имеют этих категорий или форм.

Что касается обособившихся словоформ, то иногда они сохраняют свое грамматическое значение (опять за исключением 3, 4), например, looks **внешность**. Но часто их происхождение забывается, происходит опрощение слова, и они теряют свое грамматическое значение, так, rox **оспа** теперь является словоформой ед. числа (возможно, что то же самое произойдет со временем и с такими словами, как looks). Иногда происхождение настолько забывается, что слова даже приобретают новые формы, которыми они являются этимологически: bodice **лиф** не только стало словоформой ед. числа, но и образует словоформу мн. числа bodices (V 1, 2).

Случаи расхождения грамматических форм не одинаково распространены в английском языке. Как уже говорилось, очень часто встречается обособление словоформ мн. числа существительных (1), неличных форм глагола (5а). Реже всего (удалось найти лишь по одному примеру) встречается расхождение словоформ рода числительного и выделение в самостоятельное слово словоформы прошедшего времени глагола.

Анализ разных типов расщепления слов в английском языке показывает, что расщепление может сопровождаться разными процессами: распадом полисемии, лексикализацией словоизменительных суффиксов, опрощением.

Французский язык

О. Н. Скворцова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о существовании в современном русском языке категории состояния как самостоятельной части речи был и остается до настоящего времени спорным.

К этой категории слов, сочетающих в себе признаки имени и глагола и выполняющих в речи предикативную функцию, как известно, относят:

1. Безлично-предикативные слова с окончанием на **о**, совпадающие по форме с соответствующими наречиями и краткими формами имен прилагательных, но не имеющие их грамматических свойств и лексического значения: **хорошо, грустно, жарко, холодно** и т. д., а также слова, не имеющие омои-мов: **нужно, надо, можно**.

2. Слова, совпадающие по форме с именами существительными в именительном падеже, но не имеющие их предметного значения: **пора, досада, правда, грех** и т. д.

3. Слова неизменяемые, не соотносящиеся в современном русском языке ни с одной частью речи: **жаль, нельзя**.

С меньшим основанием к этой же категории относят иногда и слова из непродуктивной группы кратких имен прилагательных, потерявших соотношение с полными формами (**рад, намерен, горазд**).

Разные по своему происхождению, эти слова объединяются в один разряд на основе общего для них значения состояния и предикативной функции сказуемого безличного предложения.

В отличие от глаголов состояния, выражающих состояние как действие (**оставаться, спать, страдать**), эта категория

слов обозначает, по выражению акад. В. В. Виноградова, состояние «недействительное», но связанное со временем (ср. **морозно** и **было морозно**).

Слова, образующие категорию состояния, могут обозначать физическое и психическое состояние живых существ, состояние природы и окружающей среды, долженствование, необходимость, возможность, субъективную оценку.

Выделение в языке подобного разряда слов на общей семантико-синтаксической основе рассматривается многими теоретиками русского языка как проявление дальнейшего развития системы частей речи в русском языке.

В работах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. А. Реформатского, Н. С. Пospelова категория состояния рассматривается как самостоятельная часть речи, которая продолжает пополняться за счет других частей речи.

Однако отсутствие собственных морфологических признаков, которые позволили бы четко отграничивать категорию состояния от других частей речи, является основанием и для противоположной точки зрения.¹

Лингвисты, придающие решающее значение морфологическому критерию, видят в этом разряде слов лишь предикативное употребление наречий и кратких форм прилагательных.

Слова категории состояния называют нередко предикативными наречиями.

В Академической «Грамматике русского языка» категория состояния характеризуется не только как класс предикативных наречий, но и более широко, как класс предикативных слов.

Термин «предикативное наречие» следует считать условным, т. к. он указывает лишь на внешние признаки этих слов: неизменяемость, наличие суффикса **о**, и никак не отражает их лексико-грамматической природы.

В задачу данной статьи не входит выяснение вопроса о том, является ли категория состояния в русском языке самостоятельной частью речи.

В статье сопоставляются в рамках указанной категории эквивалентные по значению единицы речи в русском и во французском языках с целью анализа особенностей средств выражения этого значения во французском языке.

Сопоставление материала двух языков возможно на основе самых различных категорий. Язык функционирует в сложном взаимодействии систем значений и форм, и в нем выделя-

¹ См., например, А. Б. Шапиро. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? «Вопросы языкознания», 1955, № 2.

ются категории не только семантические или лексико-грамматические, но и категории переходные, также отражающие соотношения предметов и явлений объективного мира.

При сопоставлении обнаруживается общая для обоих языков семантическая основа, общий план содержания и характерный для каждого из языков план выражения.

Независимо от того, на каком уровне обнаруживается та или иная категория, в ее оформлении получают свое отражение исторически сложившиеся особенности структуры данного языка.

Во французском языке не сложились условия для выделения особого разряда предикативных слов, подобно категории состояния, но значение, свойственное этой категории, может быть выражено средствами языка, хотя и неоднородными по своей языковой природе и поэтому не составляющими определенной системы.

Категория состояния в русском языке, даже если ее не считать самостоятельной частью речи, обладает определенными семантическими и грамматическими контурами, которые дают возможность использовать ее в качестве основы для отбора соответствующего лексического материала во французском языке.

Как было указано, категория состояния включает несколько разрядов значений.

Рассматривая французские эквиваленты категории состояния по каждому из этих семантических разрядов, можно видеть известную зависимость средств выражения от характера значения разряда.

I. Состояние природы и окружающей среды

Основным средством выражения этого значения являются безличные обороты с глаголом *faire*, где в качестве именного компонента используется имя прилагательное или имя существительное (без артикля, с частичным или неопределенным артиклем).

Il fait sombre, la chambre est triste!

(D C N)

Lorsqu'il ouvrit les yeux, il faisait jour.

(M G T)

Il fait du vent.

Il faisait une chaleur accablante.

(D C N)

Темно, в комнате печально.
(Д о л э)

Когда он открыл глаза, было уже светло.
(М ар т е н д ю Г ар)

Ветрено.

Было невыносимо жарко.
(Д о л э)

Состояние природы может быть выражено также безличными глаголами, число которых невелико.

(Il gèle — морозно или морозит; il vente — ветрено или дует ветер).

Состояние окружающей среды выражается также оборотами с приглагольным указательным местоимением *се*.

C'est gentil chez vous. У вас здесь очень мило.
(D G F) (Д р ю о н)

II. Физическое и психическое состояние живых существ

Средства выражения этого значения довольно разнообразны. Они представлены и глаголами состояния, и глагольными выражениями, и оборотами, в которых прилагательное выполняет функцию предикатива подлежащего.

J'étouffe, Isabelle, je vais mourir. Мне душно, Изабелла, я умираю.
(M C I) (М о р у а)

Elles ont froid, elles ont honte. Им холодно, им стыдно.
(D C N) (Л о д э)

C'était dur au premier moment! В первый момент было тяжело!
(D C N) (Л о д э)

III. Временные отношения

Данное значение представлено в основном безличными оборотами.

Il est un peu tard pour sortir. Уже поздно выходить.
(L R F) (Л а ф ф и т)

Il est de bonne heure encore. Еще рано.
(D D C) (Д ю м а)

IV. Зрительные и слуховые восприятия

Используется неопределенно-личная форма глаголов, обозначающих чувства, восприятия: *voir* — видеть, *distinguer* — различать, *entendre* — слышать.

On voyait qu'elle essayait de lui plaire... Видно было, что она старается ему угодить.
(M C L) (М о р у а)

On entendait le tintement des tourne-broches. Было слышно, как позвякивают вертелы.
(D C N) (Л о д э)

On ne distinguait plus rien dans la voiture. В карете больше ничего не было видно.
(M N C h) (М о п а с с а н)

V. Значение долженствования, необходимости, возможности

Передается в основном либо глаголами соответствующего лексического значения (безличный глагол falloir, глаголы pouvoir — мочь, devoir — быть должным в неопределенно-личной форме), либо безличными оборотами.

Il faut absolument éviter qu'elle vienne ici...	Нужно во что бы то ни стало помешать ей вернуться...
(L R F)	(Л а ф ф и т)
On doit établir le plan tout de suite.	Нужно тотчас же составить план.
(L R F)	(Л а ф ф и т)
Il me fut impossible de rester chez moi.	Мне невозможно было оставаться у себя.
(D D C)	(Д ю м а)

VI. Субъективная оценка факта, ситуации

Главным средством выражения этого значения являются обороты, в которых предикативом подлежащего является имя прилагательное, реже — имя существительное без артикля.

C'est surprenant, Isabelle, que vous vous attachiez à ces horreurs...	Просто удивительно, Изабелла, что вы цепляетесь за эту безвкусицу...
(M C I)	(М о р у а)
Ce serait péché que de laisser perdre tout cela.	Просто грешно, если все это забудется.
(D G F)	(Д р ю о н)

Несмотря на некоторое своеобразие выражения каждого из указанных выше значений, в целом французские эквиваленты категории состояния отличаются значительным разнообразием. Таким предикативным наречиям русского языка, как **жаль, больно, приятно** и ряду других, во французском языке соответствуют до десяти различных средств выражения.

Сопоставление материала двух языков показывает, что первой и наиболее общей особенностью средств выражения рассматриваемого значения во французском языке является обязательное участие в них глагола в личной форме, в отличие от возможности отсутствия его в русском языке.

Безглагольным предложениям русского языка со значением настоящего времени соответствуют во французском языке предложения, где участвует либо знаменательный глагол, чаще всего в безличной или обобщенно-личной форме, либо глагол общего значения (faire, avoir) как компонент глагольного выражения, либо глагол-связка être.

Возможность использования знаменательных глаголов ограничена самой семантикой рассматриваемой категории. Это — глаголы чувственного восприятия (*voir, entendre*) или же глаголы, обозначающие ощущения, состояние (*souffrir, étouffer, gêner*).

Значительно шире используются для выражения состояния сочетания глаголов общего значения с абстрактными именами существительными, чаще всего без артикля.

Словосочетания этого типа, как известно, не только очень многочисленны во французском языке, но и продуктивны. Продуктивность их проявляется как в увеличении их абсолютного числа, так и в развитии новых значений у существующих уже в языке словосочетаний по мере расширения сферы их использования.

В этом типе словосочетаний находят свое отражение такие существенные строевые особенности французского языка, как: 1) тенденция к расчлененному, аналитическому выражению единого лексического значения; 2) использование слов широкого значения. Строевая роль глагола в словосочетаниях типа "*il me fait plaisir*" определяется обобщенностью, широтой его семантики. Вместе с тем, его лексическое значение, несмотря на его крайнюю обобщенность, определяет весь характер данного сочетания.

В русских предложениях: **холодно, сыро, приятно, стыдно** состояние представлено вне действия. Глагол-связка «**быть**» (**было холодно, будет стыдно**) лишь оформляет это состояние в плане времени и наклонения.

В соответствующих предложениях французского языка: *il fait froid, il fait humide, il me fait plaisir, j'ai honte* глагол *faire* в безличном значении и глагол *avoir* прежде всего оформляют состояние как процесс и, кроме того, участвуют в формировании лексического значения: *avoir* — состояние, испытываемое его носителем и развертывающееся как процесс, *faire* — состояние как активно развивающийся процесс.

Смысловой центр словосочетания заключен в именном компоненте. В рассматриваемых в данной статье примерах — это ограниченная группа имен существительных и прилагательных, способных передать значения, эквивалентные категории состояния.

Нечленная форма имен существительного, свидетельствующая о непередметности, обобщенности его значения, не лишает имя существительное его дистрибутивных свойств.

Il faisait presque nuit.

(L R F)

Было почти совсем темно.

(Л а ф ф и т)

Имя прилагательное в этих словосочетаниях также получает распространение в соответствии с возможностями его сочетаемости.

Il faisait très chaud, très bon.

(M N C h)

Il fait si bon à déjeuner et dîner en tête-à-tête tout près de la fenêtre...

(D C N)

Возможно также синтаксическое распространение всего глагольного выражения в целом:

Comptant les arbres de l'avenue, tellement il fait nuit, elle s'est approchée de l'ombre...

(L R F)

Вокруг было так тепло, так хорошо.

(Мопассан)

Так хорошо завтракать и обедать вдвоем у самого окна...

(Додэ)

Считая деревья, которыми была обсажена улица, настолько было темно, она приблизилась к силуэту человека...

(Лаффит)

Другим распространенным средством выражения значения состояния являются предложения, содержащие сложное именное сказуемое.

При эквивалентности значения в целом, состоящие в соответствующих предложениях русского и французского языков выражается не совсем одинаково.

В предложениях типа **мне стыдно, мне жалко** состояние представлено безлично и независимо от субъекта. Субъект действия не является подлежащим, он выражен в предложении синтаксически.

В предложениях типа *je suis honteux, je suis navré* субъект является подлежащим, состояние субъекта представлено в предикативе подлежащего как его признак.

Совпадение субъекта и подлежащего (явление, характерное для синтаксиса французского языка) связано с особыми условиями функционирования глагола в личной форме.

Не считая особых случаев, глагол в личной форме не употребляется без оформления субъекта действия в подлежащем самостоятельным словом или приглагольным местоимением.

Как было отмечено выше, все эквиваленты категории состояния включают в себя глагол в личной форме.

Поэтому второй общей для них характерной чертой является их двусоставность.

Даже в безличных предложениях приглагольное местоимение *il*, указывающее на отсутствие или устранение субъекта, формально является подлежащим.

Категория состояния в русском языке представлена словами предикативно-безличными. Значением состояния вне

субъекта и вне действия эта категория слов противопоставляется глаголам состояния.

Ср. **Он грустит и (ему) грустно. Я стыжусь и (мне) стыдно.**

К значению безличности тяготеет и большинство французских эквивалентов этой категории. Наряду с безличными глаголами и безличными оборотами значение этой категории может быть передано оборотами с обобщенным или неопределенно-личным **он**, оборотами с указательными местоимениями **ce, cela, ça**, также имеющими очень обобщенное, неопределенное значение.

Местоимения в этих оборотах непосредственно участвуют в образовании значения состояния, но роль их определяется особенностями синтаксиса французского предложения: необходимостью оформления подлежащего при глаголе в личной форме.

Так, например, в оборотах с обобщенно-личным **он** преимущественно конструктивная роль местоимения особенно ясно видна в тех случаях, когда **он** не подразумевает конкретных лиц и имеет наиболее обобщенное значение.

**Je vous dis, moi, qu'on peut
aimer plusieurs fois...**

(M N C h)

**Ah! qu'on était bien pour
dormir dans le jardin de Bar-
bicaglia!**

(D C N)

**Верьте мне, можно любить
не раз...**

(Мопассан)

**Ах, как сладко дремать в
саду Барбикаля!**

(Додэ)

Категория состояния выделилась в русском языке в результате функционального и смыслового отрыва определенной части кратких форм прилагательных, существительных и наречий от соответствующих классов слов при сохранении их морфологических признаков. **Холодно на улице, мне холодно** — с одной стороны, и **холодно встретить** — с другой, рассматриваются в современном русском языке как омонимы. Единственным формальным признаком предикативных наречий в отличие от основного класса наречий можно считать их способность к иным синтаксическим связям, в частности, их сочетаемость со связкой «быть» для образования форм времени и склонения.

Во французском языке средства выражения значений состояния, отличаясь большим разнообразием, не образуют стройной системы с лексико-грамматической точки зрения. Тем не менее обращает на себя внимание широкое использование в них имени прилагательного.

Но имя прилагательное во французском языке не имеет кратких и полных форм. Существует одна форма, которая ис-

пользуется как в предикативной, так и в непредикативной функции.

Возникает вопрос, при каких же условиях, при отсутствии особого разряда предикативных слов, возникает во французском предложении значение, эквивалентное категории состояния.

Как известно, значительная часть французских имен прилагательных неизменяема в роде, в одних случаях — только в произношении, в других — и в произношении и в написании.

В связи с этим нередки случаи, когда род прилагательных определяется только синтаксически.

**Il est agréable, elle est on приятен, она
agréable — приятна.**

Il est inutile, elle est inutile -- он бесполезен, она бесполезна.

Il est triste, elle est triste — он печален, она печальна.

В той же функции предикатива подлежащего имя прилагательное может иметь при себе зависимый инфинитив.

Il est agréable de voyager — приятно путешествовать.

Il est inutile d'insister — бесполезно настаивать.

Il est triste de rester seul — печально остаться одному.

Наличие зависимого инфинитива при имени прилагательном указывает на совершенно иную структуру предложения по сравнению с первой группой примеров.

В первом случае — это двусоставные личные предложения, где имя прилагательное в функции предикатива качественно характеризует подлежащее, во втором случае — это двусоставные безличные предложения, где прилагательное — предикатив не обозначает качества (субъект отсутствует), а по значению приближается к безлично-предикативным словам русского языка.

В таком же плане можно сопоставить и предложения с приглагольным указательным местоимением **се**.

Je t'assure que c'est dur, très dur.

(L R F)

C'est dur, pour un père, de traverser des heures comme celles-ci.

(M g T)

Уверяю тебя, это тяжело, это очень тяжело.

(Л а ф ф и т)

Тяжело для отца переживать подобные часы.

(М ар т е н д ю Г ар)

В первом примере указательное местоимение **се** обозначает то, о чем идет речь в данной ситуации: о работе докеров в порту; оно является подлежащим весомым, наполненным содержанием.

Ср. также следующие аналогичные примеры:

Ce n'est malheureusement plus possible.

(M C I)

C'est très difficile à expliquer.

(M C I)

К сожалению, это уже невозможно.

(Моруа)

Это очень трудно объяснить.

(Моруа)

Во втором случае, где тот же оборот (*c'est dur*) сочетается с инфинитивом, присоединяемым предлогом **de**, существенно изменяется как роль местоимения, так и роль прилагательного.

Ср. также:

C'était dur de travailler après de pareilles secousses.

(M N C h)

C'est si triste en effet de jouer devant les banquettes.

(D C N)

После пережитого потрясения работать было трудно.

(Мопассан)

В самом деле, так невесело играть перед пустым залом.

(Додэ)

Указательное местоимение по существу ничего не заменяет, оно лишь оформляет в качестве подлежащего субъект глагола *être*. Что касается имени прилагательного, то оно в данных условиях обозначает не признак подлежащего, которое лишено содержания, а вместе с конструктивным элементом **ce** приобретает значение безличного, обобщенного состояния.

Близость значения к безличному у оборотов с указательными местоимениями при наличии зависимого инфинитива хорошо видна при сопоставлении этих оборотов с синонимичными безличными оборотами:

Il m'a fait plaisir ce soir de t'offrir ce repas.

(L N R)

Cela me fait plaisir de vous offrir ces fleurs.

Ça vous ferait tant plaisir d'en parler au Comité?

(C h C)

Мне было приятно угостить тебя сегодня вечером.

(Лаффит)

Мне приятно подарить вам эти цветы.

Вам было бы приятно рассказать об этом в Комитете?

(Шевалье)

Все три оборота эквивалентны по значению предикативному наречию **приятно**, в котором психическое состояние человека представлено безлично.

Различие между ними обнаруживается не в семантическом, а в стилистическом плане.

Оборот с безличным **il** относится к литературно-книжному стилю, наиболее часто эти обороты встречаются в авторской

речи или в речи персонажей, говорящих на правильном литературном языке.

Примером характерной для них сферы использования является такое литературное произведение, как «Превратности любви» А. Моруа (A. Maurois. Climats.), где повествование ведется от лица героев, принадлежащих к светскому обществу:

Il était clair qu'il aimait à me voir...

(M C I)

Il n'est pas inutile, fût-ce pour moi seul, de faire le bilan de ce qu'a été ma vie.

(M C I)

Обороты с указательными местоимениями *ce, cela, ça* имеют окраску, свойственную разговорной речи:

Ce n'est pas prudent de venir ainsi...

(L R F)

Ça ne va pas être facile de le convaincre.

(L R F)

C'est très gentil de votre part de nous avoir prévenu.

C'est fort aimable à vous de me recevoir tout de suite.

Указательное местоимение *ça* всегда эмоционально окрашено и нередко имеет оттенок фамильярности, небрежности в речи.

Однако в современном французском языке, где наблюдается проникновение стиля разговорной речи в литературно-книжный язык, указательное местоимение *ça* все более утрачивает оттенок фамильярности (ср., например, его широкое употребление в произведениях Сартра, Мартен дю Гара).

В повседневной речи обороты с *ça* также являются часто принадлежностью не фамильярного, а разговорного стиля вообще.

Ça me lève le coeur d'y penser.

Ça me répugne de lui demander ce service.

Было очевидно, что ему приятно в моем обществе...

(Моруа)

Подвести итог жизни небесполезно, хотя бы и для самого себя.

(Моруа)

Неосторожно так приходиться...

(Лаффит)

Нелегко будет его убедить.

(Лаффит)

Очень мило с вашей стороны, что вы нас предупредили.

Очень любезно, что вы меня сразу приняли.

Фамильярный же оттенок речи создается не столько одним употреблением *ça*, сколько его окружением: сочетаемо-

стью со словами фамильярного и просторечного стиля или же характерным для разговорной речи построением предложения:

Il faut qu'il monte à son arbre si l'on veut que ça soit rigolo.

(P g B)

Et, dit Gabriel finement, si ça lui fait plaisir à elle, de faire sa lessive elle-même?

(Q Z M)

Пусть он залезет на дерево, если хотите, чтобы было смешно.

(Перго)

А если ей приятно стирать белье дома? — спрашивает лукаво Габриель.

(Кено)

Итак, значение состояния в известной мере связано с определенной схемой независимого безличного предложения.

Другой синтаксической средой, в которой может образовываться значение состояния, является во французском языке сложное предложение с дополнительным придаточным, зависящим от прилагательного, входящего в состав главного безличного или обобщенно-личного предложения.

Il est possible que j'aie tout à fait tort...

(M C I)

Mais il n'est pas probable que ses parents le réclament jamais.

(D C N)

C'est pas possible qu'ils aient réussi à trouver not'cabane...

(P g B)

C'est vrai que Tintin ne peut plus guère les conserver...

(P g B)

Возможно, что я не права.

(Моруа)

Но вполне возможно, что родители никогда не потребуют его обратно.

(Додэ)

Невозможно, чтобы они сами сумели разыскать нашу хижину...

(Перго)

Правда, Тэнтэн не может больше их прятать...

(Перго)

Синтаксическая зависимость придаточного предложения от главного в данном случае подчеркивается еще и выбором наклонения: сослагательное наклонение необходимо, если в главном заключено значение аффективной оценки.

Следует отметить, что и в русском языке средством разграничения омонимов — категории состояния и модальных слов — является наличие или отсутствие придаточного предложения.

Ср.

Хорошо.

Односоставное оценочное предложение, выраженное модальным словом.

Хорошо, что вы пришли.

Односоставное или неполное двусоставное главное предложение, выраженное предикативным наречием.

Придаточное предложение, выполняющее роль отсутствующего подлежащего, формально указывает на функцию сказуемого предикативного наречия **хорошо**.

Как известно, разговорной речи присуще стремление к экономии средств выражения, что проявляется, в частности, во всякого рода эллипсах.

Так, в нарушение принципа обязательной глагольности предложения во французском языке, значение состояния в условиях диалогической речи может быть выражено односоставными номинативно-предикативными предложениями.

Inutile de regarder autour de vous.

(L N R)

Pas moyen de s'ennuyer un moment avec elle...

(D C N)

Bien heureux s'il ne vous donne pas des coups de poing.

(S M)

Domage qu'il y ait ce Kalma...

(L R F)

Всеплезно смотреть по сторонам.

(Л а ф ф и т)

С ней невозможно соскучиться.

(Д о д э)

Хорошо еще, если он вас не избьет.

(С а р т р)

Жаль, что ей навязали этого Кальма.

(Л а ф ф и т)

Наличие при прилагательном дополнения или придаточного предложения и для этого типа предложений является синтаксическим средством их отграничения от номинативных предложений, содержащих оценку уже высказанной мысли или данной ситуации.

Impossible de se tenir debout!

(D C N)

— **Quelqu'un pouvait t'attendre.**

— **Impossible, voyons...**

(L R F)

Немыслимо устоять на ногах!

(Д о д э)

— **Кто-нибудь мог тебя поджидать.**

— **Да, невозможно...**

(Л а ф ф и т)

Характерное для разговорной речи расчленение предложения, т. е. нарушение его обычной схемы, способствует созданию значения состояния благодаря вынесению на первый план слова, содержащего эмоциональную оценку того, что следует за ним.

Le terrible, c'est qu'à cette heure de nuit il ne fallait plus songer retourner à la ferme.

(D C N)

Le dommage c'est qu'il a dû te classer dans les femmes pas chères.

(D g F)

Le diable, c'est qu'à force de se donner des allures féroces, les Tarasconnais finirent par se terrifier les uns les autres...

(D C N)

Средством усиления значения состояния в разговорной речи являются предложения типа:

Il fait une de ces chaleurs.

Ужасно было, что в такой поздний час нечего было и думать возвращаться на ферму.

(Д о д э)

Досадно только, если он решит, что ты из разряда недорогих любовниц...

(Д р ю о н)

Вся загвоздка была в том, что тарасконцы, напуская на себя свирепый вид, в конце концов повергли в трепет друг друга...

(Д о д э)

Свойственное фамильярной речи отсутствие подлежащего при некоторых наиболее употребительных глаголах относится и к предложениям со значением состояния:

Fait chaud...

(D C N)

Ну и жарко!

Как тепло.....

(Д о д э)

Gaut le démasquer, alors!

(P g V)

Тогда его нужно разоблачить!

(П е р г о)

Наречия во французском языке мало используются для выражения значений, эквивалентных категории состояния.

Однако в живой речи возможны обороты, представляющие собой односоставные предложения, выраженные модальными наречиями. В них содержится аффективная оценка высказываемой далее мысли и стилистически они относятся к фамильярной речи или к просторечиям.

Heureusement que je ne suis pas à côté d'elle.

(M N C h)

Какое счастье, что я сижу далеко от нее.

(М о п а с с а н)

Heureusement que l'enfant marchait près de moi...

(D C N)

Хорошо, что ребенок шел рядом со мной.

(Д о д э)

Надо сказать, что возможна и другая интерпретация этих предложений¹, а именно: можно рассматривать в них союз

¹ Л. И. Илья. Синтаксис современного французского языка. М., 1962, стр. 329.

que не как средство связи придаточного предложения с главным, а как элемент живой фамильярной речи в простом предложении, потому что, в сущности, нет принципиальной разницы в значении и функции между этими предложениями и предложениями, где модальное наречие является вводным словом.

Heureusement, nous entrons dans le bois.

(D C N)

К счастью, мы входили в лес.

(Д о д э)

Последнее предложение представляет собой образец литературного языка, а приведенные выше примеры — образец речи персонажей, употребляющих просторечные обороты, и, следовательно, союз **que** в анализируемых предложениях можно считать элементом, характерным для фамильярных и просторечных оборотов вообще.

Alors? pourquoi que tu veux l'être, institutrice?

(Q Z M)

Ну, и почему же все-таки ты хочешь стать учительницей?

(К е н о)

Comment que vous pouvez croire, que je lui dis...

(Q Z M)

И как вы можете поверить, говорю я ему...

(К е н о)

Термин «недейственное» состояние, введенный акад. В. В. Виноградовым для характеристики категории состояния, точно отражает лексико-грамматическую природу этой категории слов в русском языке. Обозначая состояние в предикативном плане подобно глаголу, эти слова сохраняют признаки имени, с которым они связаны своим происхождением.

Во французском языке, в связи с отсутствием особого разряда предикативных слов и в связи с необходимым участием глагола во всех семантических эквивалентах категории состояния, не существует подобного противопоставления состояния как действия состоянию «недейственному». В тех эквивалентах, где состояние выражено знаменательным глаголом, оно представлено как действие, как процесс.

В предложениях же с именным сказуемым, несмотря на минимальную роль подлежащего в формировании лексического значения состояния, смысловой центр — предикатив подлежащего — все же придает значению состояния известный оттенок качественности, и это закономерно, т. к. форма не может не накладывать определенный отпечаток на содержание, с которым она составляет неразрывное единство.

Очевидно, для французского языка, имея в виду семантическую категорию состояния, более правильно говорить не о «недейственном», а об обобщенно-безличном состоянии.

Значение «недействительного» состояния неразрывно связано в русском языке со сказуемостью. Слова из категории состояния употребляются всегда в функции сказуемого, они обладают способностью связывать высказывание с реальной действительностью без участия глагола в личной форме.

Во французском языке значение, присущее категории состояния, создается в сказуемом двусоставного предложения реже с помощью знаменательных глаголов соответствующего лексического значения, более часто в предикативе подлежащего при обобщенно-безличном значении последнего.

Но для французского языка недостаточно сказать, что значение обобщенно-безличного состояния неразрывно связано со сказуемостью. В тех случаях, когда оно не выражается знаменательным глаголом, оно связано с определенной схемой предложения, т. е. определяется синтаксическими факторами.

Существование подобной зависимости значения от структуры предложения дает основание рассматривать обобщенно-безличное состояние во французском языке не только как категорию семантическую, входящую в общую систему семантических категорий языка, но в известной мере и как категорию семантико-синтаксическую.

Анализ лексического материала в пределах одной семантической категории дает возможность видеть проявления общих закономерностей развития языка, как в выборе средств выражения, так и в структуре предложения.

Изучение особенностей сочетаемости слов на частных языковых явлениях представляет собой подготовительный этап для более широких исследований структуры данного языка.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

На русском языке

1. Альфонс Додэ. Избранное. М., 1955.
2. Морис Дрюон. Сильные мира сего. М., 1965.
3. Александр Дюма. Дама с камелиями. Тбилиси, 1959.
4. Роже Мартен дю Гар. Семья Тибо. М., 1959.
5. Ги де Мопассан. Избранные произведения в 2 томах. Т. 2, М., 1954.
6. Андре Моруа. Превратности любви. М., 1966.

На французском языке

1. ChC — Maurice Chevalier. Clochemerle (Le livre de poche). P., 1934.

2. DCN — Alphonse Daudet. Contes et nouvelles choisis. Ed en langues étrangères. M., 1958.
 3. DGF — Maurice Druon. Les Grandes Familles. (Le livre de poche), 1948.
 4. DDC — Alexandre Dumas. La Dame aux camélias. (Le livre de poche), 1961.
 5. LNR — Jean Laffitte. Nous retournerons cueillir les jonquilles. Ed. en langues étrangères. H., 1951.
 6. LRF — Jean Laffitte. Rose France. Ed. en langues étrangères. M., 1953.
 7. MGT — Roger Martin du Gard. Les Thibault. I. M., 1960.
 8. MNCh — Guy de Maupassant. Nouvelles choisies. M., 1949.
 9. MCl — André Maurois. Climats. (Le livre de poche). P., 1928.
 10. PGB — Louis Pergaud. La Guerre des Boutons. P., 1963.
 11. QZM — Raymond Queneau. Zazie dans le métro. (Le livre de poche). P., 1959.
 12. SM — Jean-Paul Sartre. Le mur. (Le livre de poche). P., 1939.
-

Т. А. Апресян

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Данное исследование является частью работы, цель которой состоит в том, чтобы изучить семантику французского глагола по его синтаксическим свойствам. В предлагаемой вниманию читателя статье рассматривается один аспект этой проблемы — вопрос о связи между значениями многозначного глагола и его синтаксическими свойствами.

Предметом нашего исследования являются трехчленные глагольные конструкции современного французского языка, то есть конструкции с глаголом в центральной позиции, от которого зависят три именные формы, включая подлежащее (считается, что подлежащее и подчинено личному глаголу и подчиняет его). Подчеркнем, что нами учитываются только зависящие от глагола именные формы. В большинстве случаев — это формы, достаточно сильно управляемые, то есть предсказываемые глаголом с относительно большой вероятностью. Обычно они имеют значения объекта, адресата, источника или начальной точки действия, получателя или конечной точки действия и места, ср. *léguer une fortune à son fils, détacher un martyr de sa croix, attacher un cheval à un arbre, loger qn dans une maison*. Помимо таких форм, в предложении могут быть формы, зависящие не от глагола, а от всего предложения. В отличие от упомянутых выше форм они не управляются глаголом, то есть не предсказываются его семантикой, а свободно присоединяются к предложению с любым глаголом. Обычно они имеют значение времени, сопутствующих обстоятельств, уступки и другие подобные, ср. *il déjeune (il revient de son bureau, il a accompli ce travail, il a envoyé un télégramme à ses parents, on l'a chargé de cette commission) à deux heures*. Кроме того, словоформы, относя-

щиеся ко всему предложению, могут выноситься в его начало, ср. à deux heures il revient de son bureau. Такие формы нами не учитываются.

Глагольные фразы интересующего нас типа были извлечены из иллюстративного материала словарей сочетаемости, а также толковых и тематических словарей современного французского языка.¹ Собранный таким образом материал был подвергнут дистрибутивному и трансформационному анализу.² Содержание этих методов исследования языка в том объеме, в каком они применялись в данной работе, может быть охарактеризовано следующим образом.

Как следует из сказанного выше, наша задача сводится к тому, чтобы разграничить значения многозначного глагола по его синтаксическим свойствам. Вслед за некоторыми исследователями, занимавшимися сходными проблемами, мы будем включать в число синтаксических свойств глагола конструкции, в которых он употребляется, и трансформации, которым могут быть подвергнуты фразы с этим глаголом.

Разъясним сначала понятие конструкции. Возьмем какую-нибудь глагольную фразу, например фразу Paul a confié ce secret à son ami, и расставим стрелки зависимостей между

составляющими ее словоформами: Paul a confié ce secret à

son ami³. Заменяем каждую зависящую от глагола словоформу символом части речи, к которой она относится. Полученная в результате этой операции цепочка символов со связывающими их стрелками

(N¹VN²àN³) называется конструкцией.

Перейдем теперь к понятию трансформации. В большинстве работ по трансформационному анализу под трансформацией понимаются две конструкции, поставленные в соответствие паре фраз, которые обладают следующими свойствами: 1) они содержат одни и те же лексические морфемы; 2) для

¹ P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique. 6 vol. Paris, 1951—1964; Dictionnaire de l'Académie française 2 vol. Paris, 1932—1935; A. Reum. Petit dictionnaire de style. Leipzig, 1953; E. Lasserre. Est-ce à ou de? Répertoire des verbes, adjectifs et locutions se construisant avec une préposition. Lausanne, 1962.

² При установлении применимости дистрибутивных и трансформационных преобразований к тем или иным фразам мы использовали данные словарей и опыт информантов.

³ Артикли и притяжательные местоименные прилагательные не учитываются отдельно от имени, к которому они относятся. Предлог включается в состав именной словоформы, а вспомогательный глагол — в состав глагольной.

любой пары словоформ первой фразы, связанных стрелкой зависимости, во второй фразе найдется пара словоформ, которые содержат те же самые лексические морфемы и тоже связаны стрелкой зависимости, и наоборот¹. Приведем при-

мер. Рассмотрим конструкции $N^1 V N^2 \dot{\rightarrow} N^3$ (Paul l'a frappé au visage) и $N^1 V N^3 \dot{\rightarrow} N^2$ (Paul lui a frappé le visage), с одной сто-

роны, и конструкции $N^1 V N^2 \dot{\rightarrow} N^3$ (Paul a frappé Pierre au vi-

sage) и $N^1 V N^3 \dot{\rightarrow} N^2$ (Paul a frappé le visage de Pierre) — с другой. Легко заметить, что первая пара конструкций удовлетворяет данному выше определению трансформации, а вторая пара конструкций ему не удовлетворяет: словоформы a frappé и Pierre, связанные стрелкой зависимости в первой фразе, синтаксически разобщены во второй, а словоформы le visage и de Pierre, связанные стрелкой зависимости во второй фразе, синтаксически разобщены в первой.

Между тем совершенно очевидно, что две последние фразы описывают одну и ту же ситуацию, и с этой точки зрения их следовало бы считать преобразуемыми друг в друга. Анализ этого примера, как и многих других ему подобных, показывает, таким образом, что процитированное выше определение трансформации оказывается слишком жестким. Если бы мы попытались применять его последовательно, нам бы пришлось исключить из числа трансформаций многие семантически инвариантные преобразования. По изложенной выше причине мы решили отказаться от этого определения трансформации. Поэтому в нашей работе трансформации задаются списком.

Укажем теперь, как конструкции и трансформации используются в рамках дистрибутивного и трансформационного анализа.

Каждый глагол в каждом из своих значений может употребляться более чем в одной конструкции. В задачи дистрибутивного анализа входит установление множества конструкций, в которых значение данного глагола остается неизменным.

С другой стороны, каждый глагол в каждом из своих значений может допускать более одной трансформации.

¹ См., например, З. С. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. Сб. «Новое в лингвистике». М., 1962, т. II. Терминология определения изменена, но существо понятия сохранено.

В задачи трансформационного анализа входит установление множества трансформаций, при которых значение данного глагола остается неизменным.

После этих предварительных замечаний перейдем к принципам разграничения значений. В нашей работе используются два принципа разграничения значений: дистрибутивный принцип соподчинимости — несоподчинимости и принцип трансформируемости.¹

Назовем соподчинимыми при данном глаголе такие две словоформы, которые: 1) зависят от этого глагола, 2) могут быть реализованы в одном и том же правильном предложении и при этом 3) не соединены сочинителями (сочинительными союзами, запятыми или соответствующими им интонационными средствами). Примером соподчинимых словоформ могут служить словоформы вида *à qn, par qch* при глаголе *répondre*, ср. *répondre à son père, répondre par un refus* и *répondre à son père par un refus*; в последнем случае словоформы *à son père* и *par un refus* соподчинены глаголу *répondre*.

Если для двух словоформ не выполнено хотя бы одно из трех перечисленных выше условий, то такие словоформы называются несоподчинимыми. Выделим два случая несоподчинимости.

В первом случае словоформы зависят от одного глагола, могут быть реализованы в одном предложении, но соединены сочинителями. Примером могут служить словоформы вида *sur qch, dans qch* при глаголе *chercher*, ср. *chercher un livre sur la table et dans les tiroirs* (из *chercher un livre sur la table* и *chercher un livre dans les tiroirs*). Несоподчинимость словоформ в рассмотренном примере объясняется их равнозначностью². Синтаксически это проявляется в том, что они чередуются в одной и той же приглагольной позиции и поэтому в случае одновременной реализации соединяются сочинителями.

Несоподчинимость второго рода характеризуется следующими свойствами: две словоформы в принципе могут зависеть от одного и того же глагола, но не могут быть реализованы в одном предложении; ср. неправильность таких, например, словосочетаний, как **instruire qn d'un événement*

¹ Ср. принципы совместимости и трансформируемости как средства разграничения значений в работах Ю. Д. Апресяна «К вопросу о структурной лексикологии» (ВЯ, 1962, № 3) и «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (в печати).

² Ср. Л. Н. Иорданская. Два оператора обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа). М., 1961, стр. 6—7.

dans l'art de gouverner и *instruire qn d'un événement et dans l'art de gouverner при правильности словосочетаний instruire qn d'un événement и instruire qn dans l'art de gouverner.

Введенное выше понятие соподчинимости — несоподчинимости следующим образом используется для разграничения глагольных значений. Считается, что в случае соподчинимости форм и несоподчинимости форм первого рода реализуется одно и то же значение глагола. Найденному значению приписываются в качестве его синтаксических различительных признаков все конструкции, содержащие соподчинимые формы и несоподчинимые формы первого рода. В частности, глаголу répondre в рассмотренном выше примере будут приписаны в качестве различительных признаков соответствующего значения конструкции $N^1V\text{à}N^2$, $N^1V\text{par}N^2$ и некоторые другие, а глаголу chercher — конструкции $N^1VN^2\text{sur}N^3$, $N^1VN^2\text{dans}N^3$ и некоторые другие.

Несоподчинимость форм второго рода (при их нетрансформируемости) является признаком существенных семантических различий, то есть признаком того, что в разных случаях употребления глагола реализуются различные его значения — каждое в свойственной ему конструкции; ср. instruire qn de qch ($N^1VN^2\text{de}N^3$) в значении «сообщать кому-л. о чем-л.» и instruire qn dans qch ($N^1VN^2\text{dans}N^3$) в значении «научить кого-л. чему-л.»

Чтобы показать, как используется принцип трансформируемости для разграничения значений, разберем следующие словосочетания: entretenir qn de vêtements, entretenir qn d'un événement и entretenir qn d'espérances. Второе из них может быть преобразовано следующим образом: entretenir qn d'un événement → s'entretenir avec qn d'un événement. Первое и третье словосочетания этой трансформации не допускают. В свою очередь, словосочетание entretenir qn d'espérances может быть преобразовано в словосочетания entretenir en (chez) qn les espérances, entretenir les espérances de qn. Ни первое, ни второе словосочетания этих трансформаций не допускают. В результате оказывается, что все три фразы с глаголом entretenir, конструктивно не отличающиеся друг от друга, различаются своими способностями к трансформациям. Кажется естественным связать эти различия с внутренними, семантическими различиями глагола в разных случаях его употребления (ср. «снабжать», «беседовать» и «тешить»).

Фразы fournir une armée en vivres и fournir des vivres à une armée иллюстрируют другой, в некотором смысле прямо противоположный аспект проблемы разграничения значений. В отличие от рассмотренного в предыдущем абзаце примера, фразы fournir une armée en vivres и fournir des

vivres à une armée отличаются друг от друга конструкциями, но не отличаются трансформациями. В самом деле, многие фразы вида $N^1VN^2enN^3$ с глаголом *fourbir* трансформируются во фразы вида $N^1VN^3àN^2$, и наоборот. Трансформируемость таких фраз свидетельствует о том, что в них реализуется одно и то же значение глагола.

Таким образом, процедура разграничения значений с помощью принципа трансформируемости сводится к тому, что фразы с одним и тем же глаголом, трансформационно отличающиеся друг от друга, считаются реализующими разные значения глагола. Если же различные фразы с одним и тем же глаголом имеют одинаковые трансформационные свойства, то они считаются реализующими одно и то же значение глагола.

Ниже мы покажем на конкретном материале использование изложенных принципов. Примеры представлены в таблице, каждая строка которой соответствует определенному глаголу. В крайнем левом столбце выписывается глагол; во втором столбце выписываются наборы синтаксических признаков, различающих его значения; в третьем столбце даются примеры, а в четвертом — формулировка значения. Примеры приводятся в виде словосочетаний, причем глагол заменяется тильдой. Вся таблица разбита на три полосы, обозначенные римскими цифрами. В первой полосе описываются случаи, когда различия в значениях глаголов проявляются только дистрибутивно; во второй — случаи, когда различия в значениях проявляются только трансформационно; наконец, в третьей — случаи, когда различия в значениях проявляются и дистрибутивно и трансформационно. Примеры первой полосы разбиты на четыре группы; внутри каждой из них собраны примеры с теми или иными общими свойствами (см. комментарий после таблицы).

IA	concourir	$N^1VàN^2$	\approx à qch, à la perte /au succès/ de qn	способствовать
		$N^1VavecN^2$ $N^1VavecN^2enN^3$ $N^1VavecN^2pourN^3$	\approx avec qn, avec son rival; \approx avec qn en qch, en latin /en peinture/; \approx avec qn pour qch, pour le prix de Rome	соревноваться, соперничать
	employer	$N^1VN^2àN^3$ $N^1VN^2dansN^3$	\approx qn à qch, à toutes sortes de travaux, \approx qn dans qch, dans de grandes affaires	использовать нанимать

Знак \approx читать как тильда (~).

		N ¹ VN ² contreN ³ N ¹ VN ² àV ¹	≈ qch contre qn, ≈ la ruse contre qn; ≈ qch à faire qch, ≈ la ruse à atteindre son but	применять
	bercer	N ¹ VN ² dansN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qn dans qch, dans ses bras; ≈ qn sur qch, sur ses genoux ≈ qn de qch, d'un espoir	качать тешить
Б	conférer	N ¹ VN ² àN ³ N ¹ VN ² avecN ³	≈ qch à qn, ≈ un emploi à qn ≈ qn/qch avec qn/qch, ≈ un texte /un auteur/ avec un autre	предоставить, дать сравнивать
		N ¹ VdeN ² avecN ³	≈ de qch avec qn, ≈ de son affaire avec son avocat	совещаться
	écraser	N ¹ VN ² àN ³ N ¹ VN ² dansN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qch à qn, ≈ la tête à qn ≈ qn dans qch, ≈ son adversaire dans une discussion /un débat/ ≈ qn de qch, ≈ qn de demandes /d'impôts/	проломить разбить, уничтожить обременять
	trustrer	N ¹ VN ² deN ³ N ¹ VN ² dansN ³	≈ qn de qch, ≈ un héritier de sa part, ≈ un associé de ses bénéfécies ≈ qn dans qch, ≈ qn dans ses espérances	лишить обмануть
	délivrer	N ¹ VN ² àN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qch à qn, ≈ des papiers /un reçu/ à qn ≈ qn de qn/qch, ≈ qn d'un importun /d'un procès/	выдавать освободить, избавлять
	former	N ¹ VN ² àN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qn à qch, ≈ qn à la méditation ≈ qn/qch de qch, ≈ un concert d'instruments	приучать создавать
В	charger	N ¹ VN ² N ¹ VN ² deN ³ N ¹ VN ² deN ³	qn/qch, un navire (de vin /de sel/ ² ≈ qn de qch, ≈ un homme d'injures /de coups/	нагружать осыпать

¹ Символ V обозначает инфинитив.

² Круглые скобки обозначают факультативность элемента.

	assommer	N ¹ VN ² N ¹ VN ² deN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qn (de qch), ≈ qn (d'un coup de poing) ≈ qn de qch, ≈ qn de questions	убить изводить, надосаждать
	bourrer	N ¹ VN ² N ¹ VN ² deN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qch (de qch), ≈ un poêle (de charbon) ≈ qn/qch de qch, ≈ une lettre de fautes, ≈ qn de nourritures	наполнять, набивать насыщать
	combler	N ¹ VN ² N ¹ VN ² deN ³ N ¹ VN ² deN ³	≈ qch (de qch), ≈ un fossé (de sable /de terre/) ≈ qn de qch, ≈ qn de présents /d'honneurs/	засыпать, заполнять осыпать
Г	commettre	N ¹ VN ² àN ³	≈ qn à qch, ≈ qn à un emploi /à la garde de qch/	приставлять
		N ¹ VN ² àN ³	≈ qch à qn, ≈ le soin des malades à cette femme	доверять
	endurcir	N ¹ VN ² àN ³	≈ qn à qch, ≈ qn au travail	приучать
		N ¹ VN ² àN ³	≈ qch à qn, ≈ le coeur à qn	ожесточать
distraire	N ¹ VN ² deN ³	≈ qn de qch, ≈ qn de ses études /de son travail/	отвлекать	
	N ¹ VN ² deN ³	≈ qch de qch, ≈ une pièce d'une collection	изымать	
II	charger	N ¹ VN ² deN ³	≈ une péniche de charbon	нагружать
		N ¹ VN ³ surN ²	≈ du charbon sur une péniche	
		N ¹ VN ² deN ³ → N ¹ VN ² deV	≈ qn de leur surveillance → ≈ qn de les surveiller	поручать
	comparer	N ¹ VN ² àN ³ → N ¹ VN ² avecN ³ → N ¹ VN ² etN ³	≈ un écrivain à un autre → ≈ un écrivain avec un autre → ≈ un écrivain et un autre	сравнивать, сопоставлять
		N ¹ VN ² àN ³	≈ les conquérants à des torrents impétueux	сравнивать, уподоблять
	couvrir	N ¹ VN ² deN ³ → N ¹ VN ² d'avecN ³ → N ³ VN ²	≈ le parquet d'un tapis → ≈ le parquet avec un tapis → un tapis couvre le parquet	покрывать

dégager	$N^1VN^2deN^3 \rightarrow N^3VN^2$	\approx sa poitrine de décorations \rightarrow des décorations couvrent sa poitrine	покрывать, увешивать	
	$N^1VN^2deN^3$	\approx qn de caresses /de baisers/	покрывать, осыпать	
	$N^1VN^2deN^3 \rightarrow N^1VN^3deN^2$	\approx l'erreur de la vérité $\rightarrow \approx$ la vérité de l'erreur	отличать	
	$N^1VN^2deN^3$	\approx la conclusion d'un rapport	извлекать	
élever	$N^1VN^2àN^3 \rightarrow N^1VN^2versN^3$	\approx ses cris aux cieux \rightarrow ses cris vers le ciel	направлять	
	$N^1VN^2àN^3$	\approx qn au pouvoir /au premier rang, aux dignités/	возвышать	
	louer	$N^1VN^2pourN^3 \rightarrow N^1VN^2àN^3$	\approx un logement pour sa femme $\rightarrow \approx$ un logement à sa femme	вашищать
$N^1VN^2pourN^3 \rightarrow N^1VN^2deN^3$		\approx qn pour sa patience $\rightarrow \approx$ qn de sa patience	хвалить	
III	défendre	$N^1VN^2deN^3 \rightarrow N^1VN^2contreN^3$	\approx qn de l'attaque $\rightarrow \approx$ qn contre l'attaque	защищать
		$N^1VN^2àN^3 \rightarrow N^1VàN^3deV$	\approx le travail à qn $\rightarrow \approx$ à qn de travailler	запрещать
démêler	disputer	$N^1VN^2deN^3 \rightarrow N^1VN^2d'avecN^3$	\approx le vrai du faux $\rightarrow \approx$ le vrai d'avec le faux	различать
		$N^1VN^2avecN^3$	\approx une affaire avec qn	обсуждать
encourager		$N^1VN^2àN^3$	\approx qn/qch à qn, \approx une femme à un ami, \approx la première place /un prix, un emploi/ à qn	оспаривать
		$N^1VavecN^2deN^3 \rightarrow N^1VavecN^2surN^3$	\approx disputer avec qn de /sur un événement récent/	обсуждать, спорить
		$N^1VN^2àN^3$	\approx qn à ce travail	подбадривать
		$N^1VN^2àV$ $N^1VN^2deN^3$	\approx qn à travailler \approx qn du geste /de la voix, d'un clin d'oeil/	
	$N^1VN^2dansN^3$	\approx qn dans sa résolution	утверждать, укреплять	

В группе А первой полосы собраны примеры, иллюстрирующие наиболее общий случай дистрибутивного различия значений. Подчеркнем, что наша задача состояла не в том, чтобы дать исчерпывающую картину всех значений рассматриваемых глаголов, а в том, чтобы проиллюстрировать, како-

ми признаками они в принципе могут отличаться друг от друга.

С этой точки зрения представляют интерес и примеры, содержащиеся в полосе I Б. Они иллюстрируют частный, но наиболее массовый в нашем материале случай, когда различия между двумя значениями глагола выражаются различием ровно двух конструкций.

Отличительной особенностью примеров, собранных в полосе I В, является следующее свойство: во втором значении в распоряжении каждого глагола есть только одна конструкция, а в первом значении глагол может употребляться как в этой конструкции, так и в ее сокращенном варианте (без третьего — факультативного — элемента). Это дистрибутивное различие строго соответствует семантическому различию между прямым (первым) и переносным (вторым) значениями. Таким образом, обязательность третьего элемента, по крайней мере, в некоторых случаях, является признаком переносного значения.

Те же самые примеры дают возможность сформулировать еще одно наблюдение, подтверждаемое и материалом, не нашедшим отражения в приведенной выше таблице: сокращение числа синтаксических признаков у значения 2 по сравнению со значением 1 (того же глагола) сопровождается метафоризацией значения 2.

Наше последнее замечание касается полосы I Г, в которой собраны примеры, иллюстрирующие важность противопоставления одушевленности — неодушевленности существительных как формального признака существенных семантических различий между значениями глагола. Вообще говоря, о важности этого противопоставления свидетельствует почти каждый пример, представленный в нашей таблице. Однако в группе Г первой полосы различия глагольных значений проявляются исключительно в противопоставлении одушевленности — неодушевленности, в то время как в других группах они проявляются и конструктивно.

Заключая комментарий, подчеркнем, что во всех проанализированных случаях необходимо применение обоих принципов разграничения значений: и дистрибутивного принципа соподчинимости — несоподчинимости, и принципа трансформируемости. Различным значениям глагола присваиваются и дистрибутивные и трансформационные признаки, но при этом может оказаться, что у одного значения много дистрибутивных признаков и мало трансформационных, а у другого значения много трансформационных признаков и мало дистрибутивных.

Различие значений возможно лишь в той мере, в какой семантические различия отражаются в синтаксических. Этот метод надежен, но, может быть, недостаточно тонок. Однако он кажется нам достойным того, чтобы работать над его совершенствованием.

* *
*

Проделанная работа позволяет, как нам кажется, сделать два вывода, тесно связанные друг с другом.

Для полного владения словом необходимо знать не только его значение, но и синтаксические условия, в которых оно может быть реализовано. Известно, что очень большой процент ошибок при овладении иностранным языком имеет своим источником незнание синтаксических конструкций, в которых слово употребляется, и правил их преобразования. Из этого следует, что, вводя и активизируя слова, в особенности многозначные, необходимо точно и полно указывать весь круг синтаксических конструкций и их трансформов, свойственных тому или иному значению слова. Однако далеко не всегда преподаватели языка имеют в руках средство для решения этой задачи: толковые и двуязычные словари не содержат последовательного и систематического описания синтаксических свойств слова.

Интерес выполненной нами работы состоит в том, что она дает материал, необходимый для решения указанных выше важных задач лексикографии и практики преподавания языка¹.

¹ В ходе работы над материалом нам удалось сформулировать еще один — комбинированный — принцип разграничения значений. Поясним его существо на следующем примере. В словосочетаниях *charger qn d'une commission* и *charger qn de travailler* формы *d'une commission* и *de travailler* неподчинимы. С другой стороны, первое словосочетание не трансформируется во второе. Если бы мы ограничились только двумя описанными выше принципами разграничения значений, мы должны были бы признать вопреки интуиции, что в анализируемых словосочетаниях реализуются два разных значения глагола *charger*. Тот факт, что в обоих случаях реализуется одно и то же значение глагола, можно показать комбинированием принципа соподчинимости — несоподчинимости и принципа трансформируемости: *charger qn d'une commission* → *charger qn d'une commission et d'un travail* — *charger qn d'un travail* → *charger qn de travailler*. При каждом переходе несоподчинимость форм первого рода и трансформируемость позволяют установить тождество глагольного значения.

Немецкий язык

Э. Г.-Ризель

СТРУКТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИНТАКСИСЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Быть может в первый момент вопрос, заданный западно-германским языковедом Г. Эггерсом «Говорим ли мы еще на нововерхненемецком языке?»¹, и покажется неожиданным или странным, — в какой-то мере он все же оправдан. Потому что современный немецкий язык находится под таким влиянием разговорного языка, что невольно поддаешься желанию заявить о наступлении нового периода развития языка.

Но оставим в стороне проблему периодизации, хотя факт сильного и все более увеличивающегося сближения между литературным и разговорным языком вряд ли можно оспаривать. В своем обоюдном тяготении они идут друг другу на уступки: литературный язык «разрыхляется», подобно разговорному, а разговорный в свою очередь поднимается почти до уровня литературного и приобретает более строгие структурные контуры. Поэтому нельзя согласиться с Гансом Эггерсом, что письменный литературный язык снизил свой уровень, а разговорный язык не поднимается выше².

Мне представляется, что изменение существующих норм (частично качественное, а частично количественное) пробивает себе путь сквозь многообразное взаимовлияние литературного и разговорного языка и вызывает к жизни т. наз. литературно-разговорный язык, выполняющий функции современного средства общения (Verkehrssprache, Ge-

¹ H. Eggers. Zur Syntax der deutschen Sprache der Gegenwart. Studium generale, 1/1962, S. 49.

² a. a. O., S. 55.

brauchssprache). При этом речь идет не об «ухудшении» языка, а о некотором изменении его в соответствии с пущами современного общества и требованиями все растущего числа читателей и слушателей из самых широких масс населения. Здесь имеется в виду прежде всего облегчение взаимопонимания во всех сферах коммуникации как при письменном, так и, в особенности, при устном общении.

Возникновение нового литературно-разговорного слоя немецкого языка сопровождается образованием т. наз. «явлений разрыхления» (*Auflockerungserscheinungen*) и притом по всему фронту, а не только в пределах индивидуального стиля одного какого-либо писателя, или одного какого-либо литературного направления, или одной определенно очерченной функциональной сферы языкового общения.

Под явлением разрыхления в широком смысле слова следует понимать определенные языковые изменения, которые модифицируют традиционные письменные нормы строя предложения, морфологические формы и словарный состав, произношение и интонацию, приближая их к разговорному языку, упрощая их в огромном большинстве случаев, повышая их эмоциональность, делая их более экономичными и, во всяком случае, более подвижными.

Синтаксическим разрыхлением (*syntaktische Auflockerung*) мы называем сближение общепринятых, относительно стабильных норм организации предложения в письменном литературном языке с соответствующими менее обязательными и более свободными нормами разговорного языка. Впервые такие явления, спорадически возникающие и исчезающие, можно было наблюдать примерно во 2-й половине 18 века сначала в художественной литературе — это была реакция на все возрастающее засилье письменных языковых норм, начавшееся еще в 17 веке, а затем в научной и публицистической прозе. Но только для современного языка синтаксическое разрыхление становится постоянным фактором со все более широкой сферой распространения. Во всех видах разрыхления (грамматическом, лексическом, фонетическом) речь идет об «активных процессах»¹ в современном немецком языке, которые проявляются частично как интенсификация уже существующих тенденций, частично как реализация имеющихся языковых возможностей.

Немецкий термин «*Auflockerung*», а особенно его перевод на русский язык «разрыхление» часто вызывает возражение. Вероятно, можно найти другое название для интересующего

¹ Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. «Вопросы языкознания», 1964, № 2.

нас процесса. Но мне лично представляется, что слово «разрыхление» (Auflockerung) в переносном смысле совсем неплохо отражает сущность языкового явления. Оно образно отображает динамический переход от прочно связанного к более свободному, от бесспорно более строгих законов литературного языка к значительно более подвижной организации разговорного языка.

Определение «строгий» (straff) в отношении синтаксиса литературного языка ни в коем случае не следует толковать как синоним к определению «неподвижный» (starr). Под «строгостью синтаксического строя» (Straffheit der Syntax) надо понимать примерно то, что В. Г. Адмони обозначает словами «собранность, структурная цельность синтаксического строя», а именно принцип рамочной конструкции, строгие правила согласования, типы предложений, определяемые соответствующими структурными моделями, тенденцию к номинализации и тому подобное. Кстати, термин «напряженность» (Spannung), который следовало бы по возможности избегать из-за недостаточно ясного разграничения психологических и лингвистических моментов, относится лишь к одному синтаксическому явлению — к рамке.

Терминам «строгость — рыхлость» (Straffheit — Lockerheit), характеризующим соответственно состояние литературного и разговорного языка, противопоставлена вторая антонимическая пара: «усиление строгости — ослабление строгости, т. е. разрыхление» (Straffung — Lockerung, Auflockerung). Последняя указывает на **процесс сближения**.

Термин «разрыхление» объединяет пеструю группу языковых фактов, часто совершенно различных по своей лингвистической природе. Однако все они связаны между собой одним существенным общим признаком: тенденцией к сближению между грамматическими, лексическими и фонетическими характеристиками обоих языковых слоев — литературного и разговорного языков. И именно это свидетельствует о том, что речь идет о всей линии развития системы языка.

Синтаксическое разрыхление не означает ниспровержения традиционных норм. Было бы ошибкой ставить вопрос так: что характернее для нынешней структуры предложения — строгость или рыхлость, усиление строгости или ослабление, т. е. разрыхление? Фактически на практике представлены обе структурные тенденции, либо поочередно (в разных предложениях), либо рядом друг с другом (в пределах одного и того же предложения), либо в комбинации или даже в тесном сцеплении друг с другом. Имеются раз-

личные возможности сосуществования этих полярных структурных принципов.

Вряд ли нужны особые доказательства того, что синтаксическое разрыхление сильнее проявляется в эмоциональной прозе, чем в деловой. Какому из двух принципов синтаксического строя в каком-либо конкретном тексте отдается предпочтение, зависит, правда, не только от функциональной специфики сообщения, его жанра и характера канала связи (устный, письменный). Определенную роль при этом играет также и индивидуальный стиль.

* * *

*

В пределах короткой статьи невозможно привести все лингвистические доказательства взаимодействия *Straffung* и *Auflockerung* в синтаксисе современного немецкого языка. Здесь следовало бы рассмотреть по крайней мере три большие группы языковых явлений с многочисленными подгруппами, а именно выбор и характер 1) типов сложных предложений и сложных синтаксических целых; 2) структур отдельных самостоятельных предложений и 3) структур словосочетаний.

В дальнейшем будет рассмотрено лишь одно явление, особенно характерное для сосуществования обоих структурных принципов: связь между рамочной и линейной конструкцией предложения.

Начнем с вопроса о глагольной рамке. Внутри одного текста предложения с полной рамкой часто сменяются предложениями с неполной рамкой, а также такими, в которых рамка вообще отсутствует или заменена нанизыванием небольших, формально и семантически более или менее законченных смысловых единств. Благодаря смене различных структур предложений создается ритмически разнообразный рисунок, который не допускает появления монотонности в тексте.

Вторая возможность сосуществования рамочной и линейной конструкции — их непосредственное сочетание в пределах одного предложения: неполная глагольная рамка (вынос за рамку — *Ausklammerung*). Оно создается в результате комбинации сокращенной рамки и линейно присоединенного к ней, вынесенного за рамку члена предложения, который несет особенно большую смысловую, эмоциональную и ритмическую нагрузку.

В вопрос о глагольной рамке необходимо внести, наконец, ясность, причем ясность без каких-либо недоговорок. Дело в том, что многие германисты, вынужденные под давлением языковой действительности признавать факт существо-

вания неполной рамки как самостоятельной структуры, стараются все же умалить ее место в нормативном синтаксисе. Они пытаются ограничить вынос за рамку в главном и придаточном предложениях пометой «разговорно-небрежное». Или они считают правомерным употребление неполной синтаксической рамки только в случае особой стилистической мотивированности.

Для германистов, живущих и работающих в стране, для которой немецкий язык является иностранным, особенно важна и необходима правильная интерпретация закономерностей рамочной конструкции. Мы должны совершенно определенно заявить, что, во-первых, принцип рамки может быть реализован двумя видами рамки — полной и неполной; во-вторых, что при соблюдении определенных правил вынесения за вторую часть предиката неполная рамка становится литературно допустимой, параллельно существующей синтаксической нормой; в-третьих, что вынесение за рамку поэтому не является ни отклонением, ни нарушением принципа рамочных конструкций, как это, к сожалению, все еще рассматривается в большинстве авторитетных вузовских учебников и в научных трудах. Понятия «отклонение» и «нарушение» несут в себе негативную оценку явления. Каждый, кто отклоняется от истины или нарушает закон, совершает, как известно, наказуемое действие. Употребляя такие неточные, дезориентирующие термины, невозможно раскрыть истинную языково-стилистическую значимость этой структуры предложения.

Перед лингвистами-преподавателями институтов и факультетов иностранных языков стоит трудная задача: развивать «чувство языка» студентов на базе твердых языковых знаний. Чтобы оценить хороший немецкий стиль и активно овладеть им, нужно наряду с проблемой точного выбора необходимых слов заниматься также вопросом «выбора необходимой структуры предложения». А для этого как раз и нужно знание законов рамки.

Изучающий немецкий язык должен сначала научиться наблюдать и понимать, при каких функциональных и семантико-экспрессивных контекстных предпосылках следует отдавать предпочтение той или иной рамке и в каких случаях обе они применимы в равной мере. Он должен правильно определить, при каких условиях вынос за рамку уже теряет свою логическую и эмоциональную экспрессивность (напр., при вынесении за вторую часть предиката сравнений, а также предложных групп). Как было установлено в одной дипломной работе, написанной в ГДР, 80% всех неполных глагольных рамок приходится на вынос за рамку предложных определений, дополнений и обстоятельств.

Неправ Карл Боост, когда он (вслед за Эрихом Драхом) интерпретирует структуру такого, например, предложения, как *Als wir vor der Hütte ankamen mit Schneeschuhen und Lebensmitteln, war die Türe verschneit*, следующим образом: «Это отклонение от нормы, допущенное намеренно или ненамеренно как результат языковой небрежности или незнания языка»¹. Как доказывает практика, такой тип конструкции находится на пути к превращению в нейтральную норму литературного языка.

При определенных предпосылках вынос за глагсльную рамку уже полностью грамматикализован. Так, например, вынос инфинитивных групп, членов предложений с зависящими от них придаточными предложениями, скоплений однородных членов предложения.

Запретным — по крайней мере для изучающих немецкий как иностранный язык — является вынос за рамку простых дополнений в дательном и винительном падежах или нераспространенных обстоятельств, т. к. такое употребление на самом деле свойственно фамильярной и небрежной обиходной речи или, наоборот, индивидуальным приемам при особой эмфазе в литературной речи. Знать законы рамки в современном немецком языке — означает уметь учитывать их разнообразный языково-стилистический эффект при функционировании в различных сферах языкового общения и речевых ситуациях.

Полная глагольная рамка (включение в рамку — *Einklamerung*) по-прежнему остается основным структурным типом предложения для всех стилей современного немецкого языка. Но так как рамка представляет собой регрессивную структуру, т. е. конструкцию, процесс восприятия которой происходит фактически от конца предложения к его началу, дуга напряжения — особенно при устном общении — может иметь лишь ограниченный объем (как показывает эксперимент, она может включать не более 9 слов). Это касается не только обиходной речи и речи персонажей в художественной литературе, но также и устных форм научной, публицистической и деловой прозы.

С полным правом Георг Меллер (ГДР) указывает на то, что в современной немецкой обиходной речи возрастает частотность употребления как раз полных рамочных конструкций, т. к. простые глаголы все чаще замещаются сложными

¹ K. Boost. *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes*. Berlin, 1955, S. 63 (перевод мой — Э. Р.).

глаголами с отделяемой частью или словосочетаниями, как, например:

Diese Schauspielerin **prahlt** mit ihrer Kunst.

Ja, die **gibt** immer mächtig **an**¹.

Однако следует прибавить, что в таких случаях всегда возникают рамки ограниченного объема, не требующие разрыхления.

Кстати, подобное же можно сказать о современной детской литературе на немецком языке. Авторы обычно разговаривают со своими маленькими читателями в духе устного рассказа; поэтому естественно преобладают предложения ограниченного объема (емкость в среднем не более 12 слов). Отсюда и большое число полных рамочных конструкций. Однако, как только предложение включает большее число членов и его общий объем доходит до 13—20 слов, вместо полной рамки чаще всего появляется неполная.

Для всех стилей письменной литературной речи совершенно очевидна тенденция к сокращению объема вербальных дуг напряжения — в различной степени и с различной актуализацией, в зависимости от функциональной сферы общения. Даже деловая проза уже избегает слишком растянутой рамки. Благодаря сокращению объема трудно доступных для восприятия рамок и присоединению вынесенных за рамку членов предложения создаются более эластичные синтаксические структуры, что свидетельствует о гибкости современного немецкого языка.

В этой связи хочется еще указать на одну крайность употребления этой конструкции. Имеется в виду стиль прозы Уве Йонсона (ФРГ). Писатель не только предпочитает употреблять и в речи персонажей, и в авторской речи неполную глагольную рамку в тех случаях, когда можно было бы употребить или даже лучше было бы употребить полную рамку. Он не только любит выносить за рамку простые дополнения в дательном и винительном падежах или нераспространенные обстоятельства. Уве Йонсон явно покушается на придаточное предложение вообще, эту «архимедову точку опоры структуры немецкого предложения»². В большинстве случаев он ставит после сказуемого не только один член предложения, а сразу несколько, как, например:

Aber als sie ihren Mann traf an der Straßenbahn vor dem Bahnhof der Stadtbahn wie allabendlich...
(Mutmaßungen über Jacob).

¹ G. Möller, Guter Stil im Alltag. Leipzig, 2/1964, S. 27.

² Сравн. Н.-Н. Schulze, Exemplarische Grammatik. Hannover — Berlin — Darmstadt, 1964, S. 10 (со ссылкой на Г. Глинца).

Таким образом, к простой дуге напряжения линейно присоединены три обстоятельственных группы слов.

Еще более бросается в глаза тот факт, что Ионсон при этом часто превращает гипотаксис в паратаксис, как это имеет место в следующем примере:

Ich sprach mit einer, die wartet auf den Bus (Там же).

Несомненно в этих и им подобных случаях мы имеем дело с определенной индивидуальной манерой — манерой писателя Ионсона, заключающейся в утрировании синтаксической разрыхленности, а не с «мятежным разговорным языком», как хотят нас уверить его почитатели, в особенности западногерманский ученый П. фон Поленц¹.

* *

*

Номинальная рамка подчиняется подобным закономерностям, как и глагольная. И здесь объем дуг напряжения зависит в первую очередь от функциональной специфики текста. Коротким рамкам в обиходно-разговорной речи ("ein liebes, gutes Kind") противостоят расширенные рамки в научной и деловой прозе, как, например:

Die ursprünglich als Festsäle und Zuschauergalerien gedachten repräsentativen Räume des Dresdener Zwinger wurden schon ab 1728 als Sammlungsräume benutzt (Проспект).

Наряду с полной номинальной рамкой с большим успехом параллельно распространяется вынос за рамку, причем вынесенные за существительное атрибутивные причастия и прилагательные без флексии присоединяются к сокращенной рамке:

Die repräsentativen Räume des Dresdener Zwinger, ursprünglich als Festsäle und Zuschauerräume gedacht...

Здесь взаимодействие рамочной и линейной структур характеризуется повышенной экспрессивностью, т. е. бесфлексивное обособление расширенного определения напоминает по своей интонации парантезу.

Вынесенная за номинальную рамку атрибутивная часть может быть расширена как однородными членами, так и другими синтаксическими группами, как это имеет место в следующем предложении:

Was ich gestern für einen Stoff bekommen habe! Ein ganz wunderbarer Stoff, weiß, mit schwarzen Tupfen, völlig knitterfrei, bügeln nicht nötig, feinste Qualität — einmalig! (Обиходно-разговорная речь).

¹ Der Deutschunterricht. Stuttgart, 4/1964 S. 88.

Здесь в процессе разрыхления возникла комбинация максимально редуцированной дуги напряжения ("ein ganz wupderbarer Stoff") и свободно нанизанных друг за другом звеньев цепи определений и уточнений. Такая синтаксическая структура возможна во всех видах эмоциональной прозы, особенно в художественной прозе и публицистике. Такое информационно насыщенное предложение, несущее большую эмоциональную нагрузку, не могло бы быть, разумеется, втиснуто в модель строгой номинальной рамки.

Вынос за номинальную рамку особенно уместен в том случае, когда в рамку одной предложной группы распространенного определения включена еще другая, так что сталкиваются два предлога:

Der Weg führte durch von Malaria verseuchte Sumpfbiete.

Это дурной стиль. Предложение будет лучше звучать, если здесь употребить неполную рамку:

Der Weg führte durch Sumpfbiete, verseucht von Malaria.

Или: Der Weg führte durch Sumpfbiete, von Malaria verseucht.

Предпочтение следует отдать первому варианту с прогрессивной структурой (т. е. процесс восприятия в направлении от начала предложения к его концу), тем более, что при этом вынесенное за рамку определение стоит — после небольшой паузы — непосредственно за словом, к которому оно относится.

* *

*

И, наконец, несколько слов об одной конструкции, представляющей явный компромисс между обеими синтаксическими структурными тенденциями современного немецкого языка. Речь идет о своеобразной блочной организации предложения, т. наз. Ballung.

Под «блочной организацией предложения» мы понимаем структуру, в которой номинальный член дополняется линейным нанизыванием предложных определений, распространенных генитивными определениями. Так, например, в коротком сообщении газеты:

Riesige Überschwemmungen im Gebiet der Alpen zwischen Drau und Inn im Sommer dieses Jahres haben in Österreich hunderte Millionen Schaden angerichtet.

Здесь подлежащее («Überschwemmungen») распространено тремя предложными атрибутивными группами, непосредственно зависящими от подлежащего. Как легко понять, эти

атрибутивные группы возникли благодаря сдвигу адвербиальных групп.

Но предложные определения, дополненные генитивными определениями, могут быть также взаимозависимыми, как, например, в следующем предложении:

Wir hörten einen Bericht über die mannigfachen Versuche zu einer neuen Lösung der Plasmaproteinforschung mit Hilfe neuer analytischer Methoden. (Forschungen und Fortschritte).

И здесь также «разбухший», многократно распространенный член предложения — дополнение «Bericht» — выражено с помощью *popen actionis*. Подобные образования особенно применяются при блочной организации (Ballung), т. к. субстантивированные глаголы обычно сохраняют валентность глаголов и способствуют тем самым образованию этих структур.

Обычно блочная организация предложения является признаком деловой прозы. Однако можно констатировать также проникновение этих структур в другие функциональные сферы, о чем свидетельствует язык прессы и разговорно-обиходной речи. Так, например, в одном частном письме написано:

Hast du meinen Brief vom Sonntag bekommen mit der interessanten Geschichte vom Skandal beim Fußball letzte Woche im Stadion?

Подобные случаи встречаются в разговорно-обиходной речи безусловно не слишком часто, однако примечателен уже тот факт, что они вообще могут появляться, не вызывая удивления.

Как правило, такое ясное сегментирование создает прозрачную архитектуру предложения, конечно, при условии, что это не ведет к чрезмерной номинализации. Даже более длинные цепочки, состоящие из максимально редуцированных, нанизанных друг за другом мелких дуг напряжения, не представляют особых затруднений как для говорящего, так и для слушающего. Блочная организация является, по всей вероятности, вполне удачной, экономичной в языковом отношении комбинацией одновременно «строгого» и «разрыхленного» принципов построения предложения.

* *
*

В заключение необходимо подчеркнуть следующее: некоторые отечественные и зарубежные германисты чувствуют себя обязанными «встать на защиту» полной рамки, глагольной и номинальной, однако это, на самом деле, борьба с несущее-

ствующей опасностью, с ветряными мельницами¹. Даже самые крайние сторонники концепции разрыхления никогда не осмеливались утверждать, что полная глагольная и номинальная рамки захирели и обречены на отмирание.

Напротив, каждый, кто исследует функционирование современного немецкого языка, должен констатировать следующие реальные факты языковой действительности:

в разных речевых стилях и речевых ситуациях рамка используется по-разному;

затрудняющие понимание большие дуги напряжения сокращаются и образуют более короткие и легче воспринимаемые (дуги);

тенденция образования рамки сочетается с тенденцией линейной связи посредством выноса за рамку, обособления, различных видов присоединения, а также блочной организации;

предпочтение оказывается так наз. прогрессивным структурам;

сложные конструкции, заключающие в себе другие конструкции, упрощаются в легко обозримые ряды более мелких словосочетаний, объединенных сочинением или затемненным (т. е. имплицитным) подчинением.

Эти и подобные им признаки очевидного ослабления (разрыхления) строго связанного синтаксического строя придают современному немецкому языку большую гибкость и поэтому в настоящее время проникают в той или иной степени почти во все сферы письменного и устного общения.



¹ Deutschunterricht. Berlin, 7—8/1965, S. 423.

Г. В. Колшанский

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА

В современной науке намечается три различных направления объяснения билингвизма — механизма владения двумя языками, один из которых может рассматриваться как родной, второй как иностранный. Одно из традиционных направлений в лингвистике, восходящее к сравнительно-историческому методу языкознания, по существу имело самое незначительное отношение к проблеме билингвизма, хотя обучение иностранному языку в какой-то степени основывалось на некоторых теоретических предпосылках взаимодействия языков. Не давая детального разбора этого направления в плане объяснения механизма билингвизма, можно утверждать, что исходными предпосылками этого направления была наивная установка на заучивание языка в принципе как мнемонической техники. Проблема взаимодействия двух языковых систем в процессе овладения вторым языком больше всего разрабатывалась как проблема взаимодействия национальных языков и диалектов и оставляла по существу в стороне вопрос о взаимодействии языков в пределах одного индивидуума¹.

Естественный контакт лингвистики с психологией, который особенно обозначился на рубеже XX века, внес существенный вклад и в самую постановку вопроса о природе билингвизма. Массовое обучение иностранному языку в различных аудиториях потребовало выработки определенных методических установок на отбор наиболее рациональных приемов обучения. Само собой разумеется, что специализация процесса

¹ См., например, Пизани. К индоевропейской проблеме. «Вопросы языкознания», 1966, № 4.

обучения иностранным языкам немедленно затронула и лингво-психологический субстрат билингвизма. На протяжении многих десятилетий последовательно сменилось несколько психологических фундаментов методики обучения иностранным языкам, обусловивших гипертрофированное увлечение теми или иными приемами (прямой метод, переводной и их варианты).

Надо сказать, что психологическая наука этого периода мало давала экспериментального материала для методики обучения и поэтому скорее всего выставляла простые интуитивные положения, взятые или из наблюдения аудитории, или из общей психологии (механизм памяти, ассоциативная психология, гештальт-психология). Вплоть до настоящего времени психологическая наука не поставила ни одного серьезного эксперимента, способного вскрыть природу билингвизма и дать, таким образом, полноценный материал для последующего преломления его в методике преподавания.

В последнее время намечается явный перелом в сторону проведения серьезной экспериментальной работы по билингвизму, обещающей большие результаты как для лингвистической, так и для психологической теории и практики. К ряду последних работ можно отнести такие работы, как: Н. И. Жинкин. Механизмы речи; Н. И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи; *Psycholinguistics, A survey of the org and serearch problems*, Ed. by Ch. Osgood, Th. Sebeck with a Survey of psycholinguistic research, 1954—1964, By R. Diebold; Lambert, W. E. 1962, *Psychological approaches to the study of language*, Mimco, Montreal; Lambert, Gardner, Barik, *Attitudinal and cognitive aspects of intensive study of a second lang.*, I. AS. P., 1966; Peal, Lambert, 1962, *The relation of bilingualism to intelligence* (psychological Monographs. 76 no 546; Lambert, Havelka, 1938, *The influence of language acquisition context on bilinqualism*.

В настоящее время намечается также важный контакт лингвистической теории и психологии в объяснении механизма билингвизма, который устанавливается на основе создания моделей, описывающих устройство владения языком и устройство обучения языку. Практически метод обучения иностранным языкам базируется пока на общих психологических и лингвистических предпосылках, в основном — рационального отбора языкового материала и интенсивного обучения иностранному языку с целью доведения до автоматизма речевых навыков или умений, т. е. с целью выработки некоего стереотипа при овладении иностранным языком.

Еще далеко нельзя утверждать, что этот выросший из практики симбиоз наук опирается на действительно раскры-

тую сущность механизма билингвизма, что создает неуверенность в научном обосновании методики преподавания иностранных языков и в научном апробировании создаваемых моделей языка.

Представляется, что в настоящее время можно отметить основные пути исследования проблемы билингвизма. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что статистические модели взаимодействия языков, как бы они ни были прогрессивны, в настоящее время в сфере исследования языковых контактов больше всего подходят для объяснения взаимодействия языков в рамках диалектов и национальных языков. Диахронное и синхронное описание взаимодействия языков должно безусловно опираться на признаки таких явлений, как заимствование, интерференция и т. д. Однако вхождение в лексическую или грамматическую сферу тех или иных элементов другого языка даст только глобальную картину состояния национальных языков. Описание же речевых фактов индивидуумов, находящихся в сфере взаимодействия контактируемых языков, в этом случае будет носить характер сравнения состояний языков по фонемным, морфологическим и синтаксическим признакам, но не будет еще вторжением в психолингвистическую область индивидуума, продуцирующего те или иные речевые акты на двух, трех и более языках. Хотя с общей теоретической точки зрения и важно в принципе установление взаимодействия языковых систем в том виде, как это сделал, например, Вайнрайх¹, выделив билингвизм координативный и субординативный. Все же его модель контактов предполагает взаимодействие в рамках языковых систем.

Безусловно, наиболее адекватной моделью взаимодействия языков при изучении билингвизма была бы модель, рассматривающая это взаимодействие как динамический процесс, как взаимодействие в развитии, ибо владение иностранным языком есть прежде всего реализация способности к речевой деятельности и, следовательно, некоторый процесс, а обучение иностранному языку тем более представляет собой процесс.

Лингвистические основы моделирования указанных двух процессов и прежде всего процесса пользования языком должны быть связаны с описанием некоторого устройства, которое функционирует в голове индивидуума, продуцируя теоретически бесконечное количество фраз в той или иной ситуации. Такое представление о речевой деятельности впервые фактически было выдвинуто Ф. Соссюром и в дальнейшем использовано Л. Щербой, а в последнее время Н. Хомским. Л. Щерба совершенно справедливо подчеркнул в своих лек-

¹ См. Weinreich. *Languages in Contact*. The Hague, 1963.

циях о преподавании иностранных языков в средней школе, что хорошее владение языком монолингвом или билингвом представляет собой творческий процесс. Он писал: «Однако нельзя себе представить, чтобы наш язык состоял только из какого-то конечного числа затверженных фраз, наподобие механического органа с определенным количеством валиков: мы всегда можем сказать и понять фразу, которой никогда раньше не произносили и которой никогда раньше не слышали. Многочисленные оговорки разных типов, которыми изобилует наша речь и которых в большинстве случаев мы даже не замечаем, неправильности стиля и просто ошибки в письмах, даже вполне грамотных людей, — все это свидетельствует о том, что наша речь складывается не только из простого повторения уже готовых словосочетаний, но и из творческих речевых актов.

Разбирая таким образом один за другим факты нашей обыденной речи, мы приходим к убеждению, что она в сущности всегда является результатом ряда творческих актов, которые индусируются лингвистическим опытом индивида, и что самый этот опыт надо представлять себе не просто в виде архива готовых фраз и словосочетаний, примененных к тем или другим отдельным фактам жизни»¹.

Л. Щерба не ставил себе целью найти объяснение этого механизма речевой деятельности, его дальнейшие методические рекомендации по обучению иностранному языку были направлены на активизацию обучения иностранному языку для достижения той или иной поставленной цели, от некоторого владения языком до идеального владения. Причем, Л. Щерба признавал возможность создания чистого двуязычия, свободного от обоюдной интерференции. Это повышение уровня владения иностранным языком Л. Щерба связывал с тем обстоятельством, что сосуществование языковых систем в каждом индивидууме может быть зависимым или независимым, другими словами, Л. Щерба признавал состояние координативной или субординативной зависимости языковых систем. «Двуязычие может быть двух разных типов по способу сосуществования языков. В одних случаях они совершенно независимы один от другого; в других — каждый элемент одного из языков оказывается связанным с соответственным по смыслу элементом другого. Случай независимого сосуществования двух языков я называю «чистым двуязычием»².

¹ Л. В. Щерба. Троякий аспект языковых явлений и методические выводы отсюда. «Преподавание иностранных языков в средней школе». Изд. АПН, 1947.

² Л. В. Щерба. Понятие о двуязычии. «Преподавание иностранных языков в средней школе». Изд. АПН, 1947, стр. 54—55.

К сожалению, наиболее важная и методически принципиальная теория Л. Щербы была им только намечена и не получила развития в смысле обоснования возможности независимого сосуществования двух языковых систем у билингов. Конечно, эта проблема является прежде всего психологической, но, как показало дальнейшее развитие лингвистики, подступы к психологии частично должны быть проделаны и языковедческой наукой.

В последнее время эта проблема привлекала внимание такого выдающегося лингвиста, как Н. Хомский. На IX международном лингвистическом конгрессе в докладе Н. Хомского «Логические основы лингвистической теории» было много места уделено как раз проблеме воссоздания модели владения языком в лингвистическом аспекте. Отправляясь также от идей Ф. Соссюра, Н. Хомский поставил перед собой задачу выяснить не только возможность существования некоторых идеальных устройств в человеке, способствующих овладению языком, но и дать описание механизма этого устройства. Примечательно, что идея Ф. Соссюра о речевой деятельности, в целом довольно противоречивая в его дихотомии язык — речь, оказалась больше всего созвучной в методическом преломлении, ибо само понятие речевой деятельности и речевого акта всегда непосредственно затрагивает и проблему обучения речевой деятельности (на другом языке). Как известно, Ф. Соссюр предполагал наличие в сознании человека некоторого социального акта, понимать который можно было как некоторое психо-физиологическое устройство, отрабатываемое в человеке благодаря его социальному опыту. Этот момент особенно хорошо подчеркнул А. Мартин: «... лингвист с необходимостью предполагает существование некоторой организации психо-физиологического порядка, которая в период усвоения ребенком родного языка или позднее, в процессе обучения второму языку, обуславливается сообразно с нормами того или иного языка возможностями членения данных опыта, а также возможностями коммуникации и отбора тех или иных единиц для данного отрезка высказывания. Эта обусловленность, собственно, и представляет собой язык»¹.

Первоначально Н. Хомский, видимо, задумал свою теорию порождающей грамматики как чисто абстрактную модель, могущую воспроизвести все многообразие языковых конструкций какого-либо языка. В его изложении на IX конгрессе теория порождающей грамматики была уже тесно увязана с идеей описания устройства владения языком человеком, дру-

¹ А. Мартин. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», т. III, М., 1963, стр. 389.

гими словами, была интерпретирована как аналогия реального человеческого аппарата.

При признании творческого аспекта языка — в этом он еще раз отдает дань Ф. Соссюру — на очередь встала проблема, следовательно, не только создания «системы порождающих правил», но и проблема описания работы, функционирования этой системы правил. Другими словами, возникла проблема описания системы языка и описания устройства владения этой системой.

Не лишним будет привести слова самого Н. Хомского: «Вообще в современных лингвистических описаниях «творческому» аспекту языка уделяется мало внимания. В описаниях обычно не ставится задача построить систему порождающих правил, которая сопоставляла бы любому произвольному высказыванию его структурную характеристику и которая, таким образом, воплощала бы знания и навыки носителей языка»¹. Далее следует разъяснение: «Мы можем считать, что задачей лингвистической теории является построение и точное описание двух абстрактных устройств (abstract devices), из которых первое является моделью использования языка (perceptual model), а второе — моделью усвоения языка:

- а) высказывание $\rightarrow A \rightarrow$ структурная характеристика;
- б) сырой языковой материал (текст) $\rightarrow B \rightarrow$ порождающая грамматика»².

Это довольно ясная идея о двух моделях перекладывается Н. Хомским на язык терминов Ф. Соссюра, что дает следующее соотношение описания Н. Хомским и Ф. Соссюром. «Модель использования языка A — это устройство, которое ставит в соответствие предъявленному высказыванию U структурную характеристику D , используя при этом порождающую грамматику G , которая в свою очередь порождает фонетическое представление R для высказывания U со структурной характеристикой D . В сосюрских терминах U — это образец речи — parole; устройство A интерпретирует U как «реализацию» единицы R , имеющую структурную характеристику D и принадлежащую к языку — langue, порождаемому грамматикой G »³.

Как видно из этих слов, Хомский непосредственно увязывает абстрактную модель использования и усвоения языка с чисто человеческой интерпретацией их. Больше того, как бы ни был абстрактен сам объект, согласно взглядам Хомского,

¹ Н. Хомский. Логические основы лингвистической теории. «Новое в лингвистике», т. IV. М., 1965, стр. 479

² Там же, стр. 480.

³ Там же, стр. 481.

особенно для модели обучения языку В, все же можно довольно просто интерпретировать эту модель в смысле некоторого индивидуального конкретного человека, который реализует устройство А и устройство В в своей повседневной речевой практике. Надо заметить здесь, что модель А и модель В — это в некотором роде разнонаправленные модели, но одинаковые по своей природе, ибо в одном случае описание устройства извлекается из некоторого языка, в другом случае язык определяется как некоторое соответствие определенной характеристике (ср. определение модели обучения языку В Хомского¹: «Модель обучения языку В — это устройство, которое на выходе выдает теорию G (т. е. порождающую грамматику G для некоторого языка — *langue*), а на вход получает сырой языковой материал (текст, т. е. образец речи — *parole*)»).

Нам кажется, что можно сделать и прямой вывод о характере устройства В в смысле приложения его к некоторому субъекту, овладевающему языком. Хомский пишет: «При этом устройство В использует свою *faculté de langage* (речевую способность), «врожденные» навыки осуществления определенных эвристических процедур и встроенные сведения об ограничениях, связанных с характером решаемой задачи. Мы можем считать, что задача общей лингвистической теории состоит в том, чтобы определить характер устройства В»².

Конечно, невозможно гарантировать здесь адекватность изложения мыслей Н. Хомского, особенно в части их конкретного преломления обучения языку — речь пока идет об общем устремлении дать объективное описание человеческого аппарата владения языком, что в последующем должно безусловно раскрыть и возможности овладения языком.

Если кратко суммировать идеи лингвистов последнего времени относительно лингвистического аппарата, свойственного человеку, можно сказать, что проблема состоит в следующем: имеет ли человек некоторую систему или некий готовый набор правил, с помощью которых он образует речевые произведения, высказывания. Если он имеет подобный аппарат, то является ли этот аппарат всегда данным и совершенным (по существу, врожденным) или он развивается в процессе обучения языку. Для теории моделей этот вопрос не существен, ибо модель языка должна отвечать уже готовому результату, уже образовавшемуся аппарату. Далее, свойствен человеку всегда один единственный аппарат с набором определенных

¹ Н. Хомский. Логические основы лингвистической теории. «Новое в лингвистике», т. IV. М., 1965, стр. 481.

² Там же.

правил вообще для языковых процедур или сосуществуют несколько аппаратов в зависимости от количества овладеваемых языков, другими словами, имеет ли человек устройство порождающей грамматики каждого языка отдельно и в какой форме они могут взаимодействовать?

Никаких экспериментальных данных для ответа на поставленный вопрос в настоящее время наука не имеет. Можно теоретически предполагать, что устройство порождающей грамматики более реально для психо-физиологической организации мозга человека, нежели устройство типа хранилища теоретически бесконечного количества готовых фраз. Можно также предполагать, что владение устройством порождающей грамматики другого языка в процессе обучения не есть приобретение особого устройства, а скорее всего есть процесс взаимодействия ранее существовавшего устройства порождающей грамматики (родной язык) и устройство изучаемого языка.

Возможны и другие ответы на поставленный вопрос. Но, к сожалению, лингвистическая модель не имеет здесь решающего слова, так как в истоке своем это проблема психо-физиологическая. Именно этот вопрос и стал сейчас в центре внимания психо-физиологов. Вот мнения ведущих представителей этой теории.

«В настоящее время, очевидно, наибольший интерес представляет следующая проблема: каким образом в билингве совмещаются два языковых кода и каким образом он может пользоваться этими кодами отдельно»¹.

Так же категорически высказывается по этому поводу Э. Хауген: «Центр, сосредоточенные двуязычия — в уме индивидуума. Поэтому психологическое изучение носителя двуязычия занимает центральное место в изучении двуязычия... психологический подход обещает новые экспериментальные данные, которые могут вызвать новые лингвистические открытия»².

Одним из ответов на вопрос о соотношении кодов родного и иностранного языков является лингвистическая разработка проблемы отбора некоторого ядра языка, образуемого главными структурными типами предложений и минимумом необходимой лексики, другими словами, проблема отбора т. н. языковых моделей. Указанный отбор конструкций производится, как правило, по признакам, свойственным данному язы-

¹ Psycholinguistics, A survey of theory and research problems Ed. by Ch. Osgood, Th. Sebeck with a Survey of psycholinguistic research, 1954—1964, By R. Diebold, p. 252.

² The Modern Language Journal, v. XLX, April, 1965, p. 220.

ку, но иногда в сравнении или на фоне другого языка, сопоставляемого с первым. Точнее сказать, этот отбор в дальнейшем — в системе упражнений — используется методистами в плане сопоставления языков. Отбор модели, следовательно, учитывает как возможную соотносимость неких языковых систем. Так, в известной работе Ч. Фриза¹ был проведен анализ основных грамматических моделей английского языка, и в последующем на этой базе Р. Ладо смог уже построить учебник английского языка с учетом особенностей аудитории, владеющей испанским языком².

Подобное направление, а именно обучение иностранному языку на основе отбора модели — но, к сожалению, зачастую в примитивной форме — получило некоторое распространение и в советской методике³.

Если даже учитывать безусловную положительную сторону этого метода, а именно сторону рационализации отбора т. н. ядерного материала, все же приходится признать, что сопоставление реестра моделей нескольких языков имеет большой интерес в плане сравнительного изучения языков и установления типологии языков и, видимо, в меньшей степени затрагивает методико-психологическую основу обучения языку.

Однако нынешнее состояние психологического подхода не столь радужно, как говорит Хейкс: «Единственная сторона двуязычия, которая подверглась психологическому изучению (*attention*) — это изучение влияния двуязычия на совершенствование умственных способностей (*intelligence test performance*). Рассмотрение того, что достигнуто при изучении некоторых процессов и проблем обучения языку (*language learning*), может привести на мысль о психологической сути (*implications*) двуязычия»⁴.

В современных терминах проблема билингвизма в психологическом аспекте может быть сформулирована как проблема владения различными языковыми кодами и проблема взаимодействия этих кодов. Так прямо сказано об этом в работе Ламберта⁵: «Представляет психологический интерес задача понять, каким образом билингвы могут выучить два символа для каждого предмета (референт) и в то же время пользоваться двумя языковыми системами с наименьшей интерференцией».

¹ Ch. Fries. *The Structure of English*. N.-Y., 1952.

² R. Lado. *Language Teaching. A Scientific Approach*. N.-Y., 1964.

³ Например, А. П. Старков. *Обучение устной речи*. ВГУ, 1964.

⁴ *The Modern Language Journal*, v. XLX, April, 1965.

⁵ *Psycholinguistics, A survey of theory and research problems*, Ed. by Ch. Osgood, Th. Sebeck with a Survey of psycholinguistic research, 1954—1964, By R. Diebold, p. 252.

Проникновение в психологическую суть владения кодами привело некоторых исследователей к еще более усложненному пониманию природы психо-физиологического аппарата человека. Так, Н. И. Жинкин полагает, что весь процесс взаимодействия языковых кодов в индивидууме покоится в свою очередь на владении другим кодом, т. н. внутренним кодом человека, который обуславливает понимание и говорение в коллективе и который представляет собой собственный аппарат каждого индивидуума в некотором роде языковых изображений, с которого и на который передается язык коллектива. Таким образом, владение иностранным языком предстает уже в свете взаимодействия трех ступеней, трех кодов — иностранный, родной, индивидуальный код. Вот суть идеи Н. И. Жинкина — ставится проблема: осуществляется ли процесс мышления средствами только данного натурального языка? Согласно Жинкину, существуют для этого механизма два языка: субъективный и натуральный. Понимание — это перевод с натурального языка на внутренний (язык изображений). Обратное — перевод-высказывание¹.

Сейчас трудно найти данные в других психологических экспериментах относительно существования внутреннего кода и поэтому не представляется возможным высказываться относительно природы языкового устройства человека ни в плане владения родным языком, ни тем более в плане обучения иностранному языку.

Лингво-психологическая интерпретация билингвизма, с одной стороны, может опираться на общие теоретические предпосылки относительно характера мышления человека и связи языка и мышления и, с другой стороны, конечно, на экспериментальные данные при изучении психо-физиологического субстрата речевой деятельности.

В качестве общей гипотезы нам представляется наиболее вероятным предположение о механизме билингвизма в том виде, как это можно сделать, исходя из признания в науке устоявшейся формулы о неразрывном существовании языка и мышления, о языке как непосредственной действительности сознания. Можно предполагать, что языковая база человека в процессе развития и овладения родным языком непосредственно взаимодействует с развитием мыслительного аппарата и что сам языковой аппарат есть материализация мыслительного аппарата.

Код родного языка есть обнаружение «кода» мышления человека. Усвоение им другого языка, если оно происходит

¹ Н. И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи. ВЯ, 1964, № 6.

при сформировавшемся языковом коде родного, может рассматриваться как процесс взаимодействия двух языковых кодов. Развитое мышление человека, ставшее таковым в неразрывном развитии с родным языком, приобретает норму общечеловеческого мышления. Языковой код выступает в данном случае лишь формой обнаружения этого мышления, но не инструментом формирования мышления. Естественно, что это не исключает, а предполагает перманентное развитие мышления, его обогащение на базе родного и иностранного языков. При всем разнообразии языковых кодов (существование национальных языков) логика человеческого мышления остается единой как в естественном, так и гносеологическом плане, что неопровержимо доказано всей практикой существования человеческого общения, и это не требует, видимо, никаких новых экспериментальных подтверждений. Из лингвистов это обстоятельство не раз подчеркивал Л. Щерба¹. Это же подчеркивается и в последних работах психологов². Мы не касаемся здесь проблемы т. н. языкового опыта человека и проблемы членимости мира в соответствии с языковым опытом людей, проблемы, наиболее полно выраженной в теории Сенира-Уорфа³.

Усвоение иностранного языка в теоретическом плане вряд ли может быть представлено как процесс усвоения новой системы мышления. Здесь следует иметь в виду, что понятие «единая система мышления» не равнозначно понятию системы «лексических и грамматических значений», свойственных структуре разных языков. На наш взгляд, речь может идти только об усвоении нового кода, накладываемого на код родного языка. Проблему билингвизма следует скорее всего представить как проблему взаимодействия неравноценных кодов, один из которых является базисным, первичным, а другой — вторичным. В этом случае следует подчеркнуть плодотворность общего принципа Вайнрайха, Ламберта и других относительно координативной и субординативной связей языковых систем.

Билингвизм при нашем изложенном выше понимании должен рассматриваться как процесс усвоения одного кода на

¹ Л. В. Щерба. Понятие о двуязычии. Критика некоторых возражений против иностранных языков в роли общеобразовательного предмета. «Преподавание иностранных языков в средней школе». Изд. АПН, 1947.

² См., например, *Psycholinguistics, A Book of Readings*, Ed. by Saponia N 4 и работы Вайнрайха, в которых автор приходит к категорическому выводу, что билингвизм не приведет ни в какой степени к смещению или изменению мышления человека, владеющего родным языком.

³ См. по этому поводу Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965.

базе первичного кода родного языка, т. е. как процесс субординированного взаимодействия кодов. Естественно, что исключать, миновать первичный языковой код будет здесь так же неправомерно, как исключить вообще мышление человека в процессе усвоения вторичного кода. В лингвистическом плане соотношение первичной и вторичной языковых систем есть соотношение в общем виде в терминах Н. Хомского двух порождающих грамматических устройств (грамматика в данном случае понимается широко как языковая система), а соотношение этого устройства есть система перекодирования правил одной порождающей грамматики в правила другой. Другими словами, — это утверждение связано с общей проблемой билингвизма, которая состоит в том, действительно ли имеет место перекодирование а) в процессе становления билингвизма и б) в самом процессе речевой деятельности билингва.

В лингвистическом плане, нам кажется, это перекодирование имеет место и оно есть процесс сопоставления моделей, структур языка на фонологическом, лексическом и грамматическом уровнях. В методическом плане это перекодирование есть процесс обучения владению правилами перекодирования. При такой постановке вопроса принципиально не может быть исключено влияние родного языка как первичного кода. Больше того, родной язык как первичный код должен быть признан базовым для установления соответствия с любым вторичным языковым кодом как в процессе владения, так и в процессе обучения иностранному языку. Система обучения может строиться с учетом сложности кодов, а постепенность владения правилами должна быть расчленена как внутри самой системы правил по степени сложности, так и по стадиям развития субъекта. Так, ребенок, владеющий кодом родного языка и ограниченный, таким образом, набором правил (несовершенное устройство порождающей грамматики родного языка), и человек сформировавшийся должны рассматриваться как два различных объекта в методике обучения иностранным языкам. Такие различия должны учитываться в построении материала, в выборе приемов обучения (наглядность, непосредственность подачи материала) и нарастании сознательности в усвоении правил перекодирования в процессе развития учащегося. Психологические эксперименты, поставленные с целью выявить соотношение методов обучения ребенка и взрослого на фонетическом, лексическом и грамматическом уровне, в целом дают основания для признания изложенной гипотезы. Можно еще раз в этом случае сослаться на работу Д. Хейкса (D. Hakes. "Psychological aspects of Bilingualism"). В этих экспериментах можно найти объяснение и явлению интерференции, степени этой интерференции

на различных уровнях и данные для уменьшения влияния интерференции при обучении иностранному языку¹.

При рассмотрении лингвистической и методической проблемы билингвизма неизбежно вытекает следствие о том, что не осуществима установка на достижение идеального билингвизма, т. е. на достижение уровня одинаково совершенного владения многими языками. В этом смысле проблема билингвизма скорее должна рассматриваться как проблема не лингво-методическая, а как проблема культурная, так как само понятие билингва должно быть расчленено по степеням в зависимости от потребностей и целей овладения другими языками. Здесь можно присоединиться к высказыванию А. Фишмана «... имеются разные виды билингвизма, и поэтому представляется нецелесообразным создавать или же разыскивать определения, которые бы подходили в равной степени ко всем видам».

Мне кажется также, что нельзя установить соотношения между разными видами билингвизма и мышлением и изучением языка без знания политических, экономических, культурных факторов, которые необходимо учитывать в анализе.

Я выражаю здесь свою прежнюю мысль о необходимости дифференцированного описания билингвизма².

В практических целях лингвистика и методика могут выдвигать в качестве идеала человека, владеющего несколькими языками в равной степени. Необходимо, однако, категорически оговорить это определение идеала билингва как условное, не подтвержденное никакими научными данными и опирающееся обычно на обывательское суждение о существующих примерах (выдающиеся переводчики и т. д.). Исходя из общетеоретических предпосылок, т. е. из строгих экспериментальных данных, указанных выше, можно согласиться с мнением специалиста в области билингвизма А. Фишмана: «Если под «билингвизмом» понимать адекватное, свободное, без интерференции, владение двумя или более кодами со всем возможным взаимодействием между обстановкой, областью, в которой работает билингвист, выполняемой им работой, между ситуацией и темой разговоров, то в таком случае мы определим в высшей степени неестественное состояние, возможное лишь с теоретической точки зрения».

Никогда не существовало естественного билингвистического общества, которое удовлетворяло бы всем этим условиям.

¹ P. Roja s. Instructural Materials and Aids to Teaching the Bilingual-child. The Modern Language Journal, v. XLIX, April, 1965.

² Fishman A. Joshua. Bilingualism, Intelligence and Language Learning. The Modern Language Journal, v. XLX, April, 1965, p. 237.

Каждое существующее двуязычное общество дифференцирует различные языки, и эта дифференциация способствует как интеграции общества, так и сохранению его билингвизма»¹.

Лингвистический, методический, психологический материал, изложенный здесь, свидетельствует в значительной степени о том, что проблема билингвизма переросла узко утилитарные рамки проблемы обучения иностранным языкам и стала узловым вопросом по меньшей мере трех наук: лингвистики, методики и психологии. Дальнейшее развитие теории языка, построение порождающих грамматик, экспериментальное изучение соотношения языковых кодов в процессе обучения билингвов, с одной стороны, и полученные в непосредственном опыте преподавания языка данные об оправдывающих себя приемах, с другой стороны, — все это вместе взятое должно послужить базой для решения кардинального вопроса, который может быть сформулирован как проблема исследования механизма билингвизма. Определенный ответ на этот узловый вопрос будет связан с далеко идущими последствиями как для психологии, так и для методики преподавания иностранных языков. Конечно, нельзя полагать, что теоретическое лингво-психологическое объяснение механизма билингвизма даст автоматически модели обучения билингвизму, но будет существенно способствовать более успешной разработке построения методической теории.

¹ Fishman A. Joshua, Bilingualism, Intelligence and Language Learning, p. 227.

М. К. Бородулина

К ВОПРОСУ КОМПЛЕКСНОГО И АСПЕКТНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Одним из наиболее важных вопросов обучения иностранному языку на факультетах и в институтах иностранных языков является проблема комплексного и аспектного преподавания. Вопрос о комплексном и аспектном преподавании возник в вузовской методике в связи с тем, что конечной целью преподавания иностранного языка стало рассматриваться практическое овладение навыками устной и письменной речи.

До этого времени процесс обучения иностранному языку строился как преподавание лексики, грамматики и фонетики. Несмотря на то, что в сумме занятия по этим аспектам должны были дать студентам комплексные знания языка, а не знания его фонетического, грамматического и лексического состава, сами занятия по аспектам проводились так, что создавалось впечатление, будто бы студентов учат грамматике, лексике и фонетике отдельно.

В этом проявлялось также влияние грамматико-переводного или сравнительно-сопоставительного метода.

Естественно, что такое построение учебного процесса не могло быть результативным, и поэтому, когда встал вопрос о нахождении более рационального и экономного пути к практическому овладению иностранным языком, многие методисты увидели корень зла именно в аспектном преподавании.

Неоднократно в нашей печати специально разворачивалась дискуссия по этому вопросу¹, в ходе которой часть преподавателей высказалась в пользу комплексного обучения, другая же часть преподавателей считала, что на факультетах и в

¹ «Учительская газета» от 18/I, 20/II, 1/III, 5/V, 24/V, 29/V, 5/VI, 17/VI 1962 г.

институтах иностранных языков наиболее эффективно аспектное преподавание иностранного языка.

Некоторые авторы считают комплексное преподавание иностранного языка единственно приемлемой формой обучения на всех этапах практического курса иностранного языка, однако в своих работах они не показывают преимущество комплексного преподавания перед аспектным.¹ В основу такого курса положено обучение иностранному языку по моделям, которые затренировываются прямым методом, исключая родной язык. Практически этот метод не оправдал себя, т. к. результатом этого является нерациональное расходование учебного времени, механический характер упражнений, отсутствие ситуативности речи.²

Иногда считают, что комплексная система преподавания оправдывает себя на младшем этапе обучения, т. к. она способствует развитию неподготовленной ситуативной речи у студентов.³

Эта точка зрения не совсем справедлива. Можно согласиться с тем, что ограниченный материал, повторяемость явлений дают неплохое усвоение учебного материала на данном отрезке времени. Но такое преподавание не готовит студентов к восприятию более богатого языкового материала, и при переходе к более сложному материалу появляется большая засоренность речи ошибками всякого рода.⁴

На наш взгляд, непоследовательной является точка зрения и тех авторов, которые допускают то и другое построение курсов в педагогических институтах, предпочитая сочетание аспектного преподавания с комплексным. Так, критикуя аспектное преподавание и считая его малоэффективным, И. Д. Салистра в подтверждение своего положения приводит следующие на наш взгляд неубедительные возражения:

1) аспектный курс является недостаточно концентрическим, т. к. «нормативные» курсы, например по грамматике,

¹ А. С. Шкляева. Программы по практическому курсу иностранного языка для романо-германских факультетов и отделений университетов по иностранному языку для неязыковых специальностей. Сб. «Вопросы перестройки преподавания иностранных языков в вузах». «Изд. Воронежского университета, 1963; А. П. Старков. Обучение устной речи. Изд. Воронежского университета, 1964.

² Опыт работ Воронежского университета и экспериментальной группы I МГПИИЯ по учебнику Ч. Фриза.

³ Л. Л. Борисова. Приемы и методы развития навыков устной речи на I курсе на опыте комплексной системы преподавания. Сб. «Вопросы методики преподавания иностранных языков на младших курсах пединститутов. Изд. Московского госуд. пед. института им. В. И. Ленина. М., 1961.

⁴ См. об этом ниже.

сами по себе комплексные и требуют одновременного усвоения морфологии и синтаксиса;

2) «нормативные» курсы плохо согласуются с потребностями курса практики;

3) «нормативные» курсы перегружены материалом (грамматическим и фонетическим, правилами классификации и т. д.)¹

Первое возражение против аспектного обучения, выдвигаемое И. Д. Салистра, а именно недостаточная концентричность, снимается тем, что аспектное обучение не противоречит концентрическому построению курса. Так, например, грамматический материал: из морфологии — «времена глагола», из синтаксиса — «порядок слов простого предложения» прорабатывается на I курсе на лексических текстах, на II и III курсах — более углубленно в курсе теоретических лекций и семинаров по грамматике.

Два последние возражения, по существу справедливые, относятся не к проблеме аспектного преподавания, а к недостаточно четкой организации работы языковых кафедр и секций. Указанные недостатки могут быть легко устранены при координации их работы.

Ряд методистов², критикуя аспектное преподавание как ярко выраженное проявление грамматико-переводного метода, переносят существо спора в другую плоскость.

Отрицая пользу преподавания лексического, грамматического и фонетического аспектов, эти методисты противопоставляют системным аспектам языка их деление по коммуникативным связям. Эти две различные стороны языка (его природа как система и его функционирование как средство коммуникации) оказываются противопоставленными друг другу, тогда как одно обуславливает другое: язык функционирует как система подсистем. Деление на коммуникативные связи: чтение, устную речь и письмо совершенно необходимо для методики, но оно ставит нас перед иной проблемой, чем определение преимуществ и недостатков комплексного и аспектного методов. Здесь возникает методически очень важный вопрос о том, как строить преподавание иностранного языка на основании его свойства быть средством коммуникации.

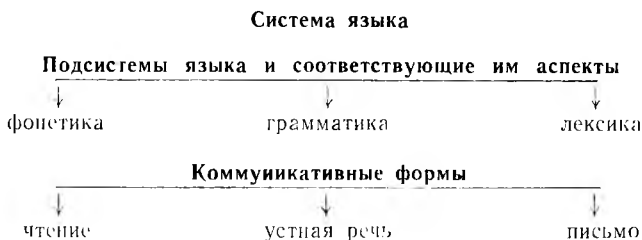
¹ И. Д. С а л и с т р а. Некоторые вопросы комплексного обучения иностранному языку в педагогических вузах иностранных языков. Методический бюллетень, № 1/6. I МГПИИЯ, 1964.

² Э. П. Ш у б и н. Основные принципы обучения иностранным языкам. М., Учпедгиз, 1963.

А его свойство быть средством коммуникации подразделяется на устную речь, чтение и письмо и не отвечает, но и не подтверждает преимуществ комплексного преподавания.

Скорее оно лучше согласовывается с аспектным преподаванием, т. к. в аспектах (в фонетике, грамматике и лексике) отрабатываются устные и письменные формы коммуникации.

Это можно представить в следующей схеме:



Из схемы видно, что каждый аспект изучается посредством устной речи, чтения и письма, а каждая из коммуникативных форм не может обойтись без учета хотя бы одного аспекта языка.

Все вместе (аспекты и коммуникативные формы) обеспечивают владение системой иностранного языка.

Таким образом, установка на преподавание иностранного языка по коммуникативным связям никоим образом не свидетельствует в пользу комплексного преподавания.

Чтобы избежать скороспелых решений и разобраться в предмете методических разногласий, нужно тщательнее проанализировать существо спора, определить содержание комплексного и аспектного преподавания и только после этого можно прийти к решению о том, какой из этих методов может быть положен в основу преподавания иностранного языка в специальном вузе.

Очень часто отличие аспектного и комплексного преподавания сводится к различиям в организации учебного процесса. Естественно, что это взаимозависимые явления, но не они определяют сущность методических разногласий.

Считается, что комплексное преподавание всегда имело место в средней школе. Действительно, в средней школе прохождение лексического, грамматического и фонетического материала не выделяется в отдельные уроки. Занятия ведет один преподаватель по одному и тому же учебнику на протяжении всего учебного года. Но в школьной программе имеются разделы по грамматике, фонетике и лексике, определяющие объем языкового материала по аспектам. На уроках в средней школе учитель обычно определяет цель урока в зави-

симости от прорабатываемого материала. Следовательно, и в школе при комплексном преподавании нельзя избежать элементов аспектизации. То же самое мы наблюдаем в некоторых толкованиях комплексного преподавания в высшей школе.

Сторонники комплексного преподавания считают, что основой комплексного обучения является единая программа, единый учебник и один преподаватель в группе.¹

Единство программы, учебника и преподавателя не является принципиальным для различения комплексного и аспектного преподавания. Так, работая по единой программе, можно выделять или не выделять в специальный цикл проработку грамматического, лексического и фонетического материала. Единый учебник тоже, как правило, содержит материал, который может быть использован как для комплексной, так и для аспектной проработки, т. к. учебник содержит все языковые явления в синтезе и в анализе.

Вопрос об одном преподавателе в группе тем более не является решающим при обучении. Видимо, различие комплексного и аспектного методов базируется на иных принципах.

Принципиальную основу комплексного и аспектного преподавания мы видим в том, как рассматривается объект преподавания — иностранный язык.

Если видеть в объекте преподавания единый речевой поток, структура которого определяется его способностью быть моделированным ("to be patterned"), то иностранный язык следует преподавать комплексно, внося в него членение при помощи моделей. С таким методом преподавания мы имеем дело в американской методике. Необходимость в этом методе возникла в связи с потребностью в короткий срок обучить людей понимать чужой язык и объясняться в иноязычной среде.²

Это эффективный путь овладения речью, но при соблюдении нескольких условий:

1) перемещение учащихся в иноязычную среду (естественным образом или созданием аналога естественной речевой среды);

2) полное исключение родного языка;

3) обладание учащимися большими ресурсами памяти (в

¹ См. И. Д. Салистра. Некоторые вопросы комплексного обучения иностранному языку в педагогических вузах иностранных языков. Методический бюллетень. № 1/6. 1 МГПИИЯ, 1964.

² G. William Moulton. *Linguistics and Language Teaching in the United States 1940—1960.*

молодом возрасте) или затратой больших усилий по механическому запоминанию материала;

4) наличие разрабатываемых лингвистами моделей на разных уровнях языка.

Последнее условие мы считаем ведущим, делающим возможным весь процесс комплексного преподавания.

Но даже и основатели этого метода не отрицают в настоящее время необходимости специальной работы, например, над звуковой и грамматической системами языка. Так, Р. Ладло пишет о необходимости специальной работы над грамматическими моделями, звуковой системой и о специальном контроле словаря.¹

Если рассматривать объект преподавания как языковую систему, состоящую из подсистем или уровней, то иностранный язык следует преподавать по аспектам, соответствующим его отдельным подсистемам и предусматривающим их синтез в единой системе.

Эти два подхода к языку не могут противоречить друг другу, так как они отражают единство языка и речи. Именно этим мы объясняем наличие «чужеродных элементов» в том или ином методе преподавания иностранного языка. Это не снимает, однако, необходимости при организации учебного процесса выбрать за основу тот или иной подход к преподаванию иностранного языка.

Какими преимуществами обладает тот или иной метод?

Комплексный метод делает возможным при соблюдении вышеназванных условий быстрое овладение навыком устной речи в ограниченных пределах. Учащийся усваивает механизм речи не изучая его, то есть процесс обучения иностранному языку протекает в известной мере аналогично процессу овладения родного языка ребенком с той только разницей, что срок изучения ограничен во времени, а путь проб и ошибок, свойственный детской речи, снимается наличием хорошо продуманной организации учебного процесса. В речи студентов появляется определенная беглость речи и быстрая реакция на речь. При этом возникают специфические трудности, связанные с многосторонностью комплексного прохождения материала.

Студенту приходится усваивать одновременно все стороны языкового явления: его звуковое и интонационное оформление, его структуру, его лексико-семантическое содержание и условия функционирования в языке, а это влечет за собой новую трату времени для их усвоения. На более продвинутых этапах засоренность речи становится большим препятствием

¹ Robert Lado. Language Teaching, 1964, p. 51.

при дальнейшей работе над иностранным языком, особенно над неподготовленной устной речью. Привыкшие бегло изъясняться на иностранном языке, строить предложения, не задумываясь над языковой формой, затренированной небрежно и нечисто, студенты с трудом избавляются от этих ошибок, и при этом замедляется темп при неподготовленной речи, т. к. преподаватель требует непременно исправления ошибок.

Результаты обучения при комплексном методе зависят в большой степени от того, насколько велики возможности индивидуальной памяти учащихся. В институтах иностранных языков и факультетах возраст студентов ставит определенные ограничения в этом отношении, кроме того, студенты обладают навыками аналитического мышления, и мы не имеем дело с начинающими изучение иностранного языка. Это одна из причин, по которой мы не считаем возможным рассматривать комплексный метод как ведущий для построения курса иностранного языка. Это не значит, что мы отвергаем комплексный метод как таковой. Составные части этого метода находят применение в процессе обучения иностранному языку и дают положительные результаты.

Аспектное преподавание предполагает преподавание фонетики, лексики, грамматики отдельно в их полной увязке единой программой. Оно дает возможность из общего целого выделять для специального изучения ряды однородных явлений.

Обучая языку, мы учим студентов изучать язык, т. е. вникать в его существо, что необходимо для будущих преподавателей.

Аспектность не означает сохранение грамматико-сопоставительного метода обучения языку, умаление роли устной речи или перенесения центра тяжести с самого языка на науку о языке.¹ Давно уже и прочно установлено, что выпускники институтов иностранных языков должны свободно владеть навыками устной речи, и мы ничего в этой установке не меняем. Мы хотим только уточнить, что выпускники педагогических институтов должны не только сами уметь говорить и писать на иностранном языке, но и в дальнейшем учить других тому же, а об этом мы часто забываем, предполагая, что раз они практически владеют языком, то они и знают его природу.

Как отмечается в методической литературе,² одной из причин того, что преподавание иностранного языка не имеет

¹ Э. П. Шубин. Основные принципы обучения иностранным языкам. М., Учпедгиз, 1963. См. противоречивое мнение об аспектном преподавании.

² Halliday, M. A. K., Mc. Intosh, A. Stevens. The Linguistic Sciences and Language Teaching. London, 1964.

реального успеха, является то, что учителя, владея практически языком и приемами его преподавания, не достаточно глубоко знают внутренний аппарат работы языка, т. е. его структуру и систему.

Неверным было бы считать, что эти знания студенты получали только из теоретических курсов. Практическое преподавание должно быть направлено на то, чтобы будущие учителя, будучи студентами, научились бы проникать в суть тех явлений, которыми они овладевают и которые они впоследствии должны уметь довести до сознания своих студентов.

Это позволяет сделать, на наш взгляд, именно принцип аспектного преподавания. С другой стороны, не подлежит сомнению, что нельзя преподавать язык вообще, не расчленив его, потому что всякое обучение основывается на дидактическом принципе: от наиболее легкого к трудному.

Очень важное значение приобретает принцип членения предмета обучения.

На наш взгляд, выделение материала по аспектам наиболее естественным образом соответствует делению языковой системы на лексику, грамматику и фонетику.

Основным доводом против аспектного преподавания служит обычно утверждение, что этот метод не обеспечивает практического владения иностранным языком, особенно навыками устной речи. Выше мы указали в схеме сочетание аспектов с разными формами речевого общения. Главное заключается в том, чтобы в процессе аспектного преподавания определить правильное соотношение в каждом аспекте системного осмысления материала и «пуска» его в живую речь.

Основным при аспектном преподавании нам представляется согласование анализа и синтеза при прохождении языкового материала.

Под анализом или аналитической работой мы понимаем отработку языкового явления внутри той системы, к которой оно относится, т. е. тренировку и активизацию явления одного уровня.

Под синтезом, или синтетической работой, понимается усвоение данного явления в ряду явлений других уровней. Таким образом, на каждом аспектном занятии отрабатываются основы навыков устной и письменной речи и сами навыки.

Так, например, работая над образованием какой-либо временной формы глагола, совершенно необходимо сначала отработать все виды образования этой временной формы и сравнить ее с другими временными формами глагола, а затем

затренировать ее в потоке речи как подготовленного, так и неподготовленного характера.

На лексическом материале эти положения можно проиллюстрировать на примере группы глаголов со значением «отказываться»: *verzichten auf* (Akk.), *sich weigern*, *ablehnen*, *verweigern* и др.

Каждый из этих глаголов требует своего окружения, что и должно быть точно усвоено; выбор того или иного глагола в потоке речи потребует дополнительной обработки.¹

Такое аналитическое и синтетическое направление помогает разрешить вопрос об учебниках и учебных пособиях. Здесь могут быть один или несколько учебников отдельно по аспектам, отдельные учебные пособия и по аспектам и по формам речевой коммуникации. Но эти учебники и учебные пособия должны обязательно содержать как материалы для анализа, так и для синтеза.

В этом же плане новое освещение может приобрести весь процесс преподавания иностранного языка с основной целью — устной речью, т. к. аспекты помогают выделить те необходимые для устной речи языковые явления, которые требуют особенно глубокой и активной отработки. Можно заметить, что при комплексном преподавании такие явления также специально выделяются, так как здесь аспектизация совершенно необходима.

Кроме того, аналитико-синтетическое аспектное преподавание развивает у студентов чувство языка.

Необходимость двух элементов, аналитического и синтетического, в аспектном занятии ставит со всей остротой вопрос о том, какое временное соотношение между ними может дать наибольший эффект. Мы считаем, что разрешение этого вопроса непосредственным образом связано с целеустановкой преподавания иностранного языка.

Проведенное наблюдение большого количества занятий в I МГПИИЯ им. М. Тореза² дает нам основание утверждать, что в общем плане синтезирующей работе на аспектных занятиях уделяется большее количество времени, чем аналитической.

Каждое проходимое явление осмысливается и тренируется в потоке речи, т. е. в ряду разнородных явлений, больше и чаще, чем рядом с явлениями того же рода. Этим наши аспектные занятия выгодно отличаются от занятий, проводи-

¹ А. Л. Карлин. Явления интерференции при изучении лексики. «Иностранные языки в средней школе», 1965, № 4.

² М. К. Бородулина. О методах преподавания иностранного языка в институте. Методический бюллетень, № 1/6/. М., 1964.

мых без учета конечной цели — практического усвоения языка. Однако на каждом аспектном занятии, если на нем проходит новый материал, имеет место его анализ с последующим синтезом.

Принципиально допуская возможность комплексного преподавания, мы считаем, что в языковых вузах и на факультетах иностранных языков обучение иностранному языку должно быть аспектным, т. к. оно дает при правильной организации учебного процесса:

1) одновременное развитие трех видов речевой деятельности, что обеспечивает практическое овладение иностранным языком;

2) глубокое усвоение всего языкового материала в системе, что необходимо для будущей специальности педагога.

Б. А. Лapidус

О ПРЕДЕЛАХ ПОНЯТИЯ «УСТНАЯ РЕЧЬ»

Задача обучения студентов в области говорения обычно формулируется как овладение умением без подготовки во времени выражать собственные мысли.

Противопоставление «собственные мысли — несобственные мысли» в методике не совпадает с житейской оппозицией «плагиат, банальность — творчество, оригинальность». В методике «выражение собственных мыслей» рассматривается как речевая деятельность более творческая, более трудная, чем пересказ, который одно время был и доминирующим речевым упражнением и доминирующей формой проверки речевых навыков на экзаменах. Неподготовленная речь «с заданным содержанием», конечно, сохраняет свое значение в учебном процессе и в настоящее время как важный этап, неизбежный ингредиент обучения выражению собственных мыслей, но удельный вес речевых упражнений в говорении без заданного содержания должен быть гораздо бóльшим.

Различение речевых упражнений с заданным содержанием и упражнений, в которых содержание не дано, имеет важное значение для методики обучения говорению. Однако понятие «выражение собственных мыслей», «высказывание, содержание которого не дано» требует дальнейшей конкретизации.

Дело в том, что содержание высказываний может быть результатом одного из трех видов психических процессов: извлечения из памяти, воображения и мыслительной деятельности. Само собой разумеется, что, поскольку «...творчество невозможно без знаний, а мышление — без памяти»¹, каждый из перечисленных выше видов психических процессов

¹ Ф. Н. Шемякин. Некоторые проблемы современной психологии мышления и речи. Сб. «Мышление и речь». М., 1963, стр. 44.

ложится в основу высказывания не изолированно от других, и говорить можно лишь о психическом процессе, доминирующем в данном высказывании.¹ Например, если человек рассказывает свою биографию или отвечает на вопрос, о чем шла речь на собрании, он, в основном, опирается на память. Когда учащегося просят сказать, что, по его мнению, будут делать изображенные на картинке после того момента, который зафиксирован художником, то для выполнения этого задания ему необходимо мобилизовать воображение. А вопрос типа: «Каково, по вашему мнению, положительное и отрицательное влияние технического прогресса на условия жизни человека?» и, тем более, дискуссия на эту тему требуют решения сложных мыслительных задач, умения отстоять свою точку зрения, критического отношения к мнению собеседника и т. п.

Совершенно очевидно, что для подавляющего большинства людей степень умственного напряжения, например, при простом рассказе о событиях предыдущего дня не идет ни в какое сравнение с тем умственным напряжением, которого требует участие в дискуссии или высказывание, основывающееся на решении без подготовки во времени (или почти без подготовки во времени) сложной мыслительной задачи. В последнем случае говорящий практически не имеет возможности выделить часть своего произвольного внимания для контроля за формой, и, если при этом он употребляет языковой материал, владение которым — в части стереотипных операций — еще не доведено до необходимой степени автоматизации (напомним, что речь здесь идет об обучении новому языку), языковые ошибки — в том числе и такие, которые искажают мысль, — неизбежны. Последнее, в свою очередь, приводит к тому, что после одной-двух ошибок у говорящего усиливается желание предотвратить дальнейшие ошибки — желание, которое заставляет его отвлекаться и затрудняет решение мыслительных задач.

Описанная ситуация типична для человека, говорящего на изучаемом им новом языке, а также наблюдается у некоторых людей и при пользовании родным языком (ср. случаи оговорок, отсутствия согласования, контаминации синтаксических структур и устойчивых словосочетаний и т. п.).

Совершенно очевидно, что наше понимание подлинного владения активной стороной устной речи требует уточнения:

¹ Аналогично этому и при пересказе можно говорить лишь о степени заданности содержания: она будет наибольшей при пересказе короткого текста «близко к оригиналу», но некоторые виды пересказа и изложения содержания будут требовать от говорящего значительного мыслительного творчества.

учащиеся должны уметь правильно выражать на данном языке свои мысли (без предварительной подготовки во времени) и в условиях решения сложных мыслительных задач, требующих удержания в памяти самой задачи, обоснования своих суждений, понимания высказывания собеседника с уяснением его логического основания, подтекста и т. д., доказательства правильности или ошибочности тех или иных положений и т. п.

В связи с этим вновь встает вопрос о том, какого рода активизация языкового материала способна обеспечить выработку необходимых автоматизмов. В литературе уже подвергалась критике точка зрения, согласно которой задачу активизации материала можно решить на уровне чисто тренировочных упражнений: «...полной автоматизацией следует назвать лишь такую степень овладения материалом, которая дает возможность употребления его не «преимущественно в подстановочных операциях», какими бы удачными они ни были, но в более свободной речевой деятельности различной сложности и подготовленности, в ходе которой учащиеся оперируют усвоенной конструкцией вперемешку с другими, выбирая их уже не по определенному плану и не для воспроизведения заученного тематического текста или диалога, а по реальной коммуникативной надобности, т. е. когда учащиеся в состоянии свободно использовать весь усвоенный языковой материал в экспромтной (т. е. неподготовленной во времени — Б. Л.) речи».¹ По-видимому, и эта формулировка требует конкретизации: подлинной автоматизации можно добиться лишь в результате многократного употребления студентами материала в неподготовленной во времени речи при решении сложных мыслительных задач (а для учащихся с недостаточно развитым воображением существенное значение имеет и употребление материала в речи при достаточно большой нагрузке на воображение).

В связи с этим возникает необходимость ввести понятие уровня активизации: уровень активизации, обеспечиваемый данным упражнением, определяется степенью приближения действий, выполнение которых требуется в этом упражнении, к тем условиям, в которых проявляется подлинное владение данным видом речевой деятельности. С этой точки зрения упражнения, требующие от учащегося чисто формальных операций и не направляющие его внимание на

¹ П. Б. Гурвич. Положительное и отрицательное в концепции сторонников структурального подхода к методике преподавания иностранных языков. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 1. М., 1965, стр. 31.

содержание высказываний, находятся на самом низком (практически, «нулевом») уровне; упражнения с заданным содержанием ниже по уровню, чем упражнения без заданного содержания; а упражнения, в которых учащийся опирается — в плане содержания — в основном на память, стоят ниже, чем упражнения, требующие от говорящего решения сложных мыслительных задач. (Кстати отметим, что в последних упражнениях редко удается обеспечить *целенаправленную* активизацию данного конкретного языкового материала; однако нельзя отрицать, что всякое речевое упражнение способствует и активизации того материала, который употребляет учащийся; а это дает право говорить об уровне активизации применительно и к этим упражнениям).

Вышеизложенное позволяет дать следующие практические рекомендации.

При отборе упражнений, предназначенных для обеспечения усвоения материала, — если для тренировки данного явления имеется несколько видов упражнений, — следует при прочих равных условиях отдавать предпочтение упражнениям более высокого уровня активизации.¹

В учебном процессе на факультете (в институте) иностранных языков должен быть резко увеличен удельный вес таких видов работы, которые требуют от студента одновременно с говорением на изучаемом языке решения сложных (но простых) мыслительных задач. Начинать следует, вероятно, с «почему-вопросов», с вопросно-ответного обсуждения и описания картин, карикатур, идея которых не лежит на поверхности и т. п. Но основным видом работы по развитию неподготовленной речи в течение всего срока обучения должны стать обсуждения проблем, поднимаемых в прочитанных литературных произведениях, в прочитанных или прослушанных отрывках, статьях, выступлениях, очерках, в тех или иных кинофильмах, произведениях живописи и т. п., а также обсуждение смежных проблем; дискуссии по социальным вопросам, вопросам морали и т. п.; обсуждения теоретических вопросов, связанных с текущими событиями, вытекающих из важных политических документов и т. п. На старших курсах занятия по иностранному языку (или значительная часть каждого занятия) должны быть своего рода семинарскими занятиями по обсуждению различных проблем, отличающимися от настоящих семинаров несколько большей непринужденностью

¹ Это соображение является дополнительным аргументом в пользу широкого использования в учебном процессе т. н. комбинированных упражнений (подробнее о них см. «Иностранные языки в школе», 1961, № 2, стр. 22—29).

обстановки и отсутствием специальной предварительной подготовки по той проблеме, которая подлежит обсуждению. На таких занятиях студент должен быть поглощен проблемой¹, для него такие занятия должны в первую очередь быть источником познания, благоприятной возможностью для выяснения и обсуждения волнующих его вопросов, средством развития логичности и способности к аргументированию, орудием дальнейшего совершенствования его мыслительного аппарата. Для преподавателя же такие занятия прежде всего — эффективнейшее речевое упражнение. «Прежде всего», но не «только». Значение рассматриваемого здесь вида работы выходит далеко за пределы задачи обучения речи.

Подготовка специалистов по иностранным языкам (педагогов, переводчиков) не может ограничиваться усвоением одного или двух языков и суммы теоретических знаний (по соответствующим циклам). Важнейшая задача высшей школы — дальнейшее развитие умственных способностей студентов, выработка умения самостоятельно решать постоянно возникающие «нестандартные» задачи, вести дискуссию, аргументировать свою точку зрения и т. д. (последнее, вероятно, особенно важно для будущих преподавателей). Нельзя закрывать глаза на тот факт, что специфика профилирующей дисциплины в институте (на факультете) иностранных языков с ее чрезмерной нагрузкой на механическую память студента ставит этот тип вуза в менее выгодное положение (по сравнению, например, с техническими вузами). Представляется, что широкое применение в обучении иностранной речи квазисеминаров поможет — наряду с давно назревшей необходимостью повышения роли самостоятельной научной работы студентов и ее сдвигания на младшие курсы — нейтрализовать этот органический недостаток и повысить качество подготовки специалистов по иностранному языку.

¹ Подлинность автоматизации операций, связанных с данным языковым материалом, проверяется не только в условиях сильного умственного напряжения, но и при высоком эмоциональном «накале»; однако эта проблема должна быть предметом специального рассмотрения.

С. И. Мельник

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГИПНОПЕДИИ В СВЯЗИ С ИНТЕНСИФИКАЦИЕЙ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В наши дни поиск новых каналов ввода информации в мозг человека является задачей огромного значения. Когда говорят о гипнопедии, то, по существу, подразумевают именно принципиально новую возможность воздействия на память и мозг, на мозг в состоянии сна. В этом смысле речь идет о поиске исключительно научной ценности, о поиске нового канала связи между человеком и окружающим его миром. Характер информации в расчет не принимается: можно запоминать номера телефонов, а можно — химические формулы, можно — таблицу Менделеева, а можно — иностранные слова. Последнее, естественно, заинтересовало преподавателей иностранных языков, потому что известно, как трудоемка работа по запоминанию иноязычной лексики при овладении языком.

Представляет интерес кандидатская диссертация ленинградского врача-психиатра А. М. Свядоца (1941 г.).

А. М. Свядоц с целью лечения нервноболевых детей применял прием ночного озвучивания с предшествующим внушением, прием известный издревле, если можно верить весьма смутным намекам из старинных сказаний и легенд. В ряде случаев при этом наблюдались интересные трансформации словесной информации в зрительные образы, в сны. Здесь рано еще говорить о гипнопедии. Речь идет об установлении феномена, о принципиальной возможности ввода информации в спящий мозг.

Новый канал связи, если он принципиально возможен, должен быть всесторонне, тщательно исследован нейрофизиологами, психиатрами, психологами, прежде чем он может

быть использован в целях обучения. Стадия медико-психологических исследований должна непременно предшествовать стадии педагогической. С точки зрения автора этих строк, первая стадия еще далека от завершения и сегодня, несмотря на то, что за последние 30—40 лет проведено огромное количество интереснейших и зачастую успешных экспериментов. Попытки разработать методику ввода и закрепления информации в памяти человека во сне предпринимались и предпринимаются неоднократно и у нас в стране, и за рубежом.

С 1946 года вопросы теории и практики гипнопедии исследует кандидат филологических наук доцент В. Н. Куликов, автор нескольких научных статей по данному вопросу. На протяжении 20 лет исследований в Ивановском педагогическом институте проведено большое количество экспериментов, достигнуты хорошие результаты при использовании комбинированных методов ввода информации во сне и в бодрствующем состоянии. Выдвинута гипотеза, что способность подсознания спящего естественным сном к восприятию и сохранению словесной информации является естественной, свойственной каждому человеку, как и способность к этому в бодрствующем состоянии. Данная гипотеза уже подтверждена более чем 800 экспериментами, проведенными с 348 испытуемыми. Исходили при этом из того, что восприятие и запоминание во сне являются потенциальными способностями подсознания. Основные трудности связаны со способами «разбудить» эти процессы, научиться регулировать и усиливать их.

С этой целью использовался метод внушения с практическим применением серии команд, записанных на магнитную ленту перед собственно учебным материалом.

Известный грузинский ученый психолог Д. Узиадзе еще в 1935 г. изучал возможность обучения в гипнотическом сне. Профессор Б. И. Хачапуридзе, заведующий лабораторией экспериментальной дидактики Научно-исследовательского института педагогических наук Министерства просвещения Грузинской ССР и лабораторией субсенсорных раздражителей Тбилисского государственного университета, много лет исследует возможность воздействия на сферу подсознания. Многочисленные опыты подтверждают гипотезу о принципиальной возможности управления психикой человека через каналы поступления неосознанной информации. В области обучения иностранным языкам поиск шел в плане применения гипнопедии.

Здесь выработались свои пути поиска, разрабатывается теория установки, значение которой выходит за пределы отдельного экспериментального метода и дает интересные вы-

воды для общей теории дидактики и методики преподавания иностранных языков в частности.

В Магаданском педагогическом институте группа исследователей: Н. З. Богозов, В. А. Вотинов, В. В. Милашевич, М. М. Этлис и др. — провела интересную серию исследований по изучению особенностей запоминания иностранных слов в гипнозе. Представляет интерес проведенное этой группой обобщение опыта аналогичных исследований, сделанных в разное время различными советскими и зарубежными учеными.¹

Мнения гипнологов по вопросу специфики запоминания в гипнозе и особенно по возможности последующей репродукции в бодрствующем состоянии и сохранении заученного в гипнозе на сколько-нибудь продолжительный срок расходятся.

К. И. Платонов, А. П. Слободяник, Р. Гейденгайн, Шильдер, А. Кронфельд, Виенхольт, В. П. Зухарь, И. П. Пушкина, Ю. А. Максимов, Сиерз, Алден, Дженкинс и Далленбах утверждают, что в определенные моменты сна память резко обостряется.²

Юнг и Грей нашли, что заучивание в гипнозе не отличается от заучивания в бодрствующем состоянии.

Дессуар, Дас и М. М. Сулова считают, что при гипнозе происходит ослабление памяти и умственной работоспособности.

Большинство исследователей склоняются к тому, что лучшие практические результаты дает применение комбинированной методики, включающей озвучивание в естественном или гипнотическом сне (в первом случае на первой фазе сна, во втором — в легкой фазе гипноза) и предварительное и последующее доучивание в бодрствующем состоянии.

Саймон и Эмманс на основании очень большого экспериментального материала утверждают, что ввод информации в спящий мозг абсолютно невозможен на стадиях глубокого сна. Считают объектом поиска фазы легкого сна или, по принятой терминологии, предсонное и просоночное состояния.

В. П. Зухарь, И. П. Пушкина и Ю. А. Максимов пришли к выводу о безнадежности попыток использовать для ввода информации предутренний сон (просоночное состояние) и считают оптимальным моментом для такого ввода время «вхождения» в сон, практически первые 15 минут после начала сна.

¹ Некоторые вопросы гипнозедии. Магадан, 1965.

² В. П. Зухарь, И. П. Пушкина и Ю. А. Максимов исследуют возможность ввода и закрепления информации в памяти человека в условиях естественного сна.

Резюмируя сказанное, несмотря на крайнюю беглость обзора, можно прийти к определенным выводам:

1. Принципиально возможность ввода словесной информации в спящий мозг доказана на значительном экспериментальном материале.

2. Поиски метода ввода подобной информации разделили исследователей на два направления, на две школы: первая утверждает, что ввод информации в спящий мозг возможен в условиях естественного сна, вторая — что речь идет о гипнотическом сне или, по меньшей мере, об элементах гипнотического внушения, необходимых для того, чтобы «разбудить» способность спящего мозга реагировать на вводимую информацию.

Все сказанное выше относится к теории гипнопедии.

Вопрос о возможности выхода в практику, в педагогику определяется рядом требований, обязательных для любого метода, когда речь идет о его массовом применении.

Можно сказать, что два условия являются в этом случае решающими: простота и надежность. Под простотой подразумевается доступность тех технических средств, которые необходимы для осуществления предлагаемой методики. По существу, речь идет о необходимости очень высокого качества записи и воспроизведения звука. Запись, в частности, требует условий профессиональной студии с отлично налаженной аппаратурой как собственно для записи, так и для контроля за интонационными, темпоральными и электрофизическими характеристиками дикторской речи в момент записи.

Воспроизведение на требуемом качественном уровне подразумевает наличие идеальной линии звуковоспроизведения от магнитофона до динамиков типа, скажем, 4-ГД7, которых нет в массовом производстве и в продаже. Иными словами, комплекс звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры должен быть на уровне стационарной радиостудии. Это делает эксперимент рентабельным в масштабах, скажем, городской радиосети и нерентабельным в условиях обычного вуза.

Под надежностью мы подразумеваем абсолютную безвредность в медицинском плане и обеспечение известными приемами достаточно ровного и устойчивого эффекта запоминания. При подключении гипнопедических сеансов к учебному процессу, протекающему по определенным канонам (план, сроки, последовательность подачи материала, известные конечные требования и т. д.), недопустимы отклонения от нормы, эксперименты внутри экспериментов. Например, в одной из опытных групп по изучению французского языка гипнопедический сеанс не обеспечивал достаточно высокого процента

запоминания. Слушатели по собственной инициативе начали дополнительно работать над программой: просматривать ее несколько раз до начала сеанса и доучивать утром по дороге в институт. Запретить подобную работу, которая затемняет картину, мешает сделать определенные выводы об эффективности запоминания в заданном экспериментальном режиме, не представлялось возможным, т. к. под угрозой оказывалась успеваемость группы в целом, а срок экзамена зафиксирован точно и связан с отъездом людей за рубеж.

Первая попытка использовать гипнопедический метод, разработанный под руководством канд. филолог. наук Л. А. Близишченко, зав. лабораторией экспериментальной фонетики и гипнопедии Института языкознания им. Потебни АН УССР, для обучения иностранным языкам в нашем институте была предпринята в начале 1965 года.

Цель эксперимента¹ была определена как освоение общей методики ввода и закрепления информации в памяти человека в условиях естественного сна. Эксперимент проводился в помещении одной из московских клиник под наблюдением опытных врачей. Группа испытуемых состояла из 7 человек в возрасте от 31 до 43 лет. Обучали основным навыкам устной речи на материале английского языка. Было проведено 25 ночных сеансов. Каждый сопровождался часовым групповым уроком на закрепление. Сеансы и уроки проводились 5 раз в неделю (кроме субботы и воскресенья). За это время было введено 593 единицы запоминания, из которых:

303 отдельных слова или лексических единиц;

170 словосочетаний из 2-х—3-х единиц каждое (примерно 400 лексических единиц);

120 базисных моделей и конструкций, в среднем по 5 лексических единиц каждая (примерно 600 лексических единиц).

Итого: примерно 1300 лексических единиц.

По грамматике был пройден следующий материал: множественное число существительных и прилагательных, степени сравнения прилагательных, личные, относительные, указательные и притяжательные местоимения, числительные порядковые и количественные, конструкции *there is, there are*, вспомогательные глаголы, глагольные времена: настоящее, прошедшее и будущее простое, продолженные времена, страдательный залог, сложное дополнение.

Таким образом, слушатели получили, примерно, 700 английских слов и 120 конструкций, отобранных по принципу частотности употребления в обиходной речи.

¹ Руководитель эксперимента — старший преподаватель С. И. Мельник, редактор — Б. А. Жебелев.

Каковы вкратце выводы, пусть предварительного характера, полученные в ходе первого эксперимента?

1. Организация учебного процесса согласно требованиям методики, предложенной Л. А. Близначенко, интенсифицирует учебный процесс и представляет интерес в плане улучшения преподавания иностранных языков.

2. Метод не может претендовать на самостоятельность. Происходит лишь запоминание иноязычного материала. Даже потенциальной тенденции к образованию навыков говорения не наблюдалось.

3. Метод, несомненно, облегчает процесс запоминания, но не нивелирует способностей отдельных индивидуумов.

4. Главную роль с точки зрения обучения, как всегда, играет учебное пособие. Система подачи учебного материала приобретает некоторую специфику, но содержание этой системы при использовании гипнопедического метода остается альфой и омегой педагогического процесса в целом.

3. Физическое состояние испытуемых не вызывало никаких сомнений.

Все приведенные выводы приемлемы с одной коррекцией: нам не удалось обеспечить идеальное техническое оформление эксперимента. Поэтому мы не считаем себя вправе судить о чисто гипнопедическом эффекте. Ведь именно эта часть цикла особенно чутко взаимосвязана с техническим совершенством ввода программ.

Методика, разработанная Л. А. Близначенко, представляет собой как бы четырехэлементный комплекс. Четыре неизменных компонента состоят в следующем:

- I — Трехкратное повторение программы за диктором при свете, с текстом в руках, лежа в постели. Установка — активно артикулировать, стараться запомнить, имитировать произношение диктора.
- II — Одиннадцатикратная трансляция программы со все уменьшающимся уровнем громкости от исходного до 0 при выключенном свете, без перерыва между I-ым и II-ым этапом. Установка — спать.
- III — Пятикратная трансляция программы перед подъемом с постепенным увеличением уровня громкости от 0 до среднего уровня.
- IV — Утренний урок на закрепление.

Программа на всех этапах ввода информации одна, длительность ее звучания в среднем 5 минут.

Собственно гипнопедическими в этом комплексе являются этапы или элементы II и III. Несовершенство технического оформления эксперимента лишает нас возможности судить

достаточно авторитетно об эффективности именно этой стадии цикла.

Основной вывод, связанный с тем, что эффект запоминания программ, включающих в среднем 40—50 лексических единиц, характеризуется цифрами 80—90%, логически предопределял два направления поиска:

1) усовершенствование технических условий вплоть до введения электроэнцефалографических исследований для определения сущности явлений, происходящих в собственно гипнопедической стадии эксперимента;

2) попытки сохранить высокий процент запоминания материала при упрощенной схеме, приемлемой для условий массового обучения с упором на усовершенствование системы учебного пособия, методики проведения дневных занятий и прочих, чисто педагогических аспектов учебного процесса.

Мы считаем, что смешение указанных двух направлений в рамках одного эксперимента невозможно.

Исходя из реальных возможностей и нужд института, мы сочли целесообразным начать экспериментальные исследования по развитию второго направления и просить кафедру психологии и, в частности, Лабораторию экспериментальной фонетики I МГПИИЯ им. Мориса Тореза под руководством проф. В. А. Артемова параллельно организовать серию лабораторных экспериментов в плане собственно гипнопедических исследований. Одновременно были предприняты попытки собрать сведения о работе в данной области, ведущейся в вузах нашей страны. Была сформирована инициативная группа по организации координационного центра и Совета по проблемам применения гипнопедии в процессе обучения иностранным языкам. Интересные сведения получены из Иванова, Воронежа, Ленинграда, Киева, Лиенаи, Магадана, Харькова, Ужгорода и ряда высших учебных заведений Москвы. Продолжение этой работы представляется целесообразным в рамках Межвузовского кабинета методики обучения иностранным языкам при I МГПИИЯ им. Мориса Тореза.

Решено было продолжить экспериментальную работу, ограничив задачу четким требованием: интенсификация процесса обучения иностранным языкам с помощью технических средств, применяемых в условиях своеобразной организации труда. Можно было бы говорить об использовании прослушивания учебных звукозаписей перед сном и при пробуждении, но прекращение трансляции с отключением света не оправдывало себя. Практически наиболее рациональным представляется продолжение трансляции в течение 15—20 минут после отбоя в расчете на то, что слушатели засыпают под тихие

звуки передачи. В этом случае, возможно, имеет место эффект гипнопедического воздействия, но не всегда и не у всех. Вместо предутреннего цикла мы ввели двухкратное прослушивание и проговаривание программы через 5 минут после подъема.

Поэтому мы считаем возможным говорить о комплексном использовании ТСО с применением элементов гипнопедического метода.

Уже первый эксперимент убедил нас в том, что какие бы технические средства и методические приемы ни применялись, решающая роль остается за системой учебного пособия. На этом основании решено было сосредоточить основные усилия на разработке принципов составления программ. Программа, подаваемая для запоминания наизусть, имеет ряд принципиальных отличий по сравнению с любым из до сих пор применявшихся в нашей практике видов лабораторных упражнений, записанных на магнитофонную ленту.

С введением в учебный процесс новых элементов организации труда становятся нормой жесткий распорядок дня, равномерный ритм в прохождении материала, определенная логика в его распределении, последовательности и дозировке. Преподаватель берет на себя отбор лексического материала, речевых образцов. Программа становится средством адаптации учебника для конкретных условий обучения в той или иной реальной обстановке. Преподаватель получает возможность «вложить» в программу весь строительный материал, который понадобится ему на уроке, чтобы строить беседу, чтобы учить говорить говоря. По существу, составитель программы обязан запрограммировать учебную дозу нагрузки каждого дня, предусмотрев «обратные связи» на уроке. Даже если программа, построенная с подобной целевой установкой, далека от совершенства, она все равно служит ступенькой прогресса в определенной системе обучения, потому что, как справедливо утверждал Скиннер, преподаватель, который разработал хотя бы одну тему в свете требований программированного обучения, стал на голову выше.

Именно таковы были общие установки в серии экспериментов, предпринятых на базе 10-месячных курсов по подготовке специалистов за рубежом при МГПИИЯ им. Мориса Тореза.

По предварительным наблюдениям, рационализация учебного процесса с использованием экспериментального метода, описанного выше, позволяет сократить срок обучения. Так, в группе № 1 (1965—1966 учебный год) по изучению английского языка (зав. кафедрой И. П. Крылова, ведущие преподаватели — М. А. Майорова и Б. А. Жебелев) учебник Хорнби, I часть, был пройден за 2,5 месяца при плане в 4 месяца, с

рядом неиспользованных резервов. На протяжении 1965—1966 учебного года экспериментальная работа проводилась в 4-х учебных группах. Накоплен некоторый опыт и значительное количество наблюдений и фактов, еще не подлежащих научному осмыслению и описанию. Последнее выходит за рамки настоящей статьи.

Кратко резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть следующие моменты:

I. Поиск путей овладения методом ввода информации в спящий мозг представляет большую научную ценность.

II. В условиях такого вуза, как I МГПИИЯ им. Мориса Тореза, целесообразно продолжать и развивать исследования в 3-х направлениях:

1) использование имеющихся средств интенсификации процесса обучения иностранным языкам в широком комплексе, с привлечением элементов гипнопедического метода, особенно в условиях ускоренного обучения, в частности на базе 10-месячных курсов по подготовке специалистов за рубежом;

2) организация экспериментов по определению возможности получения гипнопедического эффекта в практике обучения иностранным языкам при кафедре психологии и, в частности, в Лаборатории экспериментальной фонетики;

3) координация работ в данной области, ведущихся в вузах страны, на базе Межвузовского кабинета методики обучения иностранным языкам при I МГПИИЯ им. Мориса Тореза.

Л. Н. Родова

ОБ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Практика преподавания двух или нескольких языков одновременно одному контингенту учащихся неизбежно ставит общелингвистические проблемы сопоставления изучаемых языков и, кроме того, требует своего особого подхода к процессу их преподавания. Эти вопросы тем более актуальны, что программой языковых вузов предусмотрено обязательное овладение двумя иностранными языками. Между тем, работ, посвященных преподаванию второго иностранного языка, обидно мало.¹

При определении наиболее рациональных принципов изучения языков необходимо максимально учитывать как особенности изучаемых языков (их типологическое сходство и различие), так и особенности самого контингента обучающихся. Имеют значение многие факторы: возраст, профессиональная подготовка, последовательность изучения языков, степень владения основным иностранным языком, задачи изучения второго иностранного языка, индивидуальные способы запоминания и изучения материала, выработавшиеся при овладении первым иностранным языком и т. д.

В данной статье речь идет о преподавании французского языка в качестве языка второй специальности студентам, изучающим английский язык в качестве первой специальности.

¹ Непосредственно к этой теме относятся две очень содержательные статьи М. А. Дарской: *Методика работы над вторым языком на первом этапе обучения (немецкий язык для студентов англ. ф-та)*; *Место сопоставления в преподавании иностранного языка (на материале датского языка)*. Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 124, 1963, стр. 3—29 и 30—60. Автор рассматривает начальный этап — вводно-теоретический курс по второму языку.

К началу изучения французского языка студенты, получающие лингвистическую подготовку, имеют уже навыки и знания по английскому языку в пределах двух курсов языкового вуза. В общей массе студенты, как правило, охотно изучают французский язык и активно стремятся овладеть им практически.

При изучении иностранных языков языковые системы своеобразно накладываются друг на друга в сознании индивидуума. Изучающих иностранные языки и использующих их в своей речи можно условно считать билингвами (если изучается несколько языков — полиглоти), а изучаемые языки — находящимися в контакте. Разумеется, это не этнический билингвизм, возникающий в реальных человеческих коллективах, а «учебный», который имеет временный, переходящий характер. В дальнейшем «учебный» билингвизм должен, в идеале, перейти в «чистый», так называемый «несмешанный», билингвизм¹, при котором билингв в равной степени владеет обоими языками.

Чрезвычайно важным представляется вопрос, как происходит процесс мышления и речи у людей, владеющих несколькими языками. От ответа на этот вопрос в значительной степени зависят принципы преподавания языков и, соответственно, наиболее рациональные методы их преподавания. Этот вопрос относится к сфере «большой лингвистики» и связан с проблемой «язык — сознание — действительность».² Остановимся лишь на некоторых моментах, имеющих отношение к теме данной статьи. Известно, что существуют различные точки зрения относительно зависимости между мышлением и процессом мышления, с одной стороны, и языковыми формами — с другой. Так, теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа исходит из того, что между мышлением народа и структурой языка, на котором он говорит, существует прямая зависимость.³

Если следовать этой теории, то в применении к проблеме соотношения между языком и мышлением при многоязычии

¹ Л. В. Щерба. О понятии смещения языков. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958, стр. 41—51.

² См. о соотношении мышления и речи при многоязычии U. Weinreich. Languages in contact. The Hague, 1963, p. 9—11; F. Суфиев. Проблемные вопросы психологии двуязычия. Сб. «Педагогика и психология». Алма-Ата, 1965; Н. С. Магин. О соотношении двух языков в сознании и деятельности полиглотов. Материалы Ленинградской зональной психологической конференции 16—20 мая 1958 г.

³ Бенджамин Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика. Сб. «Новое в лингвистике». Вып. 1. М., 1960, стр. 135—198. Критика теории Сепира-Уорфа: В. А. Звегинцев. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа. Там же, стр. 111—134.

пришлось бы признать, что индивидуум, владеющий несколькими языками, имеет несколько «мышлений», которые он меняет в зависимости от того, на каком языке говорит в каждый данный момент, что, разумеется, невозможно.

Все языки мира передают единую объективную действительность и имеют единую функцию — быть непосредственной действительностью мысли (Маркс). Каждый язык в отдельности качественно своеобразен и выполняет эту единую для всех языков функцию своими особыми средствами. Общим для всех языков является наличие определенных мыслительных категорий, важнейшей из которых является смысл. Смысл представляет собой экстралингвистическое явление, находящееся вне системы какого-либо языка и относящееся к сфере сознания.¹ Мышление едино, не может быть двойного, тройного или какого-либо иного мышления. В конкретных языках мыслительные категории находят свое выражение в категориях языка, причем между ними могут быть, и имеются, отличия.

При изучении второго, третьего и т. д. чужого языка индивидуум, благодаря изучению одного какого-либо чужого языка, уже ясно осознал, что выражение одного и того же смысла осуществляется разными языковыми средствами, он уже вышел за пределы рамок родного языка.

Как происходит при многоязычии переход от системы одного языка к системе другого языка, непосредственно наблюдать невозможно. Как показывает опыт преподавания языков, влияние родного языка, а также чужого, которым индивидуум овладел ранее, проявляется в переносе системы навыков родного языка и ранее изученных языков на чужие незнакомые или малознакомые языки² под влиянием норм, моделей другого языка.³ Именно эти отклонения, интерференция являются доступным наблюдению объективным свидетельством процессов, возникающих при переходе от одного языка к другому. Изучение особенностей интерференции при контакте определенных конкретных языков позволяет сделать выво-

¹ Н. А. Слюсарева. Смысл как экстралингвистическое явление. Сб. «Как подготовить интересный урок иностранного языка». М., 1963, стр. 193.

² О переносе навыков родного языка на иностранный см. R. Lado. *Linguistics across cultures. Applied Linguistics for Language Teachers.* Michigan Univ., 1957.

³ Имеется в виду интерференция в лингвистическом плане. U. Weinreich. *Op. cit.*, p. 7. Об интерференции см. также В. Ю. Розенцвейг и Л. М. Уман. К проблеме грамматической интерференции. Сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962; В. Ю. Розенцвейг. Языковые контакты и преподавание языков. «Русский язык в национальной школе». М., 1964, № 4.

ды об особенностях их взаимодействия, а в плане преподавания языков — наметить пути сопоставления как сходных, так и различающихся явлений.

В данной статье анализируются примеры отклонений от нормы французского языка, которые связаны с интерферирующим влиянием английского языка и, кроме того, даются некоторые практические рекомендации по работе над сходными лексическими и грамматическими явлениями. Примеры зарегистрированы автором в ходе обучения французскому языку студентов английского факультета. Учитываются только типичные отклонения от нормы, т. е. явления, наблюдавшиеся неоднократно.

Фактором, стимулирующим интерференцию в области лексики, является материальное сходство соотносимых лексических единиц, особенно сходство орфографического образа слов-омографов типа *description, nature, place* и т. д. Проявления интерференции в области лексики весьма разнообразны, что может быть темой отдельной статьи. В данной статье остановимся на одном наиболее часто наблюдаемом явлении, которое заключается в том, что соотносимые слова употребляются в значении, которое свойственно им не во французском, а в английском языке. Фактором, стимулирующим данный частный тип интерференции, является совпадение некоторых значений соотносимых слов при несовпадении всей смысловой структуры в целом (такие слова принято считать ложными синонимами).

Рассмотрим некоторые примеры, сопоставляя их значения во французском и в английском языках.¹

Франц. яз.	Англ. яз.	Результат интерференции
caractère (m)	character	Le caractère
1. Характер, нрав	1. Характер	в значении англ. (5)
2. Свойство	2. Репутация	Например:
3. Буква, литера	3. Характеристика	Le caractère principal de
4. Положение, звание и т. д.	4. Фигура, личность	ce roman.
	5. Литературный образ, герсй, тип, роль, действующее лицо в драме и т. д.	
lecture (f)	lecture	La lecture
1. Чтение, читка	1. Лекция	в значении англ. (1)
2. Начитанность	2. Нотация, наставление	Например:
3. Материал для чтения		Hier nous avons eu une lecture très intéressante.

¹ Используются данные словарей: Французско-русский словарь К. А. Ганшиной. М., 1957; Англо-русский словарь В. К. Мюллера. М., 1965.

nouvelle (f)	novel	La nouvelle
1. Новость, вестъ	1. Роман	в значении англ. (1)
2. Известие	2. Новелла	Например:
3. Повесть, рассказ, повелла		La nouvelle de R. Rolland "Jean Christophe".
presser	to press	Presser
1. Жать, давить, прес- совать	1. Жать, нажимать	в значении англ. (10)
2. Сжимать	2. Давить	Например:
3. Торопить и т. д.	3. Прессовать и т. д.	presser le linge.
	10. Гладить (утюгом)	

В области сложных лексических единиц фактором, значительно стимулирующим интерференцию, является прозрачность состава, разложимость на отдельные части, обладающие относительной автономностью. В результате интерференции студенты строят сложную лексическую единицу следуя английскому языку, заменяя один из компонентов соответствующим словом (или морфемой) английского языка.

Франц. яз.	Англ. яз.	Результат интерференции
prêter attention	to pay attention	payer attention
passer son examen	to take an exami- nation	prendre son examen
avoir lieu	to take place	prendre place, avoir place, prendre lieu
suivre un cours	to attend a course to take a course	attendre un cours, prendre un cours
petits-enfants	grandchildren	grands-enfants
petit-fils	grandson	grand-fils
petite-fille	grand-daughter	grande-fille
mécontent	displeased	discontent
désarmer	to disarm	disarmer

На первых этапах изучения французского языка (у слабых студентов и на втором году обучения) во фразеологических оборотах глагол avoir заменяется глаголом être.

Франц. яз.	Англ. яз.	Результат интерференции
avoir vingt ans	to be twenty (years old)	être vingt (Ex. Je suis vingt)
avoir chaud, froid, peur, faim, etc.	to be hot, cold, afraid, thirsty, etc.	être chaud, froid, peur, faim, etc.
avoir du succès	to be a success	être du succès

Часто встречается интерференция в глагольных словосочетаниях, что проявляется в несовпадении особенностей глагольного управления. В интерферирующих конструкциях следует

отметить такие случаи, при которых предлоги опускаются по аналогии с моделями английского языка.

entrer dans la salle	to enter the hall	entrer la salle
sortir de la chambre	to leave the room	sortir la chambre
répondre à la question	to answer a question	répondre la question

Возможно и обратное явление — в интерферирующих конструкциях появляется предлог, отсутствующий в глагольных словосочетаниях французского языка.

attendre qch, qn	to wait for sth, smb	attendre pour qch, qn
regarder qch, qn	to look at sth, smb	regarder à qch

Наблюдается также замена одного предлога другим, причем соответствия предлогов устанавливаются самими учащимися интуитивно.

Франц. яз.	Англ. яз.	Результат интерференции
commencer par la lecture	to begin with reading	commencer avec la lecture
habiter une ville pendant vingt ans	to live in the town for twenty years	habiter une ville pour vingt ans

Фактором, стимулирующим интерференцию в области грамматики, является несходство моделей контактирующих языков. Грамматическая интерференция очень разнообразна, может проявляться как на уровне морфологии, так и на уровне синтаксиса.

Наиболее часто встречающийся тип интерференции и, к сожалению, довольно устойчивый относится к порядку слов. Во французском языке, как известно, существует тенденция не разрывать подлежащее и сказуемое, в особенности, если подлежащее выражено приглагольным местоимением. В английском языке положение обстоятельства между подлежащим и сказуемым обычно. Отсюда — интерферирующие модели, сохраняющие порядок слов английского предложения.

Франц. яз.	Англ. яз.	Результат интерференции
Nous écrivons souvent à nos amis	We often write to our friends	Nous souvent écrivons à nos amis
Il approuve toujours tout	He always approves everything	Il toujours approuve tout

Распространенным случаем интерференции в построении сложного предложения является неупотребление союза (в сложноподчиненных дополнительных предложениях) или относительного местоимения (в сложноподчиненных относительных).

Le livre que j'ai lu est très intéressant	The book I read is very interesting	Le livre j'ai lu est très intéressant
---	-------------------------------------	---------------------------------------

Le dictionnaire dont vous avez besoin est sur la table	The dictionary you need is on the table	Le dictionnaire vous avez besoin est sur la table
--	---	---

J'admets qu'il a raison	I admit he is right	J'admets il a raison
-------------------------	---------------------	----------------------

Различия в употреблении отрицаний также находят свое отражение в появлении интерферирующих моделей.

Personne ne savait où il fallait se diriger	Nobody knew where they should go	Personne savait où il fallait se diriger
---	----------------------------------	--

Il ne faisait rien	He did nothing	Il faisait rien
--------------------	----------------	-----------------

Характерной особенностью английского языка является возможность образования пассивной формы от непереходного глагола, что невозможно во французском. Отсюда интерференция типа:

On lui a donné un cahier	He was given a notebook	Il a été donné un cahier
--------------------------	-------------------------	--------------------------

On leur a dit de s'en aller	They were told to go away	Ils ont été dits de s'en aller
-----------------------------	---------------------------	--------------------------------

On lui a permis de fumer ici	She was allowed to smoke here	Elle a été permise de fumer ici
------------------------------	-------------------------------	---------------------------------

Восприятие языковых фактов в определенной системе, перенос системных грамматических связей с одного языка на другой также служат факторами, стимулирующими интерференцию.

Так, например, известно, что в английском языке после союзов *if* — *если*, *when* — *когда*, *as soon as* — *как только* и некоторых других будущие времена не употребляются. Во французском языке подобное явление происходит только после союза *si* — *если*. При интерференции неупотребление будущих времен наблюдается не только после союза *si*, но и после союзов *quand* — *когда*, *aussitôt que*, *dès que* — *как только*.

Aussitôt que j'aurai lu ce livre, je te le donnerai	I shall give the book to you as soon as I finish reading it.	Aussitôt que je lis ce livre, je te le donnerai
---	--	---

Еще пример: после глаголов, выражающих восприятие, во французском языке употребляется так называемое инфинитивное предложение *proposition infinitive*. В английском языке употребляется аналогичная конструкция, которую в английской грамматической литературе принято называть комплексами — *accusative with the infinitive* (лишний пример расхождений в грамматических традициях).

Отличие заключается в том, что во французском языке данный тип предложений употребляется значительно более ограниченно. В частности, инфинитивные предложения не употребляются после глаголов желания. Если учащийся полностью переносит всю систему комплексов английского языка в свою речь на французском языке, то появляются конструкции типа:

Франц. яз.	Англ. яз.	Результат интерференции
L'étudiant veut que cet élève rattrape la classe	The student wants the pupil to catch up with his class	L'étudiant veut cet élève rattraper la classe
Il ne voulait pas que Carmen tuât l'étranger	He did not want Carmen to kill the stranger	Il ne voulait pas Carmen tuer l'étranger

Наблюдения показывают, что явления интерференции при одновременном изучении двух иностранных языков встречаются довольно часто. Представляется, что интерферирующее влияние ранее изученного языка следует максимально использовать в случаях совпадения явлений, а в случаях несовпадения, опираясь на научно обоснованные параллели, правильно ориентировать в этом отношении учащихся, оказывая тем самым противодействие интерференции. Отбор языкового материала, последовательность его изучения должны предопределяться особенностями изучаемых языков. В целом ряде случаев искажения моделей соответствуют таким различиям в изучаемых языках, которые могут быть выявлены при сопоставительном анализе. Для этого необходимы лингвистические исследования сопоставительного плана, которые, к сожалению, еще крайне немногочисленны.¹ Определенную информацию в этом отношении могут дать зарубежные учебные пособия, в частности, учебники французского языка для лиц, говорящих по-английски.²

Особенностью изучения второго иностранного языка является взаимодействие трех систем навыков: родного языка, первого иностранного языка и второго иностранного языка. Как показывает анализ типов интерференции и практика преподавания, преобладает интерферирующее влияние не родного языка, а иностранного языка, изучавшегося первым. Так,

¹ По сопоставлению английского и французского языков J. Vinay, J. Darbelnet. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris, 1959.

² J. Greene: *Reflex French*. Toronto, 1960; J. Lannois. *Thirty steps to French*. London, 1964; C.-S. Parker. *Review and Progress in French*. N.-Y., 1964; A. Valdman. *Applied linguistics French*. Boston, 1961 и др.

при изучении французского языка на базе английского русскими учащимися преобладает интерферирующее влияние английского языка. В целом ряде случаев, несмотря на совпадение с русским языком, наблюдаются искажения во французском языке под влиянием английского. Возвращаясь к примерам, приведенным в данной статье, отметим, что смысловая структура русского слова *характер* ближе к французскому *le caractère*, чем смысловая структура английского слова *character*; русское *иметь место* ближе к французскому *avoir lieu*, чем английское *to take place*; русское *иметь успех* ближе к французскому *avoir du succès*, чем английское *to be a success* и т. д.

В области грамматики также есть ряд схождений между русским и французским и расхождений с английским; например, в употреблении союза и относительного местоимения в сложных предложениях, в употреблении отрицаний, пассивной формы глагола, конструкций после глаголов желания.

При изучении сходных языковых явлений следует начинать с объяснений сопоставительного характера, фиксирующих внимание как на схождениях, так и на расхождениях явлений. Такого рода объяснение вызывает обычно любознательность студентов, в особенности студентов-лингвистов. Например, для определения схождений и расхождений в структуре значения слова определяются соответствия по францужско-русскому и англо-русскому словарю. Эта работа, как правило, предлагается самим студентам в качестве домашнего задания. Особое внимание фиксируется, разумеется, на расхождениях. В случаях расхождений даются соответствующие лексические единицы обоих языков.

Например, в целях предупреждения типичной ошибки **achever un but* (в значении «достичь цели») приводится основное значение французского глагола *achever* — *кончать, завершать* и английского *to achieve* — *достигать, добиваться*, а также лексическая единица английского языка, соответствующая по значению французскому глаголу *achever* — *to finish*, и лексическая единица французского языка, соответствующая по значению английскому глаголу *to achieve* — *atteindre*. То же целесообразно сделать и в отношении производных (в данном случае существительных *achèvement* (m), *achievement*). В качестве упражнений на дифференциацию значений можно использовать перевод. В тех случаях, когда расхождения существуют между всеми тремя языками и русский язык не может служить фактором, противодействующим интерферирующему влиянию английского, можно предложить двуязычные англо-французские упражнения, в частности, пере-

вод с английского на французский. Например, при изучении таких лексических единиц, как *avoir froid, avoir chaud* во французском языке, во избежание интерферирующих конструкций типа **être froid, chaud*. Полному переводу можно предпослать условный, либо, в целях экономии времени, ограничиться условным переводом на английский язык, изучение которого не является нашей задачей. Привлечение английского языка, с нашей точки зрения, необходимо, так как подчеркивание различий между французским и английским противодействует их интерференции.

При составлении упражнений следует учитывать, помимо расхождений в структуре значения, также расхождения в сочетаемости лексических единиц. Упражнения на дифференциацию значений приучают учащихся к незнакомому значению слов, которые кажутся им знакомыми на основе ложной аналогии с английским.

При изучении грамматических явлений следует учитывать два момента:

а) сходно или не сходно данное явление во французском языке с соответствующим явлением в русском языке;

б) можно или нельзя вывести правила замены грамматического явления в английском языке соотносимым явлением во французском языке. Этот пункт требует пояснения.

В некоторых случаях разноструктурные модели оказываются синонимичными в разных языках. Так, после глаголов, выражающих желание, в английском языке употребляются комплексы, а во французском языке — придаточные дополнительные предложения с глаголом в сослагательном наклонении. Они являются своего рода межъязыковыми синтаксическими синонимами и взаимно заменяются при переходе от одного языка к другому. Следовательно, учащимся нужно дать правила замены, не только предупреждающие ошибки, но и дающие определенные рекомендации для использования сопоставляемых явлений.

В ряде случаев следует применить и сопоставление с русским языком, и правила замены. Например, при изучении залогов в обоих языках следует привлечь соответствия с русским языком, так как в русском и французском языках, в отличие от английского, пассивная форма образуется только от переходных глаголов. Следует дать также правила замены конструкций английского языка с непереходным глаголом неопределенно-личной конструкцией французского языка. Двухязычные и, частично, трехязычные упражнения составляются так, чтобы в них встречались соответствия:

Переходный глагол

Англ. яз.

Франц. яз.

Русск. яз.

Пассивная форма

The composition was written by the student N.	La composition a été écrite par l'étudiant N.	Сочинение было написано студентом Н.
---	---	--------------------------------------

Непереходный глагол

Англ. яз.

Франц. яз.

Русск. яз.

пассивная форма

неопределенно-личная конструкция

He was told to come tomorrow	On lui a dit de venir demain	Ему сказали прийти завтра
------------------------------	------------------------------	---------------------------

Таким образом, привлекаются и правила замены английского грамматического явления соответствующим французским, и сопоставление с русским языком.

Анализ типичных явлений интерференции в речи учащихся, изучающих два иностранных языка одновременно, позволяет сделать некоторые выводы относительно роли и значения сопоставления при преподавании второго иностранного языка.

Сопоставление языков дает возможность выработать наиболее рациональные пути семантизации сходной лексики, изучения сходных грамматических явлений, а также разработать практические рекомендации в целях предупреждения ошибок, связанных с интерференцией изучаемых языков.

Сопоставление языков в процессе их преподавания учитывает естественное стремление учащихся опираться на знакомый материал, изученный при работе над первым иностранным языком. Сопоставительный анализ способствует расширению лингвистического кругозора учащихся.

**Докторские диссертации, защищенные преподавателями
института за последние 10 лет**

Общее языкознание

В докторской диссертации Г. В. Колшанского «Проблемы логического анализа структуры языка», защищенной в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1964 г., рассматриваются основные проблемы в области соотношения логического строя мышления и структуры языка.

Теоретическое и прикладное языкознание в последнее время интенсивно использует достижения различных смежных наук (психология, логика) и строгие методы исследования (математические) в целях всестороннего рассмотрения языковых явлений и создания теории, адекватно описывающей систему языка. Анализ языка с привлечением данных логической науки, обнимающий собою в настоящее время основные гносеологические вопросы изучения законов и форм мышления в рамках диалектической логики и специальные вопросы изучения структуры знания в рамках формальной (математической) логики, приобретает важное значение в связи с тем, что содержательная интерпретация любой формально-языковой структуры в первую очередь сопрягается с ее внутренним логическим содержанием.

В диссертации рассматриваются такие вопросы, как суждение и его виды и отношение суждения к строю предложения. Ураковка этих разделов в диссертации дается в ином свете, нежели это принято в языкознании, и автор выставляет тезис о безусловном единстве структуры суждения и структуры предложения.

На конкретном материале по различным видам и типам предложений основных европейских языков проводится дока-

зательство этого тезиса. При решении вопроса о составе предложения в диссертации защищается принцип о единой структуре предложения как всеобщего типа для всех языков, а именно о двучленной структуре предложений. Понятие односоставного предложения относится автором только к области морфологии, лексики, но не синтаксиса.

Отдельно анализируется проблема соотношения членов суждения (субъект и предикат) и грамматических членов предложения.

Большое место в диссертации занимает вопрос о т. н. второстепенных членах предложения, решение которого дается автором в свете иерархии синтаксического членения по уровням, а именно, по уровню членое предложения, членов членов и т. д.

Интересный материал содержится в разделе о сложных предложениях о характере и типе связи в них.

Совершенно новым разделом, не затрагиваемым ранее в трудах, посвященных проблемам логики и грамматики, является также раздел о структуре предложения в логико-семантическом аспекте, куда отнесены такие вопросы, как признак грамматической и логической правильности (отмеченности) предложений и понятие логического инварианта при трансформации предложений. Из общих вопросов темы «логика и структура языка» подвергается анализу также семантика слова под углом зрения достижений современной формальной логики, а именно, в свете таких понятий, как денотат и сигнификат.

Введение в сферу языкового анализа указанных понятий в значительной степени в новом свете представило проблему соотношения плана содержания и плана выражения слова.

Большой интерес представляет в диссертации также глава, посвященная концепции Сепира-Уорфа. Автор дает новое решение проблемы соотношения структуры мышления и языковых фактов. В пределах языкового анализа объясняет т. н. расхождение языкового опыта («языковое членение мира») и общих человеческих основ мышления.

В целом диссертация представляет собой исследование, посвященное актуальным вопросам языкознания и логики, и предлагающее по ряду вопросов новое и оригинальное решение.

Английский язык

Задачей докторской диссертации А. В. Кунина «Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря, защищенной в I МГПИИЯ в 1964 г., является разра-

ботка основных понятий английской фразеологии как лингвистической дисциплины, описание структурно-семантических типов английских фразеологических единиц и обоснование принципов создания англо-русского фразеологического словаря. Во введении к диссертации дается подробный обзор работ зарубежных и русских ученых по вопросам фразеологии. Первая глава диссертации посвящена рассмотрению общих вопросов теории фразеологии: проблема зависимостей компонентов словесного образования, типы дистрибуции фразеологических единиц, переменные сочетания слов и устойчивость фразеологических единиц, а также метод изучения фразеологических единиц. В гл. II рассматриваются основные вопросы английской фразеологии: фразеологическая вариантность и структурная синонимия, показатели раздельнооформленности, а также структурно-семантические типы фразеологических единиц в английском языке. В рамках структурно-семантической классификации дается описание фразеологических единиц. В гл. III рассматриваются устойчивые словесные группы нефразеологического характера. Гл. IV посвящена вопросам лексикографии и перевода: 1) принципы подачи устойчивых сочетаний слов в английских и американских справочных изданиях и в некоторых отечественных иностранно-русских словарях и справочниках; 2) англо-русский фразеологический словарь. В этом разделе рассматриваются вопросы отбора фразеологических единиц в словаре, система их расположения и перевод на русский язык. А. В. Кунин предлагает новый метод идентификации фразеологических единиц, основанный на формальных показателях их устойчивости и раздельнооформленности, а также на объективном учете зависимостей их компонентов, т. е. соотношения элементов и структуры, и переосмысления компонентов фразеологизма. Основными признаками фразеологических единиц автор считает устойчивость на фразеологическом уровне не ниже минимальной, раздельнооформленность и полное или частичное переосмысление компонентов. В диссертации дается обоснование необходимости выделения теории фразеологии в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины.

* *
*

Задачей докторской диссертации Л. С. Бархударова «Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка», защищенной в I МГПИИЯ в 1965 г., является теоретическое освещение основных вопросов, связанных с описанием и истолкованием синтаксической структуры простого предложения современного английского языка. Ос-

новой части диссертации предпослано введение, в котором излагается точка зрения автора на основные вопросы грамматики: понимание сущности грамматического строя, основных единиц грамматического строя и принципов грамматических исследований. В первой главе рассматриваются основные теоретические модели предложения, существующие в современной лингвистике: модель «членов предложения», модель непосредственно-составляющих, дистрибутивная модель и трансформационная модель. Во второй главе диссертации дается анализ и определение некоторых фундаментальных понятий синтаксиса: понятий синтаксической связи, синтаксической функции и отношения по «трансформационной истории», а также вопрос о типах синтаксической связи и критериях их выделения. Третья глава посвящена изучению словосочетаний современного английского языка; в ней дается подробное описание и анализ различных типов подчинительных, сочинительных и предикативных сочетаний и способов выражения связи между составляющими этих словосочетаний. Четвертая глава диссертации посвящена рассмотрению структуры английского предложения как такового; здесь освещаются такие проблемы, как сущность предложения в английском языке, подлежащно-сказуемая структура предложения, типы подлежащего и сказуемого, выражение синтаксической связи между подлежащим и сказуемым, структурные типы предложений (с особым упором на рассмотрение проблемы эллиптических предложений). В заключении формулируется положение о необходимости при изучении синтаксиса современного английского языка синтезировать различные теоретические модели в рамках единого и непротиворечивого описания.

* *

*

И. Р. Гальперин защитил в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1962 г. в качестве докторской диссертации свою книгу «**Очерки по стилистике английского языка**». В этой монографии обстоятельно рассматриваются все важнейшие вопросы стилистики английского языка на фоне общей теории языкового стиля.

* *

*

А. Д. Швейцер защитил в I МГПИИЯ им. М. Горького в 1967 г. докторскую диссертацию «**Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка**».

В диссертации рассматривается проблема дифференци-

альных признаков вариантов английского языка и устанавливается отличие этих вариантов в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

Французский язык

Докторская диссертация К. А. Аллендорф «Значение и изменение значений слов», защищенная в 1 МГПИИЯ им. М. Тореза в 1966 г., посвящена основным вопросам семасиологии. На протяжении истории языкознания проблема слова решалась со многих позиций.

В настоящее время в советском языкознании более или менее четко определились два различных подхода к рассмотрению значения слова. Первый, продолжая традиции советского языкознания, рассматривает значение слова как величину «абсолютную», присущую слову как результат гносеологического процесса. Второй подход, наметившийся в структуральной и позже в советской структуральной лингвистике, рассматривает значение слова как величину «релятивную», создающуюся в результате различных взаимосвязей и взаимоотношений. При трактовке значения как отношения и только отношения лексическое значение приравнивается к любому языковому «знаку» и изучается наравне с другими языковыми знаками (морфемой, фонемой).

Значение диссертации К. А. Аллендорф состоит в том, что в ней на основе анализа всех более или менее значительных семасиологических работ зарубежных, русских и советских ученых, а также на основе анализа конкретного языкового материала систематизируются основные вопросы семасиологии. Этими вопросами являются: 1) значение слова, 2) семантическое развитие слова. Соответственно этому материал в диссертации распределяется следующим образом.

В I главе дается описание развития семасиологии как науки в отечественном и зарубежном языкознании. В этой главе собран и систематизирован богатейший материал, который уже сам по себе имеет большую ценность для истории и теории семасиологии.

Глава II посвящена проблеме значения слова — пансинхронной семасиологии, как она названа в работе. Это глава обобщает и систематизирует очень большой и сложный материал, который является основой для определения специфики лексического значения слова. Подробно анализируется т. н. семасиологический треугольник, определяющий структуру лексического значения (объективная действительность, понятие, слово). На данной основе рассматриваются виды или типы значений слова, полисемия, омонимия, синонимия. Иссле-

дование ведется в плане панхронии, т. е. изучаются семантические отношения и связи (синхрония), свойственные всем языкам. Автор считает правомерным такое исследование материала, поскольку данный аспект рассмотрения обеспечивает базу для выявления специфики лексической и семантической систем конкретного языка.

В главе III рассматривается семантическое развитие слов на конкретном материале различных языков. В этой главе анализируются основные пути семантического развития слов (диахрония), характерные для любого языка (панхрония). Главной задачей этого исследования является установление и теоретическое осмысление обусловленности развития значений слов.

При освещении центральных проблем автор занимает четкую методологическую позицию в рассмотрении языка как особого общественного явления и единицы языка — слова — как особого явления, которое не может быть приравнено к прочим и в том числе других языковым знакам. Это дало автору возможность определить лексическое значение слова как смысловое содержание слова, образующееся в результате гносеологического процесса и развивающееся как звено определенной языковой (семантической) системы.

Достоинством диссертации является также сочетание достижений традиционной семасиологии с новыми аспектами исследования языка — рассмотрение слова, значения слова, изменения значения слова как члена лексической или семантической системы языка.

* *
*

Постулируемая в докторской диссертации Л. И. Илия «Типы словосочетаний в современном французском языке», защищенной в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1960 г., возможность определения формы словосочетания как особого типа синтагмы, синтаксической единицы, отличной от слова и предложения, заставляет автора остановиться на проблеме словосочетания и содержания термина. Как известно, термин «словосочетание» употребляется в лингвистической литературе для обозначения синтаксических структур очень различного типа (см. определения Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, В. П. Сухотина, акад. В. В. Виноградова и многие другие). Всякое определение налагает ограничения на выбор признаков определяемой единицы и, следовательно, в известной мере условно. В диссертации принимается понимание термина, наиболее широко принятое в советской лингвистике, как синтагмы, образуемой двумя словами неслужеб-

ными. Слова служебные могут входить в словосочетание только вместе со словами-конституентами синтагмы.

В работе постулируется выделяемость слова и неоднородность классов слов. Классы слов различаются своими дистрибутивными свойствами, лексическим значением и способом сочетания с другими словами. Эти два фактора определяют комбинаторные свойства части речи. Исследование комбинаторных возможностей частей речи ведет к различению типов словосочетаний, что и является задачей, поставленной в диссертации по отношению к французскому языку.

Словосочетания определяются не только в плане синтагматическом, как линейные отрезки речевой цепи, образуемые свойством сочетаемости со словами смежными, но и в плане парадигматическом, как совокупность структурных единиц, элементов относительно замкнутой системы.

Исследование типов словосочетаний приводит автора к заключению, что дистрибутивные свойства части речи не только определяют тип словосочетания, но и видоизменяются, подчиняясь его форме. Именно словосочетание служит тем ближайшим и минимальным контекстом, в котором расширяются комбинаторные свойства частей речи, осуществляется функциональная транспозиция частей речи (термин Ш. Балли). Так называемая субстантивация, адъективация, адвербиализация должны рассматриваться прежде всего как явление обмена функциями между частями речи, но могут быть и источником расширения словарного состава языка.

Проблема словосочетания связана с общей проблемой выделения синтаксических единиц и методов членения синтаксического целого, «фразы» или «предложения», в зависимости от избираемого уровня и метода анализа. Поэтому анализу формы словосочетания в диссертации предпослан критический обзор современных методов лингвистического анализа, охватывающий работы советских и зарубежных лингвистов в этой области за период приблизительно с 30-х годов до 1960 года.

Докторская диссертация Л. И. Илия представляет собой глубокое и интересное исследование в мало изученной области романской филологии.

Вопрос о выделяемости словосочетания как особой синтаксической единицы не ставился по отношению к французскому языку в связи со слабой выделяемостью слова во французском языке. В своем исследовании Л. И. Илия убедительно показала, что и для французского языка, хотя и языка аналитического строя, словосочетание является особой единицей грамматики, отличной от слова и предложения.

Докторская диссертация И. И. Чернышевой «Фразеология современного немецкого языка», защищенная в I МГПИИЯ им. М. Тореца в 1964 г., представляет собой первую и пока единственную монографию, посвященную синхронному исследованию фразеологии современного немецкого языка в целом. Ее общие методологические посылки могут быть сформулированы следующим образом: язык представляет собой систему во всех своих уровнях и звеньях; язык — общественное явление, система, стабильная в определенный период своего развития и в то же время подвижная, связанная с историей народа; национальные особенности языка не могут не отражаться на всей системе; дихотомия язык — речь определяет взаимодействие и функционирование всех исследуемых единиц. Конкретное освещение в диссертации получили следующие моменты: формирование учения о фразеологии как лингвистической дисциплины и ее состояние в настоящее время; различные типы имеющихся классификаций фразеологии и точки зрения на них автора; особенности фразеологической системы в целом и отдельных групп фразеологии; место фразеологии в общей системе языка. Несмотря на то, что автор не ставил себе целью дать анализ фразеологических словарей, что представляет собой предмет специального исследования, диссертация содержит ряд интересных сведений по лексикологии фразеологии. В связи с тем, что отдельные проблемы фразеологии немецкого языка ранее получили освещение в статьях, кандидатских диссертациях, разделах лексикологических работ, автор преследует задачу, суммируя все имеющиеся сведения, подробно остановиться на вопросах дискуссионных или недостаточно освещенных. К дискуссионным вопросам, имеющим общетеоретическое значение, относится в первую очередь классификация фразеологических единиц и их отграничение от нефразеологизованных словосоединений. Исходя из комплекса критериев (способ образования, взаимосвязь значения, структуры, компонентного состава устойчивых словосоединений, их стилевые особенности), автор предлагает свою собственную оригинальную классификацию фразеологии, включающую 4 основных типа соединений с дальнейшими подразделениями. Из числа недостаточно или совсем не освещенных в имеющейся литературе вопросов в диссертации подробно исследованы: «компаративные» фразеологические единицы (т. е. возникшие на основе образного сравнения); устойчивые словосочетания т. н. именного стиля; синонимия и полисемия фразеологических единиц; фразеологическая деривация (т. е. участие фразеологии в развитии

словарного состава языка). В итоге монография представляет собой исчерпывающее описание фразеологии современного немецкого языка и содержит ряд положений, имеющих значение для общей теории фразеологии и для определения места этой теории в современном языкознании.

* *
*

Докторская диссертация Е. В. Гулыга «Сложноподчиненное предложение (на материале современного немецкого языка)», защищенная в I МГПИИЯ в 1962 г., охватывает проблему гипотаксиса в современном немецком языке во всей ее полноте, несмотря на то, что автор ограничил свою задачу исследования сложноподчиненного предложения лишь предложениями с придаточными I-й степени. Основу диссертации составляет классификация сложноподчиненных предложений, исходящая из числа и характера включенных в них «семантических ядер», — иначе степени синсемантики их составных частей. Эта классификация представляет собой дальнейшее развитие теории «одно»-«двучленности» сложноподчиненного предложения, одним из существенных этапов которой следует считать работы по сложному предложению в русском языке Н. С. Поспелова. Одновременно диссертация Е. В. Гулыга включает в толкование природы сложноподчиненного предложения ряд новых моментов: их общая классификация связана с наличием «предикативных линий», с «моно»- и «бимодальностью» предложения в целом, с общими условиями функционирования сложноподчиненного предложения в языке.

В диссертации определены: место сложноподчиненного предложения в системе немецкого синтаксиса, его системный характер, его коррелятивные и системные связи с единицами других уровней, наличие четких группировок в общей системе гипотаксиса и одновременно переходных и смежных явлений. Опираясь на оригинальную классификацию сложноподчиненных предложений как целостных единиц, автор показывает ее соотношение с традиционной синтаксической классификацией придаточных предложений и объясняет причины пробелов и неточностей последней. Методика исследования гипотаксиса основана на принципе моделирования синтаксических структур, при понимании модели (соответственно английскому термину «pattern»), выявляемому в работах Сепира, Фриза и др. зарубежных авторов (у нас — в работах Т. П. Ломтева). Модель сложноподчиненного предложения складывается из постоянных элементов или величин главного и придаточного предложений. 69 моделей, выделенных автором, с их вариан-

тами охватывают в основном всю сложную систему гипотаксиса современного немецкого языка. Помимо 2-й, 3-й, 4-й глав диссертации, содержащих ее основные теоретические положения и основной анализ большого текстового материала, значительный интерес представляют: 1-я глава, предметом которой является тщательно выполненный критический обзор литературы по гипотаксису; 5-я глава, посвященная синтаксису косвенной речи и выделяющаяся как отдельное самостоятельное исследование; 6-я глава, в которой рассматриваются придаточные предложения, функционирующие в качестве самостоятельных, и «псевдопридаточные» предложения; 7-я глава — о месте сложноподчиненного предложения в системе синтаксиса, где показано соотношение сложноподчиненного предложения со сложносочиненным, а также придаточных предложений с членами предложения в плане функциональной синонимии.

* * *

Докторская диссертация Е. И. Шендельс «Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке)», защищенная в I МГПИИЯ в 1964 г., представляет собой синхронное исследование глагольной системы современного немецкого языка. Основными связями, обеспечивающими системность глагольных форм, оказываются полнота и синонимия.

В диссертации разработана теория грамматической синонимии и полисемии, основой которой послужил анализ по семам. Сема определяется как минимальный выделяемый элемент грамматического значения; при противопоставлении форм сема служит дифференциальным признаком. Совокупность сем составляет категориальное или денотативное значение формы. Исследование проводится в парадигматическом и синтагматическом плане, поскольку основное значение формы и есть ее парадигматическое значение, выявляемое в нейтральном контексте, а производные или второстепенные — синтагматические создаются в определенных речевых условиях под давлением контекста.

Особое внимание в диссертации уделяется оппозициям, образованным категориальными формами, если они объединены общим смысловым признаком и противопоставлены по одному или нескольким дифференциальным признакам. Оппозиция существует постольку, поскольку один член отрицает признак своего члена через утверждение другого признака. Однако при функционировании форм в речи противочлены могут терять свои различительные признаки и сблизиться вплоть до превращения в синонимы. В диссертации показы-

вається, що явлення це не парадокс, а закономірність, називається нейтралізацією. Нейтралізація може відбуватися шляхом транспозиції одного члена опозиції в область використання другого члена, а також під впливом внутрішньої лексическої обумовленості або особливих стилевих умов.

Вибір синонімічних форм виявляється не безрізницею ні для говорящого, ні для слухаючого, так як від обраної форми залежить комунікативний ефект висловлювання. Для виявлення суб'єктивної сторони в семантиці форми денотативний рівень аналізу виявляється недостаточним і автор вводить коннотативний рівень аналізу. Коннотативний рівень — смежний між граматикою і стилістикою: коннотативні значення виникають також як результат різних прийомів сцеплення граматических форм.

В дисертації виявляються основні причини вибору синонімів, до яких належать: 1) закон змінливого кута зору, 2) стиль речі, 3) соціальне оточення або ситуація, 4) діалектальне вплив, 5) лексический фактор, 6) оттакування від омонимії, 7) естетический фактор.

Синоніми обмежуються від смежних явлень алломорфів, дублетів і значимих варіантів. Дана класифікація міжаспектних синонімів, які поділяються на лексическі, граматическі і словообразовательні. Предметом дослідження є морфологіческі синоніми, які разом з синтаксическими утворюють граматическі синоніми. Але і морфологіческі синоніми в свою чергу не є однорідними, а розпадаються на 1) системні і 2) контекстуальні.

На основі всебічного дослідження глагольних форм часу, загогу і нахилу, а також нелических форм автор приходить до висновку про те, що синоніміческі зв'язи належать до системних зв'язів. Синонімія морфологіческих форм переростає морфологіческий рівень, оскільки вона в основному реалізується в процесі речі. Всебічний характер синоніміческих відносин в граматическому будові, елементи якого протиставлені одні одній, це виявлення діалектическої сутності мови.

* *
*

Докторська дисертація М. Д. Степанової «Словоскладення в сучасному німецькому мові», захищенна в 1960 г. в Ленінградському державному університеті ім. Жданова, є далішим розвитком її опублікованої в 1953 г. монографії «Словообразування сучасного німецького мови», де показано, що словоскладення стає

центром всей словообразовательной системы немецкого языка. Лексика современного немецкого языка переживает «эпоху словосложения». Описанию этого процесса, исследованию всех типов сложных слов, установлению основных функций словосложения посвящена докторская диссертация М. Д. Степановой.

Особенностью немецкого словосложения является его двойная функция: с одной стороны, оно служит способом словообразования, обогащения словарного состава языка, с другой стороны, оно обладает ярко выраженной синтаксической природой. Словосложение проникает в синтаксис немецкого предложения в том смысле, что определенным типам словосочетаний соответствуют сложные слова, в которых отношения между компонентами специально грамматически не выражены: ср. *der Trauminhalt seiner Schüler — der Inhalt der Träume seiner Schüler*; *das Herz abdrückend — herzabdrückend* *Sehnsucht nach Italien — Italiensehnsucht*. М. Д. Степанова подразделяет сложные слова на «цельнонаправленные» и «раздельнонаправленные»; первые характеризуются цельностью номинации и сближаются в этом плане с производными и корневыми словами; их компоненты претерпевают значительные смысловые сдвиги по сравнению с опорными словами (*die Mitgift, die Ohrfeige*); вторые обозначают предметы и явления не обособленно от других, а совместно с их случайными, факультативными признаками, сопутствующими обстоятельствами и т. п. и сближаются в этом плане со словосочетаниями (см. *Sofaplatz, Olga — Besuch*). Такие сложные слова полностью ситуативны и приобретают конкретное значение в контексте. В диссертации подробно описываются все модели обоих типов, узуальные и окказиональные образования, синонимия со словосочетаниями, факторы, влияющие на выбор того или иного средства, их стилистическая окраска. Большое внимание уделяется условиям взаимозаменяемости сложных слов и словосочетаний. На большом языковом материале показаны богатые выразительные возможности взаимозаменяемости и в то же время ограниченность ее: не каждое сложное слово может быть заменено словосочетанием и не каждое словосочетание может иметь эквивалент в форме сложного слова. Это зависит от условий, подразделяемых на контекстуально-семантические, контекстуально-грамматические, контекстуально-стилистические и контекстуально-коммуникативные.

Значение работы М. Д. Степановой не только в исчерпывающем описании словосложения во всех классах слов современного немецкого языка, но и в раскрытии роли словосложения в системе языка в целом, в понимании его связи со

всеми другими способами словообразования, в частности, в обосновании теории образования «полуаффиксов». Двойная функция словосложения определяет его связь не только с лексикой, но и с синтаксисом. Однако автор приходит к выводу, что в настоящее время функция развития словарного состава является основной, а синтаксическая функция подчиненной. Поэтому происходит не столько «синтаксизация» сложных слов, сколько частичная «лексикализация» ряда словосочетаний. «Взаимовлияние сложных слов и словосочетаний, вызывающее частичную «лексикализацию» синтаксиса, следует считать наряду с ведущей ролью словосложения в обогащении словарного состава одной из наиболее характерных и устойчивых тенденций в развитии строя современного немецкого языка».

СОДЕРЖАНИЕ

I. Лингвистика

	<i>Стр.</i>
<i>М. Д. Степинова</i> — О лингвистическом значении	3
<i>Е. В. Гулыга</i> — К вопросу о взаимосвязи уровней (языковые макро- и микрополя)	13
<i>Л. С. Бархударов</i> —Процесс перевода с лингвистической точки зрения	23
<i>Ф. М. Березин</i> — О приложении некоторых положений общего языкознания (трансформационный метод, дистрибутивный метод) к методике преподавания иностранных языков	33
<i>Н. М. Минина</i> — Система и структура в языке	45
<i>О. Л. Каменская</i> — Об одном принципе подбора и изучения лексики специальных подсистем	56
<i>Р. К. Потупова</i> — Фонология и экспериментальная фонетика за рубежом (обзор некоторых работ по материалам периодической печати)	62

Английский язык

<i>В. Л. Наер</i> — О соотношении традиционного и оригинального в языке английской газеты	79
<i>Л. И. Бармина</i> — Об употреблении инфинитива и герундия	95
<i>Е. М. Гордон</i> — К проблеме связей между грамматикой и лексикой (на материале современного английского языка)	103
<i>И. С. Ивянская</i> — К вопросу о расщеплении слов в английском языке	114

Французский язык

<i>О. Л. Скворцова</i> — Семантические эквиваленты категории состояния во французском языке	126
<i>Т. А. Апресян</i> — О некоторых принципах разграничения значений	143

Немецкий язык

<i>Э. Г. Ризель</i> — Структурные тенденции в синтаксисе современного немецкого языка	154
---	-----

II. Методика

<i>Г. В. Колшанский</i> — Теоретические проблемы билингвизма	165
<i>М. К. Бородулина</i> — К вопросу комплексного и аспектного преподавания	179

